

ОРХАН ПАМУК

Мои странные мысли

В безрассудстве
Орхана Памука
живет гений.

Умберто Эко

Большой роман

Орхан Памук

Мои странные мысли

«Азбука-Аттикус»

2013

УДК 821.512.161
ББК 84(5Тур)-44

Памук О.

Мои странные мысли / О. Памук — «Азбука-Аттикус»,
2013 — (Большой роман)

Орхан Памук – известный турецкий писатель, обладатель многочисленных национальных и международных премий, в числе которых Нобелевская премия по литературе за «поиск души своего меланхолического города». Новый роман Памука «Мои странные мысли», над которым он работал последние шесть лет, возможно, самый «стамбульский» из всех. Его действие охватывает более сорока лет – с 1969 по 2012 год. Главный герой Мевлют работает на улицах Стамбула, наблюдая, как улицы наполняются новыми людьми, город обретает и теряет новые и старые здания, из Анатолии приезжают на заработки бедняки. На его глазах совершаются перевороты, власти сменяют друг друга, а Мевлют все бродит по улицам, зимними вечерами задаваясь вопросом, что же отличает его от других людей, почему его посещают странные мысли обо всем на свете и кто же на самом деле его возлюбленная, которой он пишет письма последние три года. Впервые на русском!

УДК 821.512.161
ББК 84(5Тур)-44

© Памук О., 2013
© Азбука-Аттикус, 2013

Содержание

Часть I	7
Мевлют и Райиха	7
Часть II	13
Каждый зимний вечер Мевлюта на протяжении двадцати пяти лет	13
Часть III	23
1. Дни Мевлюта в деревне	23
2. Дом	29
3. Предприимчивый человек, который строит дом на пустыре	32
4. Мевлют начинает торговлю	37
5. Мужской лицей имени Ататюрка	42
6. Средняя школа и политика	46
7. Кинотеатр «Эльязар»	53
8. Высота мечети Дуттепе	57
9. Нериман	60
10. Чем кончаются попытки повесить на стену мечети коммунистический плакат	63
11. Война Кюльтепе и Дуттепе	69
12. Взять в жены девушку из деревни	77
13. Усы Мевлюта	81
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Орхан Памук

Мои странные мысли

Orhan Pamuk

A STRANGENESS IN MY MIND

Originally published in Turkish as Kafamda Bir Tuhaflık

Copyright © 2013, Orhan Pamuk

All rights reserved

© А. Аврутина, перевод, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2016

Издательство ИНОСТРАНКА®

© Серийное оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2015

Издательство ИНОСТРАНКА®

* * *

Посвящается Аслы

Мои странные мысли

Навеяли уверенность того, что я вне времени

И вне пространства...

Вильям Вордсворт. Прелюдия. Книга 3

*Первый, кто, огородив участок земли, придумал заявить:
«Это мое!» – и нашел людей достаточно простодушных, чтобы тому
поверить, был подлинным основателем гражданского общества.*

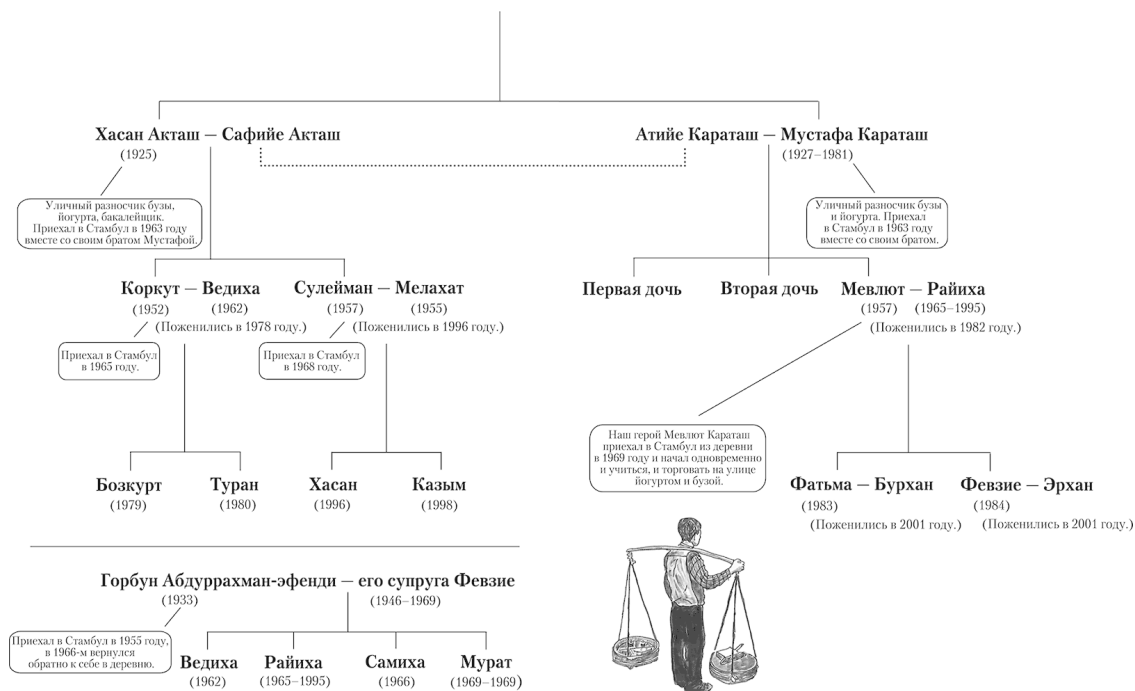
**Жан Жак Руссо. Рассуждение о происхождении и основаниях
неравенства между людьми**

*Глубина отличия частного мнения наших граждан
от официальной позиции властей является доказательством силы
нашего государства.*

Джеляль Салик¹. Записки

**Родословное древо Хасана Акташа и Мустафы Караташа, братьев, торговцев
бузой и йогуртом (мужья сестер Сафийе и Атийе)**

¹ Герой книги О. Памука «Черная книга». – Здесь и далее примеч. перев.

Часть I (17 июня 1982 года)

Если старшая засиделась, то выдавать младшую не очень уж принято.

Шинаси. Женитьба поэта

Ложь – во рту, кровь – в жилах, а девушку, которая хочет сбежать, не удержишь.

Народная поговорка из г. Бейшехира (округ Имренлер)

Мевлют и Райиха Украсть девушку – трудное дело

Это история жизни и ежедневных размышлений торговца бузой² и йогуртом Мевлюта Караташа. Мевлют появился на свет в 1957 году в самой западной точке Азии, в одной бедной деревеньке Центральной Анатолии, из которой виднелся берег скрытого туманом озера. В двенадцать лет он приехал в Стамбул и всю жизнь прожил только там, в столице мира. В двадцать пять лет он украл в своей деревне одну девушку; это был очень странный поступок, который определил всю его жизнь. Он вернулся в Стамбул, женился, у него родились две дочери. Он постоянно трудился на разных работах, торгуя то йогуртом, то мороженым, то пловом, то служа официантом. Но он никогда не переставал вечерами торговать бузой на улицах Стамбула и выдумывать странные мысли.

Наш главный герой Мевлют был высоким, крепким, но изящным на вид и казался добродушным. У него было по-детски невинное лицо, вызывавшее нежность у женщин, каштановые волосы, внимательный и умный взгляд. Я буду и дальше напоминать моим читателям, что не только в молодости, но и после сорока лет лицо Мевлюта сохранило по-детски наивное выражение и женщины продолжали считать его красивым, – эти два его качества важны для понимания всей нашей истории. Мне не потребуется специально напоминать о том, что Мевлют всегда был доброжелательным оптимистом – с точки зрения некоторых, простак, – вы сами это увидите. Если бы мои читатели знали Мевлюта, как я, они бы согласились с женщинами, которые находили его симпатичным и с виду невинным, и признали бы, что я ничего не преувеличиваю, лишь бы приукрасить свой рассказ. Посему сообщаю, что на протяжении всей этой книги, сюжет которой полностью опирается на реальные события, я ни разу ничего не преувеличу, а лишь буду довольствоваться простым перечислением всех приключившихся событий в той форме, в которой моим читателям будет легче следовать за ними.

Я начну свое повествование с середины, чтобы лучше рассказать о жизни и мечтах нашего героя, а прежде расскажу о том, как Мевлют в июне 1982 года украл девушку из соседней деревни Гюмюш-Дере (которая относится к Бейшехирскому уезду Коньи). Девушку, которая согласилась бежать с ним, Мевлют впервые увидел за четыре года до того на одной свадьбе в Стамбуле. Свадьбу тогда, в 1978 году, в стамбульском районе Меджидиекёй праздновал старший сын его дяди, Коркут. Мевлют никак не мог поверить, что он понравился такой юной (ей было тринадцать лет) и такой красивой девушке, которую он увидел на свадьбе. Девушка была сестрой невесты Коркута и впервые в жизни видела Стамбул, куда приехала на свадьбу

² Буза (боза) – традиционный густой напиток из проса.

своей старшей сестры. Три года писал ей Мевлют любовные письма. Девушка не отвечала, но брат Коркута Сулейман, доставлявший ей их, постоянно обнадеживал Мевлюта и советовал продолжать.

Когда воровали девушку, Сулейман вновь помог своему двоюродному брату Мевлюту: Сулейман вернулся из Стамбула вместе с Мевлютом в деревню, где прошло его детство, и даже самолично сидел за рулем принадлежавшего ему «форда». План похищения два приятеля воплотили, не попавшись никому на глаза. Согласно этому плану Сулейман должен был ожидать с фургоном Мевлюта и похищенную девушку на расстоянии часа от деревни Гюмюш-Дере и, пока бы все думали, что двое влюбленных направились в сторону Бейшехира, он повез бы их на север и, перевалив через горы, посадил бы их на вокзале Акшехира.

Мевлют пять или шесть раз проверил весь план, а еще тайком посетил два раза важные для этого плана места, такие как холодный чешме³, узкий ручей, поросший деревьями холм и садик за домом девушки. За полчаса до назначенного времени он вышел из фургона, который вел Сулейман, зашел на деревенское кладбище, располагавшееся над дорогой, и некоторое время молился там, глядя на могильные камни и упрощая Аллаха, чтобы все прошло хорошо. Он не мог признаться себе даже в том, что не доверял Сулейману. А вдруг Сулейман не придет туда, куда они договорились, к старому чешме, думал он. Он запретил себе подобные страхи, потому что они сбивали его с мыслей.

На Мевлюте в тот день были синяя рубашка и штаны из новой ткани, купленной в одной лавке на Бейоглу, сохранившиеся еще с тех лет, когда он учился в средней школе, а на ногах – ботинки, которые он купил в магазине «Сюмер-банк» перед армией.

Спустя некоторое время после того, как стемнело, Мевлют подошел к полуразрушенному забору. Окно, выходившее на задний двор белоснежного дома Горбуна Абдуррахмана, отца обеих девушек, было темным. Он пришел на десять минут раньше. Ему не стоялось спокойно, он все время поглядывал на темное окно. Ему подумалось, что в прежние времена, когда воровали девушку, кого-то непременно убивали и начиналась бесконечная череда кровной мести и что сбежавших, которые в ночной темноте сбивались с пути, иногда ловили. Присев у забора, он также вспомнил и тех, кто подвергался позору в том случае, если девушка в последний момент решала передумать, и на этой мысли нетерпеливо поднялся. Он сказал себе, что Аллах будет охранять его.

Залаяли собаки. В окне на мгновение вспыхнул и сразу погас свет. Сердце Мевлюта бешено забилося. Он направился прямо к дому. Среди деревьев раздался шорох, и его тихо позвали, почти шепотом:

«Мевлют!»

Это был нежный голос девушки, читавшей все его письма из армии и доверявшей ему. Мевлют вспомнил, как он с любовью и страстью писал ей сотни писем, как поклялся всей своей жизнью добиться ее, как мечтал о счастье. И вот наконец ему удалось ее убедить. Он не видел ничего и шел на голос, словно лунатик.

Они отыскиали друг друга во тьме и, взявшись за руки, побежали. Через десять шагов залаяли собаки, и тут Мевлют, растерявшись, потерял направление. Он попытался шагать дальше, повинаясь интуиции, но в голове его все смешалось. Деревья во тьме казались внезапно выросшими бетонными стенами, и они проходили мимо этих стен, совершенно их не касаясь, словно во сне.

Когда козья тропа закончилась, Мевлют, как и планировал, свернул на появившуюся перед ними тропинку в гору. Узкая тропинка, извиваясь, уходила ввысь, словно собиралась привести путника на темное, покрытое тучами небо. Примерно полчаса они, по-прежнему держась за руки, не останавливаясь, взбирались по склону. Отсюда были хорошо видны огни

³ Чешме – общественный источник.

Гюмюш-Дере, а за ними огни Дженнет-Пынар, где он родился и вырос. Повинуясь странному внутреннему голосу, Мевлют отклонился от заранее заготовленного с Сулейманом плана и зашагал в противоположную сторону от своей деревни. Если кто-то и отправился за ними в погоню, то следы не приведут их к ней.

Собаки все еще лаяли как сумасшедшие. Через некоторое время со стороны Гюмюш-Дере раздался выстрел. Они не испугались и не сбавили шага, но, когда замолчавшие на мгновение собаки вновь залаяли, побежали вниз по склону. Листья и ветви хлестали их по лицу, в ноги впивались шипы. Мевлют ничего не видел во тьме, ему каждое мгновение казалось, что они вот-вот сорвутся со скалы. Он боялся собак, но уже понял, что Аллах хранит его и Райиху и что в Стамбуле они будут жить очень счастливо.

Когда беглецы, задыхаясь, добрались до дороги на Акшехир, Мевлют был уверен, что они не опоздали. А если еще и Сулейман приедет на своем фургоне, то уже никто не заберет у него Райиху. Когда Мевлют писал ей письма, он, начиная каждое новое письмо, представлял себе прекрасное лицо девушки, ее незабываемые глаза и с волнением, тщательно, в начале страницы выводил ее прелестное имя – Райиха. Вспомнив обо всем этом, он ускорял шаги, хотя от радости ноги несли его сами собой.

Сейчас в темноте он совершенно не видел лица девушки, которую украл. Ему захотелось по крайней мере дотронуться до нее, поцеловать ее, но Райиха узелком с вещами легонько оттолкнула его. Мевлюту это понравилось, и он решил не дотрагиваться до девушки, с которой он собирался провести всю свою жизнь, прежде чем женится на ней.

Держась за руки, они перешли маленький мостик над ручейком Сарп-Дере. Рука Райихи была легкой и нежной. От шумно бурлившего под ними ручья пахло чабрецом и лавром.

Ночь осветилась лиловым светом, затем раздался гром. Мевлют испугался, что перед долгой поездкой на поезде их застигнет дождь, но шагов не ускорил.

Десять минут спустя они издали увидели габаритные огни кашляющего фургона Сулеймана, ожидавшего их у чешме. Мевлют обрадовался и тут же укорил себя за то, что сомневался в Сулеймане. Пошел дождь. Они побежали к фургону, уже уставшие. Фургон оказался дальше, чем им представлялось, они успели здорово вымокнуть под проливным дождем.

Райиха вместе со своим узелком залезла в темный кузов. Об этом Мевлют с Сулейманом условились заранее: и на случай, если полиция объявит розыск на дорогах, и чтобы Райиха не увидела Сулеймана.

Оказавшись в кабине фургона, Мевлют сказал: «Сулейман, я никогда в жизни не забуду того, что ты помог мне сегодня». И, не сдержавшись, изо всех сил обнял двоюродного брата.

Сулейман не проявил той же радости.

– Поклянись, что никому не скажешь о том, что я тебе помогал, – ответил он.

Мевлют поклялся.

– Девушка не закрыла кузов, – сказал Сулейман.

Мевлют выскочил и обошел фургон. Когда он закрывал за девушкой кузов, сверкнула молния, и все небо, горы, скалы, деревья вокруг на мгновение озарились.

На протяжении всей своей жизни Мевлют будет часто вспоминать тот миг, то странное чувство, что охватило его.

После того как фургон поехал, Сулейман вытащил из бардачка старое полотенце и протянул Мевлюту: «Вот, возьми, вытрись». Мевлют прежде понюхал его и, убедившись, что оно чистое, протянул его девушке в кузов через маленькое окошко.

Сулейман вздохнул: «А ты сам не вытерся. Другого полотенца нет».

Дождь стучал по крыше фургона, дворники работали со скрипом, но что касается остального – они ехали в глубоком безмолвии. В лесу, который освещал бледный рыжеватый огонь фар, царила крошечная темнота. Мевлют часто слышал, что волки, шакалы, медведи после полуночи встречаются с нечистой силой, а нечистую силу, таинственных чудовищ и тени шай-

танов он много раз видел по ночам на улицах Стамбула. Сейчас в лесу царил тьма потустороннего мира – именно в подобный мир острохвостые джинны, толстоногие дэвы, рогатые циклопы затаскивают заблудившихся путников и конченных грешников.

– Что ты молчишь, словно в рот воды набрал? – нарушил тишину Сулейман; Мевлют понял, что странное безмолвие, охватившее его, могло бы продлиться много лет. – Что-то не так? – спросил Сулейман.

– Нет, все в порядке.

Фары фургона, медленно продвигавшегося по узкой, залитой грязью дороге, освещали деревья, неясные тени и таинственные силуэты во тьме. Мевлют смотрел на них, понимая, что не забудет этих чудес до конца дней своих. Во всех деревнях, которые они проезжали, вслед им лаяли собаки, а затем наступала такая глубокая тишина, что Мевлют не мог понять, где обитают все эти странные мысли – в его собственной голове или в мире вокруг. В темноте он видел тени сказочных птиц. Он видел не понятные никому буквы, начертанные извилистыми линиями, видел следы шайтановых орд, прошедших по этим забытым всеми местам столетия назад. Он видел и тени каменных фигур, ведь в камень обратились те, кто совершил много грехов.

– Смотри не вздумай раскаиваться, – сказал Сулейман. – Бояться совершенно нечего. За вами никто не гонится. Наверняка все уже знают, что девушка сбежала. Уговорить Горбуна Абдуррахмана будет очень просто. Через один-два месяца он простит вас обоих. Прежде чем кончится лето, приедете поцеловать ему руку.

На повороте резкого спуска задние колеса фургона застряли в грязи. Мевлют на мгновение решил, что все кончено, и представил, как Райиха возвращается к себе в деревню, а он сам, несолоно хлебавши, – к себе домой в Стамбул.

Но вскоре фургон поехал дальше.

Час спустя фары фургона осветили узкие улочки городка Акшехир. Вокзал был на другом конце города.

– Держитесь вместе, – сказал Сулейман, притормозив возле железнодорожной станции. – Главное, чтобы Райиха меня не видела. Я не буду выходить из машины. Теперь я тоже отвечаю за произошедшее. Ты должен сделать счастливой Райиху, слышишь, Мевлют? Теперь она твоя жена, и ничего уже не изменить, стрела выпущена из лука. В Стамбуле не показывайтесь никому на глаза какое-то время.

Мевлют и девушка смотрели вслед красным огням фургона Сулеймана, пока те не скрылись. Затем они вошли в старое здание Акшехирского вокзала.

Внутри все сияло в свете ламп дневного света. Мевлют посмотрел в лицо суженой, которую он украл, со всем вниманием и, убедившись в реальности того, во что он никак не мог поверить, отвел глаза.

Это была не та красавица, которую он видел на свадьбе Коркута, сына своего дяди. Это была ее старшая сестра. Мевлуту на свадьбе показали красивую девушку, а вместо нее отправили другую. Мевлют, понявший, что его обманули, испытывал стыд. Он не мог больше смотреть в лицо девушки. Он не знал даже, как ее зовут.

Кто сыграл с ним эту злую шутку? Шагая к билетной кассе в здании вокзала, он, как изда-лека, слышал эхо собственных шагов, словно это были чьи-то чужие шаги. Отныне все старые вокзалы будут напоминать Мевлуту до конца его дней те несколько минут.

Он купил два билета на Стамбул.

– Сейчас подойдет поезд, – сказал кассир.

Но поезд не подошел. Они сидели на краешке скамьи в маленьком зале ожидания, битком забитом корзинами, узлами, чемоданами и усталыми путниками.

Мевлют вспоминал, что у Райихи вроде бы была старшая сестра. А может быть, ту красивую девушку вовсе и не звали Райиха? Он все никак не мог понять, как его обвели вокруг пальца.

– Как тебя зовут? – спросил он.

– Райиха!

Ну конечно! Красавицу звали другим именем! Ему досталась именно Райиха.

Пока они сидели на скамейке, он лишь посмотрел на руку Райихи. Совсем недавно он держал эту руку с любовью – рука была красивой. Она послушно лежала на коленке и то и дело оправляла платок и подол юбки.

Мевлют встал, сходил к буфету на привокзальной площади и купил два вчерашних чурека. Возвращаясь, он вновь издали внимательно посмотрел на лицо Райихи. Мевлют еще раз убедился в том, что Райиху он видит впервые в жизни. Но как такое могло произойти? Знала ли Райиха, что Мевлют пишет свои письма, думая о ее сестре?

– Хочешь есть?

Изящная рука Райихи потянулась и взяла хлеб. Мевлют увидел на лице девушки не волнение, которое обычно бывает на лице сбежавших влюбленных, а выражение благодарности.

Пока Райиха медленно, словно совершая преступление, осторожно жевала лепешку, Мевлют краем глаза наблюдал за ее движениями. Есть ему вовсе не хотелось, но так как он не знал, что делать, то он тоже съел черствый чурек.

Мевлют чувствовал себя ребенком, которому кажется, что занятия в школе никогда не закончатся. Его разум искал ошибку в прошлом, которое положило начало этому дурному пути.

Он все время вспоминал свадьбу. Его отец, покойный Мустафа-эфенди, совершенно не хотел, чтобы он ходил на эту свадьбу, но Мевлют сбежал из деревни и приехал в Стамбул. Неужели то, что случилось, было результатом его собственной ошибки? Взгляд Мевлюта, обращенный в себя, словно фары фургона Сулеймана, искал причину, пролившую бы свет на скрытые полумраком воспоминания его двадцатипятилетней жизни и на ее нынешнее сумрачное положение.

Поезд все никак не шел. Мевлют встал и снова отправился в буфет, но тот уже закрылся. На вокзальной площади стояли две повозки, ожидавшие пассажиров, лошади фыркали, возницы курили. На площади царил невероятное безмолвие. Он увидел рядом со старым зданием вокзала огромный платан.

На дереве висела табличка с надписью, на которую падал бледный вокзальный свет.

В 1922 году основатель нашей республики Мустафа Кемаль Ататюрк посетил Акшехир и под этим платаном, возраст которого насчитывает сто лет, пил кофе.

В школе на уроках истории Акшехир упоминался несколько раз. Мевлют знал, что городок играет важную роль в турецкой истории, но сейчас он совершенно не помнил этих книжных сведений. Он винил себя за свои недостатки. Ведь он и в школе не старался учиться как следует.

Вернувшись и сев рядом с Райихой, Мевлют вновь посмотрел на нее. Нет, он не мог вспомнить, была ли она на той свадьбе.

В опоздавшем на несколько часов ржавом и скрипучем поезде они отыскивали свой вагон. В пустом купе Мевлют сел не напротив Райихи, а рядом с ней. Пока стамбульский поезд покачивался, проползая по изношенным железнодорожным путям, рука и плечо Мевлюта то и дело касались ее руки и плеча. Даже это казалось Мевлюту странным.

Он отправился в вагонную уборную и какое-то время, словно в детстве, слушал, нажав ногой на педаль металлического унитаза, как колеса громко стучат по рельсам. Когда он вер-

нулся, девушка уже спала. Как она могла спокойно спать в ту ночь? «Райиха, Райиха!» – позвал Мевлют, наклонившись к ее уху. Девушка тут же проснулась с той естественностью, которой могла обладать только лишь настоящая владелица имени, и нежно улыбнулась.

Они молча смотрели в окно вагона, словно муж и жена, которые вместе уже долгие годы и которым не о чем разговаривать. Мелькали уличные фонари то и дело пронесившихся за окном городков, огни машин на далеких дорогах, зеленые и красные железнодорожные семафоры, однако по большей части за окном была только крошечная тьма – и тогда они не видели в стекле ничего, кроме своих отражений.

Через два часа начало светать. Из глаз Райихи внезапно потекли слезы.

– Ты хочешь вернуться домой? – спросил Мевлют. – Ты жалеешь?

Райиха заплакала еще сильнее. Мевлют неуклюже положил руку ей на плечо, но тут же смутился и убрал ее. Райиха плакала долго, горько и навзрыд. Мевлют испытывал вину и раскаяние.

– Ты меня не любишь, – сказала Райиха через некоторое время.

– Почему?

– В твоих письмах была любовь. Ты меня обманул. Те письма на самом деле ты писал?

– Все те письма писал я, – проговорил Мевлют.

Но Райиха не успокаивалась.

Час спустя Мевлют вышел из поезда на станции Афьон-Карахисар, добежал до буфета и купил хлеб, три треугольничка овечьего сыра и упаковку печенья. Когда поезд ехал вдоль реки Аксу, они позавтракали, запивая незамысловатую еду чаем, который за деньги разносил какой-то мальчик. Мевлюту нравилось наблюдать, как Райиха смотрит в окно на города, тополя, трактора, повозки, ребятишек, гоняющих в футбол, на реки, протекавшие под железнодорожными мостами. Все вокруг ей казалось интересным, весь мир.

Когда поезд проезжал между станциями Алаюрт и Улукёй, Райиха заснула, и голова ее опустилась Мевлюту на плечо. Он ощутил свою ответственность и одновременно – счастье. В их купе вошли и сели на соседнюю скамью двое полицейских. Мевлют считал, что электрические столбы, грузовики на шоссе и новые бетонные мосты являются признаком того, что страна богатеет и развивается; ему было неприятно смотреть на политические лозунги, которыми были исписаны стены в кварталах бедноты.

Мевлют заснул, сам тому удивившись.

Когда в Эскишехире поезд остановился, они оба проснулись и на мгновение испугались, увидев полицейских, но затем успокоились и улыбнулись друг другу.

У Райихи была искренняя улыбка. Лицо ее было открытым, простым и очень светлым. Мевлюта терзали подозрения о том, что она в сговоре с теми, кто обманул его, но, когда смотрел на нее, он не мог удержаться от мысли, что девушка ни в чем не виновна.

Когда поезд подъезжал к Стамбулу, они заговорили об огромных фабриках, выстроившихся по обе стороны пути, о высокой трубе нефтеочистительного завода в Измите, о том, какими большими бывают грузовые корабли, и о том, кто знает в какие части света они направляются. Райиха окончила только начальную школу, но без особых усилий смогла перечислить названия дальних заморских стран. Мевлют почувствовал гордость за нее.

Райиха была в Стамбуле четыре года назад, на свадьбе своей сестры. Но она все равно наивно спросила: «Это уже Стамбул?»

– Каргал уже считается Стамбулом, – ответил Мевлют с уверенностью человека, хорошо осведомленного. – Однако нам еще ехать.

Он показал Райихе на острова вдаль. Однажды они непременно поедут гулять на Принцёвы острова.

Увы, за всю короткую жизнь Райихи они не совершили такой поездки ни разу.

Часть II (30 марта 1994 года)

*– Да вот хоть черкесы, – продолжал он, – как напьются бузы на свадьбе или на похоронах, так и пошла рубка.
Лермонтов. Герой нашего времени*

Каждый зимний вечер Мевлюта на протяжении двадцати пяти лет *Оставьте в покое торговца бузой*

Через двенадцать лет после того, как они с Райихой сбежали в Стамбул, одним темным мартовским вечером 1994 года Мевлют продавал бузу и вдруг наткнулся на корзину, которую кто-то быстро и тихо опустил перед ним сверху.

– Торговец! Торговец, на двоих, – послышался детский голос.

Корзина спустилась перед ним с небес в темноте, словно ангел. Наверное, Мевлют так растерялся потому, что обычай совершать покупки через опущенную за окно корзину теперь был почти забыт. Он вспомнил те дни, двадцать пять лет назад, когда они с отцом торговали йогуртом и бузой (он еще учился в средней школе). В эмалированную миску, стоявшую в оплетенной корзине, поместилось гораздо больше бузы, чем просил звучавший сверху детский голос, не два стакана, а почти литр. И он почувствовал себя так, словно встретил ангела. В последние годы голова Мевлюта бывала иногда занята религиозными вопросами.

В этом месте нашего рассказа я должен сообщить читателям всего мира, которые не знают, что такое буза, а заодно и будущим поколениям турецких читателей, которые, как я полагаю, к сожалению, в предстоящие двадцать-тридцать лет забудут о ней, о том, что Мевлют разносил традиционный в Азии слабоалкогольный коричневатый напиток плотной консистенции с приятным запахом, который изготавливают из просяной закваски.

В прежние, османские времена в Стамбуле бузу продавали в лавках. К 1923 году, когда основали республику, лавки бузовщиков были уже давно закрыты, вытесненные пивными немецкого образца. Однако с улиц Стамбула торговцы бузой вроде Мевлюта не исчезали. После 50-х годов торговля бузой осталась единственным делом торговцев, которые зимними вечерами проходили по бедным и неухоженным, выложенным брусчаткой улочкам Стамбула, выкрикивая: «Буза! Кому буза!» – и напоминали о давно минувших столетиях и ушедших в прошлое прекрасных днях.

Мевлют положил в карман деньги, лежавшие в корзине, и дал знак поднимать ее.

Плетеная корзина раскачивалась вправо-влево на холодном ветру, ударяясь об окна на нижних этажах и водосточную трубу, чем доставляла немало трудностей тянувшим за веревку детям. Когда корзина достигла пятого этажа, она, казалось, на мгновение словно замерла в воздухе, словно веселая чайка, поймавшая встречный ветер. Затем корзина внезапно исчезла в темноте, словно нечто загадочное и запретное, а Мевлют продолжил свой путь.

– Буза! – выкрикивал он, проходя по улице, тонувшей в полумраке. – Кому свежая буза!

Манера совершать покупки с помощью корзин являлась обычаем тех времен, когда в помине не было лифтов, а на входных дверях – автоматических замков, и часто использовалась в стамбульских высоких пятиэтажных домах. В те дни, в 1969 году, когда Мевлют с отцом только начали торговать, домохозяйки, которые хотели днем купить бузы, йогурта или попросить подмастерье бакалейщика принести им провизию из лавки и которым не хотелось спус-

катся на улицу, подвешивали к своим корзинам маленькие колокольчики, чтобы на улице продавцы и владельцы бакалейных лавок могли услышать, что наверху, в доме, где нет телефона, есть клиент. Когда торговец ставил товар в корзину, он раскачивал ее, чтобы наверху услышали. Некогда Мевлюту очень нравилось наблюдать за тем, как эти корзины поднимаются вверх: они ударялись о ветви деревьев, задевали электрические телефонные провода, запутывались в бельевых веревках, натянутых между домами, а подвешенные колокольчики вызванивали приятную мелодию. Некоторые особо аккуратные клиенты клали в корзину особую тетрадку, куда записывались их долги. Его неграмотный отец, до того как сын приехал к нему из деревни, отмечал все покупки в виде черточек (одна черточка – литр, половина черточки – пол-литра), и теперь с гордостью наблюдал, как Мевлют записывает в тетрадку цифры, а для некоторых клиентов оставляет еще и записки.

Но все это было делом давно минувших дней. За прошедшие двадцать пять лет Стамбул так изменился, что воспоминания казались Мевлюту едва ли не сказкой. Улицы, которые были сплошь вымощены брусчаткой, теперь заасфальтированы. Почти все трехэтажные деревянные особняки, окруженные садами, снесены. На их месте возвышались высокие многоквартирные дома, на верхних этажах которых не было слышно голоса уличного торговца. Место радиоприемников заняли вечно включенные по вечерам телевизоры, звук которых перекрывал голоса торговцев бузой. С улиц исчезли тихие изнуренные люди в бесцветной поношенной одежде, а их сменила шумная, оживленная, хорошо одетая толпа.

Мевлют совершенно не печалился, что Стамбул меняется. Напротив, он всегда хотел следовать в ногу с этими разительными переменами и всегда ходил в те кварталы, где его хорошо встречали и любили.

Например, в район Бейоглу – самый шумный и самый близкий к его дому. Пятнадцать лет назад, в конце семидесятых, на переулках Бейоглу до полуночи не закрывались казино, ночные клубы и полуподпольные дома свиданий. Мевлют мог торговать там до глубокой ночи. Женщины, которые в отапливаемых печками подвалах и павильонах подрабатывали и певичками, и консумантками, их поклонники, усталые усатые мужчины средних лет, приехавшие по торговым делам из Анатолии и выпивавшие с ними, недавно переселившиеся в Стамбул провинциалы, для которых сидеть за одним столом рядом с женщиной было невиданным развлечением, туристы из Пакистана и арабских стран, официанты, охранники, привратники – они покупали у Мевлюта бузу даже в полночь. Но за последние десять лет все исчезло словно по мановению волшебной палочки. Веселые заведения, где пели османские и европейские песни, закрылись, а вместо них появились шумные закусочные, где на мангале жарили шиш-кебаб по-адански⁴ и запивали его раки⁵. Так как толпы молодежи, развлекавшейся собственными танцами живота, не интересовались бузой, Мевлют теперь по вечерам даже не заглядывал в окрестности проспекта Истикляль.

Уже двадцать пять лет каждый зимний вечер, около восьми, после окончания вечерних новостей, он начинал готовиться к выходу из дому, который они снимали в Тарлабаши, надевал связанный женой коричневый свитер, шерстяную тубетейку, завязывал синий передник, который очень нравился покупателям, брал в руку бидон, полный бузы, в которую жена или дочери добавляли сахар и особые пряности, взвешивал его в руках («Мало вы налили, сегодня вечером холодно», – говорил он иногда), надевал свое черное пальто и прощался с домашними. «Не ждите меня, ложитесь спать», – говорил он, повернувшись к маленьким дочкам. Но теперь Мевлют все чаще и чаще обращался к домашним с одной и той же фразой: «Я вернусь не поздно».

⁴ *Шиш-кебаб по-адански* – шашлык, приготовленный по рецепту из г. Адана.

⁵ *Раки* – анисовая водка на Балканах и Ближнем Востоке.

За дверями, на улице, первым делом он брал деревянный шест торговца, сделанный из дубовой ветки, который носил вот уже двадцать пять лет, к обоим его концам привязывал за ручки пластмассовые бидоны, полные бузы, закладывал шест за спину и, словно солдат, который в последний раз перед битвой проверяет, на месте ли его пули и заряжено ли ружье, проверял маленькие мешочки с жареным нутом и корицей, которые хранились у него на поясе и во внутреннем кармане пальто, а затем начинал свой бесконечный поход.

«Свежая буза...»

Он направлялся в верхние кварталы, а затем, свернув от Таксима, быстро шагнул туда, где собирался торговать тем вечером. Дойдя до нужного квартала, работал без перерыва долгое время, останавливаясь лишь на полчаса в какой-нибудь кофейне выкурить сигарету.

Когда перед ним, словно ангел с небес, опустилась корзина, на часах было девять тридцать и Мевлют был в Пангалты. Ровно через час он был в переулках Гюмюшсую и, когда свернул на темную улочку, выходящую к маленькой мечети, увидел стаю собак, которую заметил еще несколько дней назад. Так как уличные собаки не приближались к уличным торговцам, то Мевлют до недавнего времени их не боялся. Но на сей раз его сердце забило в странной тревоге. Если испугаться, то собаки мгновенно почувствуют запах страха и тут же нападут. Ему захотелось подумать о чем-то другом.

Он постарался подумать о том, что сейчас его дочери смотрят телевизор и смеются, о том, что через некоторое время он вернется домой и будет о чем-то разговаривать с женой, о том, что Великий Пророк заветал держать сердце чистым, и о том ангеле, которого он только что представлял себе. Но победить чувство страха в себе не смог.

– Гав-гав-гав! – подбежала к нему одна из собак.

Следом за ней медленно приблизилась вторая. Они были цвета грязного асфальта. Вдалеке Мевлют увидел еще одну собаку, черную.

Три собаки залаяли одновременно. Впервые за всю его жизнь уличного торговца Мевлюту стало страшно, точно так же страшно, как один или два раза в детстве. Он пытался вспомнить аяты⁶ и молитвы, которые следовало читать от собак, и застыл на месте. Но собаки продолжали лаять.

Мевлют судорожно искал глазами какую-нибудь открытую дверь, какое-нибудь убежище. А может, стоит поставить бидоны на землю и шестом разогнать собак?

Где-то открылось окно. Кто-то закричал: «А ну, вон пошли! Оставьте в покое торговца, вон, вон!»

Собаки вздрогнули и затем, замолчав, удалились.

Мевлют почувствовал огромную благодарность к человеку в окне третьего этажа.

– Ничего не бойся, торговец, – сказал человек в окне. – Эти псы трусливые, сразу понимают, кто их боится. Ты понял?

– Спасибо! – сказал Мевлют, собираясь продолжить свой путь.

– Подойди-ка сюда. Давай и мы купим у тебя немножко бузы.

Мевлюту не понравилось, как человек сверху разговаривает с ним, но к двери подошел.

Дверь жилого дома с жужжанием автоматически открылась. Внутри пахло газом, прогорклым маслом и масляными красками. Мевлют неторопливо поднялся по лестнице на третий этаж. Наверху его не стали держать в дверях, а обошлись с ним как было принято среди добропорядочных людей в прошлом:

– Входи, торговец, ты, должно быть, замерз.

Перед дверью в несколько рядов стояла обувь. Когда Мевлют наклонился, развязывая шнурки, то ему подумалось: его старинный друг Ферхат однажды сказал, что все жилые дома в Стамбуле делятся на три типа:

⁶ Аят – стих Корана.

1. Дома богобоязненных людей, где совершается намаз и на пороге которых снимают обувь.

2. Дома европеизированных буржуа, куда можно входить в обуви.

3. Новые многоэтажные жилые дома, где живут семьи двух вышеперечисленных типов.

Этот жилой дом находился в богатом квартале. Здесь не было никого, кто бы снимал и оставлял на пороге квартиры обувь. Но Мевлют всегда уважительно снимал обувь на пороге, будь то дом человека среднего класса или дом богача. Он никогда не слушал, если ему говорили: «Торговец, не снимай обуви».

В квартире, куда вошел Мевлют, стоял сильный запах раки. Он услышал радостный гомон веселых людей, уже изрядно выпивших, хотя вечер еще не подошел к концу. За обеденным столом, занимавшим почти всю маленькую гостиную, сидели шесть или семь мужчин и женщин и, глядя в телевизор, включенный, как обычно в домах Стамбула, на полную громкость, одновременно смеялись и разговаривали.

Когда они заметили, что Мевлют вошел, за столом воцарилось молчание.

Мевлют прошел на кухню, а там изрядно подвыпивший человек пробормотал ему: «Ну-ка, братец, налей-ка нам бузы». Это был не тот человек, которого он видел в окне.

– А корица и жареный нут у тебя есть? – поинтересовался выпивший.

– Есть. Сколько вас человек?

– Сколько нас? – насмешливо крикнул человек невидимой компании в комнате.

Те, кто сидел за столом, принялись, подшучивая друг над другом, решать, сколько же их собралось.

– Приятель, если буза слишком кислая, я не буду ее пить! – раздался голос одной из женщин.

– Буза у меня сладкая, – отозвался Мевлют.

– Тогда я не буду, – послышался мужской голос. – Бузу лучше всего пить, когда она кислая.

Сидящие за столом заспорили.

– Иди сюда, торговец, – позвали его.

Мевлют перешел из кухни в гостиную и там почувствовал, как сильно он отличается от тех, кто был там, каким нищетолюбом кажется им. На мгновение воцарилась тишина и неловкость. Все за обеденным столом с любопытством смотрели на него. Это любопытство было вызвано и тем, что сидящие видели перед собой нечто из далекого прошлого – то, мода на что давно прошла. Такие взгляды Мевлют часто ловил в последние годы.

Три женщины были крашеными блондинками. Мевлют заметил, что человек, который спас его от собак, сидит во главе стола между двумя из них.

– Буза может быть и сладкой, и кислой, – ответил Мевлют с достоинством.

– Слышь, торговец, ты этим деньги хоть зарабатываешь?

– Зарабатываю, хвала Аллаху!

– Так, значит, это дело приносит деньги... Сколько лет ты этим занимаешься?

– Я торгую бузой уже двадцать пять лет. А прежде по утрам торговал еще и йогуртом.

– Если ты двадцать пять лет этим занимаешься, да еще и зарабатываешь деньги, ты, должно быть, богат. Разве не так?

– Мы, к сожалению, так и не разбогатели, – ответил Мевлют.

– Почему?

– Все наши родственники, с которыми мы приехали из деревни, сейчас богаты, но мне не повезло.

– Почему не повезло?

– Потому что я честный, – сказал Мевлют. – Я никогда не лгу, не продаю порченный товар, не совершаю харам⁷ ради того, чтобы у меня был большой дом и чтобы дочке сыграть богатую свадьбу.

– Ты что, святоша?

Мевлют давно заметил, что в домах богачей подобный вопрос с некоторых пор приобрел политический смысл. На выборах в мэрию Стамбула, которые прошли третьего дня, победила происламская партия, за которую голосовали в основном бедняки. За кандидата, неожиданно выбранного мэром, голосовал и Мевлют, и потому, что тот был набожен, и потому, что тот окончил школу Пияле-Паша в районе Касым-Паша, куда ходили обе его дочери.

– Я простой торговец, – хитро ответил Мевлют. – Как может торговец быть набожным?

– Почему же не может?

– Я все время работаю. А когда ты с утра до вечера на улице, то как можно пять раз совершить намаз?

– Что ты делаешь по утрам?

– Чего я только не делаю... Я и плов из нута продавал, и официантом работал, и мороженщиком, и даже директором был... Я все могу.

– И где же ты директорствовал?

– В кафе «Бинбом». Оно было в Бейоглу, но закрылось. Может, знаете?

– А что ты сейчас делаешь по утрам?

– Сейчас я свободен.

– А что, у тебя нет жены, семьи? – спросила блондинка с приветливым лицом.

– Есть. Хвала Аллаху, у нас есть и два ангела-дочки.

– Ты ведь отправишь их учиться в школу, не так ли? А когда они подрастут, заставишь голову покрывать?

– Мы простые крестьяне из бедной степной деревни, – сказал Мевлют. – Мы привязаны к нашим обычаям.

– И ты поэтому торгуешь бузой?

– Большинство земляков из нашей деревни отправились в Стамбул торговать йогуртом и бузой, но, по правде говоря, у нас в деревне мы не знали ни бузы, ни йогурта.

– То есть впервые ты увидел бузу в городе?

– Да.

– А кто тебя научил кричать так, как кричат все уличные торговцы? У тебя, слава Аллаху, очень хороший, сильный голос, словно у муэдзина.

– Бузу торговцу помогает продавать его громкий голос, – ответил Мевлют.

– Торговец, а тебе по ночам на темных улицах не страшно? Не бывает тоскливо?

– Аллах Всемогущий помогает скромному торговцу. Я всегда думаю только о хорошем.

– И даже когда по ночам ты ходишь по темным окраинным улицам и видишь кладбища, собак, джиннов, пери?

Мевлют промолчал.

– Как тебя зовут? – продолжали допытываться сидящие.

– Мевлют Караташ.

– Мевлют-эфенди, ну-ка, продемонстрируй нам, как ты кричишь – буза!

Мевлют уже много раз имел дело с пьяными компаниями. В те годы, когда он только начал торговать на улице, ему очень часто приходилось выслушивать от пьяных следующее: «В вашей деревне есть электричество?» (когда он впервые приехал в Стамбул, не было), «Ты вообще учился в школе?» И после подобных вопросов следовали другие: «Что ты почувствовал, когда впервые прокатился на лифте?», «Когда ты впервые пошел в кино?». В те годы

⁷ Харам – запретное, недозволенное в исламе.

Мевлют не стеснялся показывать себя наивнее и глупее, чем он был на самом деле. Перед постоянными клиентами, с которыми у него были приятельские отношения, он нередко изображал, как кричит на улицах «Буза!», не заставляя себя долго упрашивать.

Но то было в прошлом. Сейчас если бы не благодарность, которую он испытывал к человеку, который спас его от собак, то он давно прекратил бы беседу, разлил бузу и ушел.

– Где ты берешь эту бузу? – спросил один из сидящих.

– Делаю сам.

– Все торговцы покупают ее в лавке «Вефа».

– Делаю уже пять лет, и к тому же заготовку для нее производят в Эскишехире, – сказал Мевлют. – Но я раньше покупал сырье, самое лучшее, которое было в лавке «Вефа», затем его обрабатывал, добавлял собственные приправы.

– То есть ты дома просто насыпаешь в нее сахара?

– Буза может быть и сладкой, и кислой.

– Да ладно, ну что ты такое говоришь! Буза бывает только кислой, а кислоту ей придает закваска.

– А в бузе есть спирт? – спросила одна из женщин.

– Девочка, ну ты совсем ничего не знаешь! – воскликнул один из мужчин. – Буза – это напиток Османов, у которых спирт и вино были под запретом. Мурад Четвертый по ночам переодевался и ходил по городу, приказывая закрыть не только пивные, не только кофейни, но и лавки, где торговали бузой.

– А почему он приказывал закрыть кофейни?

Начался пьяный спор, который Мевлют привык видеть у припозднившихся гуляк и в пивных. На мгновение о нем забыли.

– Вот, торговец, скажи – есть в бузе алкоголь?

– В бузе алкоголя нет, – соврал Мевлют. Его отец всегда отвечал именно так.

– Как это нет, торговец? В бузе есть алкоголь, но его очень мало. В османские времена некоторые богомольцы, которым хотелось расслабиться, именно поэтому и твердили, что в бузе алкоголя нет, а сами со спокойным сердцем выпивали по десять стаканов. Но во времена республики, когда Ататюрк⁸ разрешил пить раки и вино, торговля бузой, в которой не осталось смысла, сразу прекратилась. Это случилось еще семьдесят лет назад.

– Может, вернутся исламские запреты и вернется буза, – сказал Мевлюту пьяный человек с тонким носом, бросая на него провокационные взгляды.

– В бузе алкоголя нет, – повторил Мевлют как ни в чем не бывало. – Если бы он там был, я бы ее не продавал.

– Смотри, видишь, вот человек верующий, не то что ты, – сказал один из мужчин тонконосому.

– Ты говори за себя. Я все про свою веру знаю и раки пью, когда хочу, – ответил тот. – Торговец, а ты что, боишься, раз говоришь, что в бузе алкоголя нет?

– Я не боюсь никого, кроме Аллаха, – ответил Мевлют.

– Вай, ты слышал его ответ?

– Ты что, не боишься по ночам на улицах собак, грабителей?

– Бедный разносчик бузы никому не нужен, – с улыбкой отвечал Мевлют. – Он не нужен ни грабителям, ни разбойникам, ни ворам. Я уже двадцать пять лет занимаюсь этим делом. Меня еще ни разу не ограбили. Разносчика бузы уважают все.

– За что?

⁸ Мустафа Кемаль Ататюрк (1881–1938) – лидер освободительного движения, турецкий реформатор, основатель Турецкой Республики, ставший национальным лидером турок и сумевший сплотить вокруг себя нацию.

– За то, что буза – это то, что осталось нам от прошлого, от наших предков. В наше время на улицах Стамбула не насчитается и сорока разносчиков бузы. Очень мало кто, как вы, покупает ее. Но многие, когда слышат голос торговца, вспоминают прошлое и радуются. Вот что позволяет торговцу бузой жить, и вот что делает его счастливым.

– А ты что, святоша?

– Да, я боюсь Аллаха, – ответил Мевлют, прекрасно зная, что эти слова их напугают.

– А ты любишь Ататюрка?

– Гази Мустафа Кемаль-паша в тысяча девятьсот двадцать втором году был у нас, в Акшехире, – сказал Мевлют. – После этого он отправился в Анкару, создал там республику и в конце концов в один прекрасный день приехал в Стамбул, где остановился на Таксиме в Парк-отеле. Однажды выглядывает он из окна и замечает, что за окном и шумно, и весело, но чего-то не хватает. Он спрашивает у своего адъютанта, в чем дело, а тот ему отвечает: «Паша, мы запретили всем уличным торговцам появляться на улицах, чтобы не прогневать вас. Потому что в Европе такого нет». В ответ на это Ататюрк очень рассердился. «Уличные торговцы как солонья для улиц, они – радость и жизнь Стамбула. Вы ни в коем случае не должны их запрещать». С того самого дня в Стамбуле разрешено совершенно свободно торговать на улицах.

– Слава Ататюрку, – сказала одна из женщин.

Некоторые из сидевших за столом повторили за ней: «Слава Ататюрку». Мевлют повторил вслед за ними.

– Хорошо, а если к власти придут исламисты, разве Турция не уподобится Ирану?

– Армия не позволит этим исламистам ничего делать. Военные устроят переворот, закроют их партию, бросят всех в тюрьму. Разве не так, торговец?

– Я маленький человек, – ответил Мевлют. – Меня политика не касается. Политика – это дело больших людей.

Сидящие возбужденно загалдели.

– Торговец, я думаю точно так же, как и ты. Я боюсь только Аллаха и тещу.

– Послушай, торговец, а у тебя теща есть?

– К сожалению, я с ней так и не познакомился.

– А как же ты женился?

– Мы с женой влюбились друг в друга и сбежали. На такое не каждый способен.

– А как вы познакомились?

– На свадьбе у родственников. Я три года писал ей письма.

– Молодец, торговец, а ты парень не промах.

– А что сейчас твоя ханым делает?

– Занимается работой по дому. Это трудно, и на такое не каждая женщина способна.

– Торговец, если мы выпьем твоей бузы, мы опьянеем еще больше?

– От моей бузы никто не пьянеет, – сказал Мевлют. – Вас восемь человек, наливаю вам два литра.

Он вернулся на кухню, налил в стаканы бузу, отсыпал жареный нут и корицу, а затем пересчитывал деньги. Затем Мевлют решительно попрощался со всеми и надел ботинки, словно его ждали другие клиенты и он вынужден торопиться.

– Торговец, на улице дождь и грязь, береги себя! – прокричали ему вслед. – Хорошей торговли, чтоб на тебя никогда ни воры, ни собаки не нападали!

– Торговец, приходи к нам еще! – крикнула одна из женщин.

Мевлют прекрасно знал, что на самом деле они больше не захотят бузы: они позвали его только ради того, чтобы развлечься. Уличный холод освежил Мевлюта.

– Бууузаа!

За двадцать пять лет он повидал много людей, подобных этим людям, слышал эти вопросы тысячи раз и уже привык к ним. В конце 1970-х он множество раз видел подобные пья-

ные застолья: его расспрашивали о жизни картежники, сводники, жиголо, проститутки. Мевлют умел быстро завершать с ними свои дела и, не теряя времени, вновь оказываться на улице.

Впрочем, в последнее время его редко приглашали войти в дом, присоединиться к застолю. Двадцать пять лет назад почти каждый покупатель зазывал его к себе. Очень многие спрашивали: «Не мерзнешь ли ты, ходишь ли по утрам в школу, хочешь ли ты чая?» Некоторые звали его в гостиную и даже сажали за стол. Но он торопливо уходил, не успевая насладиться этими приглашениями и заботой, так как тогда у него было много работы и он постоянно был занят тем, что доставлял клиентам их заказы. В прежние времена горожане редко вели подобные пьяные беседы. Не то что сейчас! Его приятель Ферхат полушутя-полусерьезно говорил ему: «Скажи мне, если люди пьют текелевскую раку в сорок пять градусов всей семьей, то зачем им твоя трехградусная буза? Это дело давно устарело, брось ты его, ради Аллаха, Мевлют. Теперь этим людям твоя буза не нужна, чтобы напиться».

Мевлют свернул на тихие улочки, спускавшиеся к Фындыклы, быстро налил пол-литра бузы постоянному клиенту и, выходя из здания, в тени дома напротив заметил две подозрительные тени.

Повинуясь интуиции, через какое-то время он обернулся и мгновенно убедился в том, что два подозрительных типа идут следом за ним. Он два раза сильно, два раза слабо тряхнул колокольчиком, который держал в руках, и вновь прокричал: «Буза!» Он решил быстро спуститься по лестнице, а затем вновь подняться уже по другой лестнице в Джихангир и, срезая путь, отправиться домой.

Когда он спускался, один из преследователей окликнул его:

– Торговец, торговец, стой-ка!

Мевлют сделал вид, что не слышит. Торопливыми шагами, сжимая шест на плечах, он продолжил осторожно спускаться. В том месте, куда не доставал свет фонарей, ему пришлось сбавить скорость.

– Торговец, мы же сказали тебе – стой! Что мы, враги тебе? Мы хотим купить бузы.

Мевлюту стало стыдно из-за собственной трусости, и он остановился. Пролет лестницы, на котором он стоял, был довольно темным из-за того, что финиковое дерево закрывало его от света фонаря. Тем летом, когда он украл Райиху и торговал мороженым, в этом месте он на ночь оставлял свою трехколесную тележку.

– Сколько стоит твоя буза? – развязным тоном спросил один из спускавшихся за ним.

Теперь все трое стояли под финиковым деревом в темноте. Обычно тот, кому хотелось бузы, спрашивал цену, однако спрашивал он ее, как правило, тихо и вежливо, не с таким вызовом. Мевлют всерьез забеспокоился. Он назвал цену в половину меньше обычной.

– Ух ты, как дорого! – сказал один из мужчин, тот, что был крупнее. – Ну-ка, дай-ка нам два стаканчика. Надо же, какие ты деньги зарабатываешь.

Мевлют опустил на землю свои бидоны, вытащил из кармана передника большой пластмассовый стакан, налил бузы и протянул стакан второму человеку, который был меньше и моложе.

– Пожалуйста.

– Спасибо.

Когда Мевлют наливал второй стакан, он уже испытывал почти что чувство вины из-за повисшего странного молчания. Крупный это тоже почувствовал.

– Ты куда-то бежишь, торговец. Что, у тебя так много работы с твоей бузой?

– Нет, – покачал головой Мевлют. – Работы очень мало. Таких клиентов, как раньше, больше нет. Никто теперь не покупает бузу. Я сегодня и выходить-то не собирался, но дома у меня болеют дочери, нужно заработать денег на суп.

– А сколько ты зарабатываешь за день?

– Говорят, нельзя спрашивать женщину о возрасте, а мужчину – о зарплате, – ответил Мевлют, протягивая крупному незнакомцу стакан бузы. – Скажу одно: иногда, как сегодня, возвращаюсь домой без денег.

– Ты не очень-то похож на того, кто голодает. Откуда ты?

– Я из Бейшехира.

– Сколько ты лет уже в Стамбуле?

– Двадцать пять!

– Ты живешь здесь уже двадцать пять лет и до сих пор говоришь, что ты из Бейшехира?

– Хотите корицы? – спросил Мевлют.

– Дай, пожалуй. Сколько стоит корица?

Посыпая корицей напиток в стаканах, Мевлют ответил: «Ну что вы, корица и жареный нут для наших клиентов бесплатно». Он вытащил из кармана два пакетика с жареным нутом. Вместо того чтобы отдать пакетики, как он обычно делал, он открыл их и, как внимательный официант, насыпал нут обоим в стаканы.

– Бузу лучше всего пить с жареным нутом, – проговорил он.

Те двое переглянулись и выпили стаканы до дна.

– Сегодня у нас был плохой день, так хотя бы ты для нас стараешься, – сказал тот, что был постарше.

Мевлют сообразил, к чему может привести продолжение, и перебил его:

– Если у вас нет денег, я могу взять их у вас потом, братцы! Если мы не будем помогать друг другу в эти трудные времена, то грош нам цена. Я угощаю вас.

С этими словами он взялся было за шест, собираясь улизнуть.

– Ну-ка, постой, торговец, – сказал крупный. – Мы же сказали, что сегодня *ты* для нас стараешься. Ну-ка, дай-ка нам все свои деньги.

– Братец, я же сказал, что сегодня у меня нет денег, – проговорил Мевлют. – Я сегодня продал всего-то пару стаканчиков одному-двум клиентам...

Второй, щуплый, мгновенно вытащил из кармана складной нож. Он нажал на кнопку, и нож с легким щелчком открылся. Он приставил острие ножа к животу Мевлюта. Тот, что был покрупнее, быстро встал за спиной Мевлюта и крепко схватил его за руки.

Щуплый, прижимая складной нож к животу торговца, другой рукой торопливо ощупал маленькие кармашки его передника и каждый уголок его пиджака. Все, что он находил, мелкие бумажные деньги и монеты, он тут же клал себе в карман. Мевлют разглядел, что этот человек очень молод и очень некрасив.

Но тут крупный ему сказал:

– Смотри себе под ноги, торговец. Ну, машаллах, денег у тебя оказалось много, так что ты не напрасно от нас бежал...

– Ну все, хватит! – перебил его Мевлют.

– Хватит? – хмыкнул молодой. – Ну какое там «хватит», ну конечно, не хватит. Ты тут двадцать пять лет назад приехал, город уже обобрал, а теперь будешь говорить, что хватит, да еще и указывать?

– А что у тебя есть в Стамбуле, дом, квартира, ну-ка, говори! – прорычал крупный.

– Видит Аллах, у меня даже дерева здесь своего нет, – соврал Мевлют. – У меня вообще ничего нет.

– Как это – нет? Ты что, дурак?

– Вот не повезло.

– Слышь, ты, каждый, кто двадцать пять лет назад приехал в Стамбул, себе уже хотя бы гедже-конду⁹ построил. А теперь на их участках красуются большие дома.

⁹ Гедже-конду – досл. «построенные за ночь», лачуга; такие жилища «за одну ночь» строили нищие выходцы из Анатолии,

Мевлют постарался вырваться, но это не привело ни к чему, кроме того, что нож уколол его в живот. Мевлюта обыскали с головы до ног еще раз, и весьма тщательно.

– Говори, ты дурак или просто дурачком прикидываешься?

Мевлют молчал. Тот, кто стоял у него за спиной, ловким опытным движением завернул ему левую руку за спину:

– О, посмотрите-ка на него, что здесь есть. Машаллах, ты деньги свои тратишь не на дом, не на баню, а себе на часы, дружок наш из Бейшехира! Теперь с тобой все понятно.

Часы швейцарской марки, которые подарили Мевлюту на свадьбу, в мгновение ока исчезли с его запястья.

– Разве разносчика бузы можно грабить? – воскликнул Мевлют.

– Конечно можно, – нагло ответил тот, кто держал его руки. – Ты тут голоса особенно не подавай и назад не смотри.

Оба грабителя удалялись. Мевлют понял, что это были отец с сыном. Он подумал о том, что никогда бы не смог со своим собственным отцом вот так запросто заниматься грабежом. Он тихонько спустился с лестницы, свернул в одну из улиц, поднимавшихся в сторону спуска Казанджи. Вокруг царил безмолвие, не было ни души. Что он скажет дома Райихе? Сможет ли он скрыть от всех то, что с ним произошло?

Ему подумалось, что ограбление было плодом его фантазии. Он ничего не скажет Райихе, ведь его никто не грабил. На несколько секунд он поверил было в это, и горечь обиды стихла. Он позвонел колокольчиком.

«Буза!» – хотел было привычно крикнуть он и тут же почувствовал, что не сможет издать ни звука.

Впервые за двадцать пять лет Мевлют возвращался домой с полными бидонами, не выкрикивая свое обычное «Буза!».

Как только он вошел в свою однокомнатную квартирку, то по царившей внутри тишине понял – обе его дочери-школьницы уже давно спят.

Райиха сидела на краю постели, рукодельничала, краем глаза глядя в телевизор с выключенным звуком, и ждала Мевлюта.

– Все, я больше не торгую бузой, – сказал Мевлют.

– С чего это? – удивилась Райиха.

– Я бросил торговлю бузой, говорю тебе.

– Ферхат работает инспектором по электроснабжению и много зарабатывает, – сказала Райиха. – Позвони ему, пусть найдет тебе работу.

– Умру, но Ферхату не позвоню, – сказал Мевлют.

Часть III (Сентябрь 1968 – июнь 1982)

Мой отец ненавидел меня с того дня, как я появился на свет...
Стендаль. Красное и черное

1. Дни Мевлюта в деревне *Если бы мир умел говорить, что бы он рассказал?*

Теперь, чтобы понять, почему Мевлют принял именно такое решение, почему был так привязан к Райихе и почему боялся собак, мы вернемся в его детство. Мевлют появился на свет в 1957 году в деревне Дженнет-Пынар под городком Бейшехир провинции Конья и до двенадцати лет из своей деревни никуда не выезжал. Окончив с отличием начальную школу, он думал, что отправится продолжать учебу и работу к отцу в Стамбул, но отец не пожелал видеть его у себя, и до осени 1968 года Мевлют прожил в деревне, устроившись пастухом. До конца дней своих предстояло Мевлюту задаваться вопросом, почему его отец принял подобное решение. Его друзья, двоюродные братья Сулейман с Коркутом, в Стамбул уехали, а Мевлют остался один, отчего очень страдал. Он пас у холма небольшую отару – голов на восемь – десять. Каждый день его проходил в созерцании бесцветного озера вдаль, автобусов и грузовиков, пронесившихся по шоссе, птиц да тополей.

Иногда он прислушивался к шороху тополиных листьев, и ему казалось, что деревья пытаются ему что-то сказать. Бывало, деревья показывали Мевлюту потемневшие на солнце листья, а бывало – пожелтевшие. Внезапно задувал легкий ветерок, и картина смешивалась: потемневшие листья светились желтым, пожелтевшие мелькали темно-изумрудными краями.

Главным его развлечением было собирать сухие ветки, складывать их в кучу, а затем разводить костер. Когда ветки занимались пламенем, его пес Камиль принимался радостно носиться вокруг костра. Мевлют садился и протягивал к огню руки, пес тоже садился поодаль и, замерев, долго смотрел на огонь.

Все собаки в деревне узнавали Мевлюта, и даже если самой темной и тихой ночью он выходил за окраину, ни одна из них не лаяла ему вслед. Мевлют из-за этого чувствовал себя частью деревни. Деревенские собаки лаяли только на чужаков. Если собака набрасывалась на кого-то из деревенских, например на его двоюродного брата Сулеймана, лучшего друга Мевлюта, то тогда все говорили: «Смотри, Сулейман, ты, видно, замыслил что-то недоброе, как-то ты хитришь!»

Сулейман. По правде, ни одна из деревенских собак никогда на меня не набрасывалась. Мы сейчас переехали в Стамбул, и мне жаль, что Мевлют остался там, в деревне, я скучаю по нему. Но деревенские собаки и ко мне, и к Мевлюту относились совершенно одинаково. Я это хотел сказать.

Иногда Мевлют и его пес Камиль взбирались на вершину холма. Когда Мевлют смотрел на бескрайний пейзаж, то в нем просыпалось желание жить, быть счастливым, занять важное место под солнцем. Он надеялся, что отец в конце концов придет за ним на автобусе из Стамбула и увезет его с собой. Ручеек, у которого он оставлял пастись своих овец, извивался внизу, и каждый его изгиб обрамляли невысокие скалы. Иногда Мевлют видел дым от костра, зажженного на другом конце равнины. Он знал, что костер зажгли такие же, как он, юные пастухи из соседней деревни Гюмюш-Дере, которые, как и он, не смогли поехать на учебу в Стамбул. Когда бывало ветрено и ясно, особенно по утрам, с холма, на который поднимались Мевлют и Камиль, можно было разглядеть маленькие домики Гюмюш-Дере, выбеленную изящную мечеть с тонюсеньким минаретом.

Абдуллахман-эфенди. Я живу в той самой деревне, Гюмюш-Дере, и поэтому чувствую в себе смелость кое-что сказать. Большинство из нас, жителей Гюмюш-Дере, Дженнет-Пынар и еще трех окрестных деревень, в 1950-е годы были бедняками. Каждую зиму у нас накапливались долги бакалейщику, которые мы с большим трудом возвращали весной. В марте мужчины отправлялись на заработки, на стройку в Стамбул. У некоторых совершенно не было денег, и Кривой Бакалейщик покупал им билет на автобус до Стамбула, а их имена записывал в самое начало списка должников в тетрадку. Был такой рослый, широкоплечий Юсуф, который в 1954-м уехал в Стамбул из нашей Гюмюш-Дере и который до того уже работал на стройке в Стамбуле. Он *случайно* стал разносчиком йогурта и, обходя улицу за улицей с йогуртом, заработал очень много денег. Так что он перевез к себе на работу в Стамбул сначала своих братьев, затем дядей, которые поселились в его холостом жилище. Мы, жители Гюмюш-Дере, до того совершенно не смыслили в йогурте. Но большинство из нас поехали в Стамбул торговать йогуртом. Я уехал в Стамбул в двадцать два года, сразу после службы в армии. Признаться, я несколько раз нарушал там дисциплину, сбегал, меня ловили, колотили и сажали в тюрьму, и поэтому моя служба продлилась целых четыре года. В те времена наши доблестные офицеры еще не успели повесить премьер-министра Мендереса¹⁰, и он каждый день то утром, то вечером разъезжал по Стамбулу на своем «кадиллаке», и все старинные особняки, преграждавшие ему путь, тотчас сносились, чтобы уступить место широким проспектам. У торговцев и разносчиков, бродивших по стамбульским улицам среди руин, было очень много работы, но у меня торговать йогуртом не получилось. Все, кто родом из наших мест, обычно рослые, широкоплечие, сильные. А ваш покорный слуга, иншаллах, уродился худым и шуплым. Шест разносчика с привязанными к обоим концам бидонами с йогуртом, каждый по двадцать-тридцать литров, которые нужно было носить с утра до вечера, казался мне невыносимо тяжелым. Кроме этого, я начал по вечерам торговать и бузой, подобно большинству торговцев йогуртом. Шест разносчика, что ни погрузи на него, на шее и плечах новичка оставляет мозоли. Проклятый шест обошелся со мной еще хуже, чем с другими, – у меня искривился позвоночник, и, когда

¹⁰ Премьер-министр Мендерес – речь идет об Али Аднане Эртекине Мендересе (1899–1961), который в результате переворота 1960 г. был обвинен в злоупотреблениях, отдан под суд и повешен.

я заметил это, пришлось отправиться в больницу. Я месяц провел в больничных очередях, и наконец доктор объявил мне, что следует немедленно забыть про шест. Но конечно же, из-за денег я немедленно забыл не про шест, а про доктора. Так моя спина искривилась совершенно, и приятели придумали мне кличку Горбун Абдурахман, а я страшно из-за этого переживал. Теперь в Стамбуле я старался держаться подальше от наших деревенских, но по-прежнему видел на улицах этого психа Мустафу, отца Мевлюта, с его братом Хасаном, дядей Мевлюта. В те дни я и пристрастился к раки, лишь бы забыть о терзавшей мою спину боли. Вскоре я совершенно забыл о своей мечте когда-нибудь обзавестись в Стамбуле домом (хотя бы каким-нибудь сараем гедже-конду) и мало-мальским имуществом – вместо этого принялся просаживать заработанное. На оставшиеся деньги в родной деревне я купил небольшой участок, а затем женился на самой бедной, самой безродной девушке Гюмюш-Дере. В Стамбуле я усвоил урок – для того чтобы задержаться там, человек должен привезти вместе с собой по меньшей мере трех сыновей. И я подумал, пусть у меня родится трое сильных, как львы, сыновей, я отправлюсь с ними в Стамбул, и на первом холме за чертой города построю свой собственный дом, и на этот раз завоюю город. Но в деревне у меня родились не три сына, а три дочери. А я сам два года назад навсегда вернулся в деревню, где очень счастлив с моими дочерьми. Сейчас я хочу вам их представить:

Ведиха. Мне хотелось, чтобы мой львенок-первенец был серьезным и работающим и чтобы его звали Ведии. К сожалению, родилась девочка, так что я назвал ее Ведиха вместо Ведии.

Райиха. Она очень любит забираться к отцу на руки и очень приятно пахнет.

Самиха. Не ребенок, а джинн, все время плачет и капризничает, ей нет еще и трех лет, и она носится по дому.

По вечерам в деревне Дженнет-Пынар Мевлют сживал дома со своей матерью Атийе и двумя крепко любящими его старшими сестрами, писал письма в Стамбул отцу Мустафе-эфенди, просил его привезти из Стамбула ботинки, батарейки, пластмассовые прищепки, мыло и тому подобные вещи. Частым ответом на письма Мевлюта была одна-единственная фраза, что большая часть заказанных ими вещей «есть в лавке у Кривого Бакалейщика». И тем не менее сын продолжал свои литературные упражнения, чувствуя в них потребность. НЕОБХОДИМОСТЬ ПИСЬМЕННО ПРОСИТЬ О ЧЕМ-ТО ДРУГОГО ЧЕЛОВЕКА требовала от него трех навыков:

1. Нужно было найти истинное желание, поскольку обычно никто не знает своих истинных желаний.

2. Нужно было выразить письменным языком то, чего хочешь, ведь, когда письменно говоришь о том, что хочешь, понемногу начинаешь понимать, что именно тебе нужно.

3. Нужно было написать Письмо – нечто такое, что создается по принципам, изложенным в пунктах 1 и 2, но на самом деле получается таинственный текст с совершенно другим смыслом.

Мустафа-эфенди. Вернувшись из Стамбула в конце мая, я привез дочерям разноцветные ткани в цветочек на платья; жене тапочки и лимонный одеколон «Pe-Re-Ja», о которых она просила в письмах, написанных Мевлютом; а Мевлюту – игрушку, о которой он просил. Я разозлился, потому что Мевлют, завидев подарок, поблагодарил меня сквозь зубы. «Он хотел водяной пистолет, но такой, как у сына мухтара»¹¹, – сказала его мать, пока старшие сестры хихикали. На следующий день мы с Мевлютом отправились к Кривому Бакалейщику и подробно прошли по списку долгов. «Черт, а это что за жвачка „Чамлыджа“?» – то и дело спрашивал я, а Мевлют смотрел себе под ноги, ведь это он купил жвачку и сказал записать свой долг в тетрадь. «На будущее – не продавай ему жвачку!» – велел я Кривому Бакалейщику. «На будущее – пусть Мевлют поедет в Стамбул и поучится!» – ответил хитрый бакалейщик. – Машаллах, голова у него хорошо работает, к счету, к математике способна, пусть и в нашей деревне появится хоть кто-нибудь, кто дойдет до университета».

Известие о том, что отец Мевлюта в последнюю зиму в Стамбуле поругался с дядей Хасаном, быстро разошлось по деревне... Дядя Хасан и оба его сына, Коркут и Сулейман, в самые холодные дни прошедшего декабря выехали из стамбульского дома в Кюльтепе, где они жили вместе с отцом Мевлюта, оставив того в одиночестве, и переехали в другой дом в Дуттепе. Сразу после этого жена дяди Хасана, доводившаяся Мевлюту теткой, отправилась из деревни в город в этот новый дом, чтобы заботиться о своих мужчинах. Перемены означали, что осенью Мустафа-эфенди может взять к себе Мевлюта, чтобы не оставаться в Стамбуле одному.

Сулейман. Мой отец и дядя Мустафа – братья, но фамилии у нас разные. В те дни, когда по приказу Ататюрка все брали себе фамилии, в деревню из Бейшехира приехал чиновник, отвечающий за акты гражданского состояния. И аккуратно записал, кто какую фамилию себе выбрал. Очередь подошла к нашему деду, который был очень богобоязненным и набожным человеком и жизнь которого никогда не выходила за границы Бейшехира. Он подумал-подумал и сказал: «Акташ». Рядом с ним были оба его сына, которые, как обычно, ссорились. «А меня пусть запишут Караташем», – упрямо сказал тогда еще маленький мой будущий дядя Мустафа, но ни дед, ни чиновник его не послушали. Упрямый и привыкший делать все по-своему, дядя Мустафа, прежде чем записать Мевлюта в Стамбуле в среднюю школу, съездил в Бейшехир к судье и поменял себе фамилию, так что мы остались Акташами, а семья Мевлюта стала Караташами. Сын моего дяди, Мевлют Караташ, этой осенью приехал в Стамбул и жадно принялся за учебу. Правда, никто из наших мальчишек, которых увозили в Стамбул якобы на учебу, так и не сумел окончить лицей. Грустно, конечно, но лишь один-единственный парень из соседней деревни сумел попасть в университет. Потом этот ботан, который впоследствии даже надел очки, уехал в Америку, и больше о нем не слышали.

¹¹ *Мухтар* – староста села или городского квартала.

Однажды вечером в конце лета отец достал ржавую пилу, знакомую Мевлюту с детства. Он привел сына к старому дубу. Там они, сменяя друг друга, терпеливо и долго спиливали ветку толщиной с руку. Ветка была очень длинной и чуть кривой.

– Теперь это будет твой шест для торговли, – сказал отец Мевлюту.

Он взял на кухне спички и велел зажечь огонь. Подержав ветку над огнем, он опалил все сучки и подсушил будущий шест.

– Пусть пожарится до конца лета на солнце, а мы его еще над костром подсушим, чтобы он согнулся как следует. Он получится прочный, как камень, и мягкий, как бархат. Ну-ка, посмотрим, как он у тебя на плечах?

Мевлют положил шест на плечи. Затылком и плечами он с дрожью ощутил его тепло и твердость.

Уезжая в Стамбул в конце лета, отец и сын взяли с собой небольшой мешок, полный тарханы¹², высушенного красного перца, булгура, несколько сумок с тонкими лепешками и корзину с грецкими орехами. Отец имел обыкновение дарить булгур и орехи консьержам богатых больших домов, чтобы они позволяли ему подниматься на лифте. Кроме того, уезжавшие прихватили фонарь, который нужно было починить в Стамбуле, любимый чайник отца, циновку, чтобы постелить ее на полу дома в Стамбуле, и всякие прочие мелочи. Набитые битком полиэтиленовые пакеты в поезде то и дело вываливались из углов, куда их затолкали на время путешествия. Мевлют, который был полностью погружен в разглядывание мира за окном поезда и уже сейчас скучал по матери и старшим сестрам, то и дело вскакивал подбирать сваренные вкрутую яйца, выкатывающиеся из сумок на середину вагона.

В мире, который был за окном поезда, оказалось гораздо больше людей, пшеничных полей, тополей, быков, мостов, ишаков, домов, гор, мечетей, тракторов, надписей, букв, звезд и электрических столбов, чем Мевлют видел за всю свою двенадцатилетнюю жизнь. От этих столбов, проносившихся мимо Мевлюта, у него кружилась голова, и, опустив голову на плечо отца, он засыпал, а проснувшись, замечал, что желтые поля, солнечные стога пшеницы исчезли, все вокруг превратилось в лиловые скалы, и после этого Стамбул представал в его снах городом, созданным из этих лиловых скал.

А между тем показывалась очередная речушка и зеленые деревья, и он чувствовал, как настроение его тоже меняет цвет. Если бы мир умел говорить, что бы он рассказал? Поезд иногда подолгу стоял, но Мевлюту казалось из окна, что весь мир выстроился перед ним в очередь. Он с волнением громко читал отцу названия станций: «Хамам... Ихсание... Дёгер...» – глаза его то и дело слезились от синего сигаретного дыма, и он выходил в коридор, шатаясь, как пьяный, шел к уборной, с трудом открывал дверь с заедающим замком, нажимал на педаль и подолгу смотрел в отверстие в унитазе на проносящуюся внизу гальку. Колеса громко стучали. На обратном пути Мевлюту нравилось доходить до последнего вагона и разглядывать спящих в купе женщин, плачущих детей, резавшихся в карты мужчин. Он разглядывал тех, кто ел колбаски, тех, кто курил, тех, кто совершал намаз, – словом, всех, кто был в поезде.

¹² Тархана – засушенные катышки из муки и простокваши, а также суп из этих катышков.

На некоторых станциях в вагон поднимались мальчишки-разносчики, и Мевлют с большим вниманием смотрел на то, как они торгуют изюмом, жареным нутом, печеньем, хлебом, сыром, миндалем и жвачкой, а затем принимался есть пирожки из слоеного теста, которые мать заботливо положила ему в сумку. Иногда он видел, как пастухи с собаками, издали заметив поезд, бегут к нему с холма, на ходу выкрикивая: «Дайте газету!» (молодым пастухам газеты нужны для того, чтобы делать самокрутки) – и, когда поезд проносился мимо них, Мевлют испытывал странную гордость. Иногда стамбульский поезд останавливался посреди степи, и тогда Мевлют думал, как на самом деле в мире тихо. Во время ожидания, казавшегося бесконечным, он смотрел из окна вагона на то, как в маленьком саду какого-нибудь деревенского дома женщины собирают помидоры, куры вышагивают вдоль железнодорожных путей, ишаки стоят рядом с электрическим насосом, а поодаль на траве спит бородатый мужчина.

– Когда мы поедем? – спросил он во время одной из таких бесконечных стоянок поезда.

– Потерпи, сынок, Стамбул никуда не денется.

– Ой, мы, кажется, поехали.

– Это не мы, это мимо нас поезд проехал, – улыбнулся отец.

На протяжении всего путешествия Мевлют вспоминал карту Турции с флагом и Ататюрком, висевшую за спиной учителя в деревенской школе все те пять лет, что Мевлют там учился, и пытался представить, где же именно на этой карте они сейчас. Он уснул перед тем, как поезд приехал в Измит, и до самого вокзала Хайдар-Паша так и не раскрыл глаз.

Узлы, сумки и корзина, бывшие у них с собой, оказались очень тяжелыми. Целый час они потратили на то, чтобы перетащить их из вокзала Хайдар-Паша и сесть на пароход до Каракёя. Так Мевлют впервые в жизни увидел море. Море было темным и глубоким, словно сон. В прохладном воздухе ощущался сладковатый запах водорослей. Европейская часть Стамбула переливалась огнями. На всю свою жизнь Мевлют запомнил то, как впервые он увидел эти огни.

2. Дом

Холмы на окраинах города

Дом был лачугой гедже-конду. Отец его употреблял это слово, когда злился из-за невзрачности и бедности места, в котором они жили, а если не злился, что было редко, чаще употреблял слово «дом» с определенной нежностью, которую чувствовал и Мевлют. Подобная нежность давала Мевлюту обманчивое чувство, что здесь находится нечто из того идеально-прекрасного дома, которым они когда-нибудь в этом мире будут владеть, но верить в светлое будущее было сложно. Лачуга представляла собой средних размеров комнату. Неподалеку от нее стояла уборная. Сквозь маленькое, не закрытое стеклом окошко уборной по ночам можно было слышать, как в дальних кварталах лают и воют собаки.

В первый вечер Мевлюту показалось, что они ошиблись домом, потому что, когда они вошли внутрь в темноте, оказалось, в лачуге находятся мужчина и женщина. Позднее Мевлют понял, что пара снимала у отца дом, когда он на лето возвращался в деревню. Отец сначала о чем-то долго спорил с квартирантами, а потом устроил себе и сыну лежанку в углу.

Когда Мевлют проснулся около полудня, уже никого не было. Мевлют вспомнил рассказы Коркута и Сулеймана и постарался представить, как они жили в этой комнате, ибо дом казался ему заброшенной развалиной. Здесь ютились старый стол, четыре стула, две кровати (одна с пружинным матрасом, другая без), два шкафа и печка. Это было все, чем владел его отец в городе, куда он отправлялся на заработки каждую зиму вот уже шесть лет. Когда в прошлом году брат отца поругался с ним и переехал с сыновьями в другой дом, он забрал с собой все свои вещи и даже кровати. Мевлют не нашел ничего, что напомнило бы о родственниках. Ему было приятно увидеть в шкафу у отца несколько вещей, привезенных из деревни, например шерстяные носки, которые связала отцу мать, длинные кальсоны и ножницы, которые он видел раньше в руках у сестер, хотя эти ножницы уже поржавели.

Пол в доме был земляным. Отец уже постелил привезенную из деревни циновку.

На столе, грубо сколоченном из досок и фанеры, некрашеном и старом, для Мевлюта был оставлен на завтрак свежий хлеб. Чтобы стол не качался, Мевлют подкладывал под ножки пустые спичечные коробки или щепки, но все равно время от времени чай и суп проливались, а отец сердился. Вообще отец часто сердился. Он постоянно обещал починить стол, но так этого и не сделал.

В первые годы жизни в Стамбуле Мевлюту особенно нравилось сидеть за столом с отцом по вечерам и ужинать. Конечно, эти трапезы не были такими веселыми, как в деревне с матерью и сестрами. Мевлют видел по движениям отца всегда только то, что родитель торопится. Как только Мустафа-эфенди клал в рот последний кусок, он закуривал сигарету, но, не успевала она догореть и до половины, поднимался и говорил: «Пошли торговать».

И они отправлялись на заработок.

Вернувшись из школы, Мевлют любил варить суп на печке, а если печка еще не была затоплена, на маленькой керосинке «Айгаз». В кипящую в кастрюле воду он клал ложку сливочного масла «Сана» и все, что находилось в шкафу, – морковь, сельдерей, картофель, который чистил сам, перец и две пригоршни булгура. Слушая, как все это кипит, он внимательно смотрел на бурлящее варево. Кусочки картофеля и морковки вертелись как безумные в супе, словно грешники в адском пламени, ему казалось, что он слышит в кастрюле их крики, их предсмертные стоны. Иногда, словно в жерле вулкана, появлялись и исчезали маленькие гейзеры, и тогда морковь и сельдерей всплывали в кастрюле, едва не касаясь носа Мевлюта. Мевлюту нравилось наблюдать, как картошка по мере готовности желтеет, морковь отдает супу свой цвет, нравилось слушать, как меняется звук кипения, и он думал о том, что перемещение всего кипящего в кастрюле очень похоже на вращение планет во Вселенной, о которых им начали

рассказывать на уроках географии в мужском лицее имени Ататюрка. Ему нравилось греться теплым ароматным паром, поднимавшимся из кастрюли.

Отец каждый раз говорил: «Машаллах! Суп получился очень вкусным, у тебя золотые руки! Может, отдадим тебя в подмастерья какому-нибудь повару?»

Иногда Мевлют не шел с отцом торговать бузой и оставался дома, чтобы учить уроки. После того как отец закрывал за собой дверь, Мевлют убирал со стола и садился заучивать названия всех стран и городов из учебника географии. Разглядывая фотографии Эйфелевой башни и буддийских храмов в Китае, он представлял себя путешественником, оказавшимся в Париже или в Пекине.

Часто отключалось электричество, и тогда ему казалось, что огонь в печи становится больше, а из темного угла за ним начинает внимательно следить какой-то глаз. Он боялся встать из-за стола и засыпал, положив голову на учебник.

Отец, замерзший на улице, был доволен, что дома тепло, но ему не нравилось, что дрова расходуются допоздна. Так как ему было стыдно об этом говорить, самое большее, о чем он просил сына, – погасить печь перед сном.

Что касается дров, отец иногда покупал их в маленькой бакалейной лавке дяди Хасана, а иногда колол сам какое-нибудь полено одолженным у соседа топором. Перед наступлением зимы отец показал Мевлуту, как растопить печь маленькими сухими ветками и обрывками газет, а также сказал, где на окрестных холмах эти сухие ветки и обрывки бумаг можно найти.

Их дом находился у подножия наполовину лысого глинистого холма Кюльтепе, на котором кое-где росли шелковицы и инжир. Раньше здесь, извиваясь среди окрестных холмов, тек в Босфор узкий и хилый ручей. В середине 50-х на берегу ручья женщины, переехавшие сюда из окрестностей Орду, Гюмюшхане, Кастамону и Эрзинджана, выращивали кукурузу и стирали белье, как у себя в деревне. Летом в нем плавали мальчишки. В те дни ручей все еще называли так, как во времена Османов, – Бузлу-Дере (Ледяной ручей), но из-за того, что на окрестных холмах поселилась тьма тьмущая мигрантов из Анатолии, которые завели кое-какое производство, за короткое время он стал Боклу-Дере – Поганым ручьем. Когда Мевлют приехал в Стамбул, уже никто не помнил ни Бузлу-Дере, ни Боклу-Дере – ручей от истока до конца был залит бетоном.

На вершине холма находились развалины огромной печи, в которой прежде сжигали мусор, вот почему холм получил название Пепельный. Отсюда были видны окрестные холмы, быстро покрывавшиеся лачугами гедже-конду (Дуттепе, Куштепе, Эсентепе, Кюльтепе, Хармантепе, Сейрантепе, Октепе и другие)¹³, самое большое городское кладбище (Зинджирликую), множество больших и маленьких фабрик, авторемонтные мастерские, ателье, склады, заводы по производству лекарств и электрических лампочек, наконец, высокие здания и минареты Стамбула. Сам город, в котором они торговали бузой и где располагалась школа Мевлута, казался таинственным темным пятном на горизонте.

А еще дальше виднелись синие холмы анатолийского берега. Босфор лежал среди этих холмов. Увы, его не было видно, но Мевлют, поднимаясь на Кюльтепе в первые месяцы жизни в Стамбуле, всякий раз надеялся, что из-за гор хоть на мгновение покажется море. На каждом из холмов стояли огромные столбы линии электропередачи, по которым в город шло электричество. В дождливые дни провода издавали странное гудение, пугавшее Мевлута и его приятелей. Низ столбов был обмотан колючей проволокой, и там же висели таблички с отверстиями от пуль, на которых было написано: «Опасно для жизни» – и были нарисованы черепа с перекрещенными костями. Собирая под столбами сухие ветки и обрывки бумаги, Мевлют всякий

¹³ Большинство из этих холмов и их названий являются вымышленными, лишь Кюльтепе и Дуттепе существуют в реальности – но под другими названиями.

раз, глядя на эти таблички, думал о том, что опасность для жизни проистекает не от электричества, а от самого города.

Мустафа-эфенди. Чтобы стало понятно, какая трудная у нас жизнь, я рассказал своему сыну, что, когда мы с его дядей шесть лет назад приехали сюда, здесь не было ни электричества, ни воды, ни канализации. Показав сыну соседние холмы, я рассказал ему о том, что там охотились и тренировали солдат османские падишахи; о том, что там были теплицы, в которых албанцы выращивали цветы и клубнику; о том, что те, кто жил рядом с Кяйтхане, содержали там молочную ферму; о том, что на одном из холмов находится белое кладбище, на котором хоронили воинов, погибших от эпидемии тифа во время Балканской войны 1912 года. Чтобы моральный дух моего сына не упал, а энтузиазм не прошел, я показал Мевлюту мужской лицей имени Ататюрка, куда мы его запишем, поле футбольной команды Дуттепе¹⁴, кинотеатр «Дерья» и мечеть на Дуттепе, строительство которой продолжалось четыре года при поддержке владельца пекарен и строителя из Ризе Хаджи Хамита Вурала и его людей, которые все как один были похожи друг на друга своими массивными подбородками. Я показал ему и дом внизу, справа от мечети, на участке, который четыре года назад мы с дядей Хасаном обложили выкрашенными известкой камнями и строительство которого мой брат закончил в прошлом году. Когда шесть лет назад мы приехали сюда, все эти холмы были совершенно пустыми. Я растолковал Мевлюту, что главной заботой тех, кто переселился сюда из дальних краев, было найти работу, поэтому переселенцы строили свои дома как можно ближе к дороге, то есть почти у подножия холма, чтобы по утрам быстрее всех прибежать в город.

¹⁴ «Дуттепе» дословно переводится как «Шелковичный холм».

3. Предприимчивый человек, который строит дом на пустыре *Ах, сынок, ты испугался Стамбула*

В первые месяцы в Стамбуле по ночам мальчику не давал спать шум города, доносившийся издалека. Иногда Мевлют в страхе просыпался, слышал собачий лай, понимал, что отец еще не вернулся домой, и, накрывшись с головой одеялом, пытался снова заснуть – но не тут-то было. Отец заметил, что Мевлют слишком сильно боится собак, и отвел его к одному шейху, жившему в деревянном особняке в Касым-Паша. Тот прочитал перед сыном Мустафы несколько молитв и подул на него. Мевлют помнил об этом долгие годы.

Кюльтепе, Дуттепе и другие окрестности он узнал с помощью Сулеймана, который освоился за год и пришел навестить брата. Мевлют повидал очень много лачуг гедже-конду. В большинстве из них жили только мужчины. Многие из тех, кто приехал сюда за последние пять лет из Анатолии, либо оставили своих жен с детьми в деревне, как отец Мевлюта, либо были такими нищими, что жениться у них не было никакой возможности. Иногда через открытую дверь Мевлют видел, что в доме, состоявшем из одной комнаты, на кроватях отдыхают без движения по шесть-семь холостых мужчин. Вокруг каждого дома слонялись злые собаки. Собаки сбегались на тяжелый запах мужского пота. Мевлют боялся и собак, и таких вот мужчин, потому что они были злыми, хмурыми и грубыми.

На рынке у подножия холма Дуттепе, на главной улице квартала (в конце ее находилось автобусное кольцо), были лавка с бакалейными товарами, которую его отец называл «из-под полы», магазинчик, где торговали мешками с цементом, снятыми с петель дверьми, старой черепицей, печными трубами, пластиковой пленкой, и палатка-кофейня, где коротали время, подремывая, неудачники, не нашедшие работу в городе. Посередине дороги, ведущей на вершину холма, дядя Хасан тоже открыл маленькую бакалейную лавку. Когда у Мевлюта было свободное время, он поднимался туда и со своими двоюродными братьями Коркутом и Сулейманом делал кульки из старых газет.

Сулейман. Из-за упрямства моего дяди Мустафы Мевлют впустую потратил целый год в деревне, поэтому в мужском лицее имени Ататюрка был записан на класс младше, чем я. Когда я видел Мевлюта в школе на переменах, я сразу подходил к нему и болтал с ним. Мы очень любим Мевлюта и воспринимаем его отдельно от дяди. Однажды вечером они пришли с дядей Мустафой в наш дом в Дуттепе. Как только Мевлют увидел мою мать, он сразу обнял ее, должно быть затосковав по своей матери и сестрам.

– Ах, сынок, ты испугался Стамбула, – сказала моя мать, обнимая его. – Не бойся, мы всегда с тобой. – Она поцеловала его в макушку. – Ну-ка, скажи мне, кем ты будешь считать меня в Стамбуле – тетей по отцу или тетей по матери?

Моя мать является Мевлюту теткой и по отцу, и по матери; она старшая сестра его матери. Позднее, когда Мевлют принимал участие в бесконечных ссорах наших отцов, он называл ее «тетка», но, когда зимой к моему дяде Мустафе приезжала жена и сестры мило общались, он называл ее «милая тетушка».

В таких случаях Мевлют искренне говорил моей матери:

– Ты всегда будешь для меня милой родной тетушкой.

– Смотри, чтобы отец не рассердился, – отвечала моя мать.

Дядя Мустафа в таких случаях отзывался:

– Ну же, Сафийе, приласкай его, как мать. А то тут он совсем сиротка, небось плачет по ночам.

Когда они первый раз пришли к нам, Мустафа сказал:

– Я сейчас записываю его в школу. Но на книжки и тетрадки ушло много денег. Нужен пиджак.

Брат пошел в соседнюю комнату и, порывшись в сундуке, вытащил пиджак от старой формы, которую носили мы оба. Он вытряхнул из него пыль, расправил складки и осторожно надел его на Мевлюта.

– Очень тебе идет этот просторный пиджак, – сказал Коркут. – В тесном пиджаке труднее драться.

– Мевлют идет в школу не для того, чтобы драться, – сказал дядя Мустафа.

– Вряд ли там он сможет обойтись без драки, – сказал Коркут.

Коркут. Когда дядя Мустафа сказал, что Мевлют ни с кем не будет драться, я усмехнулся. Три года назад, когда мы жили в доме на Кюльтепе, построенном отцом вместе с дядей Мустафой (сегодня там живет семья Мевлюта), школу я бросил. В один из последних своих дней в школе я преподавал химику Февзи урок, отвесив ему перед всем классом две пощечины и три раза дав в морду. Он давно заслуживал такого к себе отношения, потому что за год до этого, когда он спросил, что такое Pb_2SO_4 , а я ответил «Подошва», он влепил мне затрепину. Конечно, у меня не могло остаться уважения к лицу, в котором можно побить учителя прямо на уроке, пусть этот лицей хоть тысячу раз будет назван в честь Ататюрка.

Сулейман.

– В подкладке левого кармана пиджака есть дырка, но смотри не вздумай ее зашивать, – сказал я растерянному Мевлюту, – туда можно класть шпоры на уроках.

Впрочем, мы больше пользы от этого пиджака получали не в школе, а по вечерам, когда продавали бузу. Когда ночью на холодной улице видят ребенка в школьном пиджаке, никто не может устоять.

– Сыночек, ты что, в школе учишься? – спрашивают тебя и кладут тебе в карман шоколадки, шерстяные носки, деньги.

Ты приходишь домой, выворачиваешь пиджак и все вынимаешь.

– Смотри не вздумай бросать школу, – сказал я Мевлюту. – Ты должен в будущем стать доктором.

– Мевлют вовсе не собирается бросать школу, – ответил его отец. – Он на самом деле станет доктором. Разве не так, Мевлют?

Мевлют понимал, что нежность, обращенная к нему, смешана с жалостью, и это его огорчало. Дом, который их дядя построил и в который переехал в прошлом году, был гораздо чище и светлей, чем лачуга, в которой они жили с отцом. Дядя и двоюродные братья Мевлюта сидели за столом, покрытым клеенкой в цветочек. Пол был не земляным, а каменным. В доме пахло одеколоном, и отглаженные чистые занавески будили у Мевлюта невольную зависть. В доме дяди было три комнаты. Мевлют видел – семья Акташ, которая, продав в деревне все, включая

скот, маленький сад и дом, переехала сюда, будет здесь жить очень счастливо. Он стеснялся и чувствовал злость к отцу, который ничего не добился, да еще и вел себя так, будто бы добиваться ничего и не собирается.

Мустафа-эфенди. Я знаю, ты тайком от меня ходишь к дяде, бываешь у дяди Хасана в лавке, складываешь там газеты, садишься дома у них за стол, играешь с Сулейманом, но помни, что они обошлись с нами несправедливо. Какое горькое чувство для отца, когда его сын находится не рядом с ним, а с плутами, которые обманули и чуть не лишили последнего куска хлеба! Не надо стесняться того, что они отдали тебе тот пиджак. Он твой по праву! Заруби себе на носу: если ты будешь так близко общаться с теми, кто отобрал у твоего отца участок, тебя никогда не будут уважать! Ты все понял, Мевлют?

Шесть лет назад, ровно через три года после военного переворота 27 мая 1960 года, пока Мевлют учился в деревне читать и писать, а его отец и дядя Хасан отправились в поисках работы в Стамбул, поначалу они снимали дом на Дуттепе. В том доме они прожили вместе два года, но, когда арендная плата возросла, выехали оттуда и собственными руками построили из саманного кирпича, цемента и жести дом на Кюльтепе – холме напротив, – в котором впоследствии жили Мевлют с отцом. В первые годы жизни в Стамбуле отношения отца и дяди Хасана были очень хорошими. Они вместе изучили тонкости уличной торговли йогуртом и поначалу вдвоем отправлялись на улицы торговать им, о чем впоследствии рассказывали со смехом. Вскоре братья разделились, продавая йогурт в разных кварталах, но всегда складывали заработок в общий котел. Мевлют всегда с улыбкой вспоминал, как мать с теткой радовались, когда получали на почте в деревне сверток в оберточной бумаге. В те годы отец и дядя Хасан по воскресеньям вместе отдыхали в стамбульских парках на берегу пролива, вместе убивали время, подремывая в чайных, брились по утрам одной и той же бритвой и в начале лета, возвращаясь в деревню, привозили своим женам и детям одинаковые подарки.

В 1965 году, когда братья перебрались в гедже-конду на Кюльтепе, они с помощью старшего сына дяди Хасана Коркута, переехавшего к ним из деревни, захватили себе два небольших участка, один на Кюльтепе, а другой на противоположном Дуттепе. Перед выборами 1965 года царила оптимистическая атмосфера, – дескать, Партия справедливости после выборов объявит амнистию самозахвату, и на этой волне наши воодушевленные захватчики приступили к постройке дома на Дуттепе.

В те дни что на Кюльтепе, что на Дуттепе не существовало никаких документов на недвижимость. Предприимчивый человек, начавший строить дом на пустом участке, высаживал по периметру дома пару-тройку тополей и ив, затем выкладывал первые камни будущего забора и после этого отправлялся к районному мухтару, давал ему денег и получал бумагу о том, что дом на этом участке и деревья принадлежат ему. На бумаге, совсем как в официальных документах на недвижимость, выдаваемых кадастровым управлением, был простой чертеж плана участка, который мухтар чертил сам по линейке. Рядом с чертежом мухтар часто неровным почерком выводил, что участок принадлежит такому-то, добавлял,

что на участке находится дом, принадлежащий такому-то, колодец и забор (как правило, вместо забора валялось несколько камней), тополь. Если мухтару добавляли денег, то он приписывал, что на самом деле границы участка больше, чем указано на чертеже. Внизу он ставил печать.

Однако эти бумаги, полученные от мухтара, не гарантировали никаких прав, так как земля принадлежала либо казне, либо министерству лесного хозяйства. Дом, построенный на участке без документов, мог быть в любой момент снесен властями. Те, кто ложился спать в новых домах, построенных собственными руками, каждую ночь терзались кошмарами. Важность бумаг, полученных от мухтара, проявлялась раз в десять лет, когда государство во время выборов выдавало официальные бумаги на самозахваченные участки. Все официальные документы выдавались в соответствии с бумагами, полученными от мухтара. И тогда счастливчик, получивший бумажку от старосты, удостоверяющую его право на участок, мог тот участок продать. В те годы, когда из Анатолии постоянно приезжали в город в больших количествах безработные и бездомные люди, цена таких бумаг, выданных мухтаром, росла как на дрожжах, земля дорожала и быстро делилась на участки, а влияние мухтаров возрастало пропорционально росту миграции.

Несмотря на всю эту незаконную деятельность мухтаров, государство потворствовало им, и они могли в любой день, если им заблагорассудится, появиться с жандармами и предать суду владельца любой лачуги, а сам дом снести. Важно было как можно скорее достроить дом, переселиться в него и жить, ибо для того, чтобы снести заселенный дом, нужно было судебное решение, а на связанную с этим волокиту уходило много времени. Умный человек, который захватывал участок, на следующую же ночь с помощью семьи и друзей возводил там четыре стены и сразу же вселялся в постройку. Мевлют любил слушать рассказы переселенцев, которые проводили свою первую ночь прямо под открытым небом, въезжая в дома, в которых не было ни крыши, ни окон. По преданию, слово «гедже-конду» впервые употребил какой-то строитель из Эрзинджана, за ночь построивший стены двенадцати домов. Когда он умер от старости, на его могилу на Дуттепе стали приходить помолиться тысячи людей.

Стройка отца и дяди Мевлюта, начавшаяся на волне воодушевления от предвыборных обещаний, застряла на половине, когда цены на строительные материалы и металлический лом внезапно взлетели вверх. Из-за ходивших в народе разговоров о том, что после выборов будет объявлена амнистия самозастрою, власти столкнулись с большим количеством незаконныхстроек на землях, принадлежащих казне. Даже те, кто ранее ни о чем не задумывался, обзавелись теперь участками на окраинах города и строили дома в самых труднодоступных, самых удаленных и самых невозможных местах. Большинство жилых домов в центре Стамбула, в свою очередь, обзаводилось незаконными этажами. Стамбул превратился в одну большую стройку. Газеты взывали к зажиточным домовладельцам, жалуясь на бессистемную застройку, но весь город жил строительным азартом. Крошечные фабрики, производившие саманный кирпич низкого качества, а также лавочки, где продавали цемент и строительные материалы, не закрывались до глубокой ночи. По холмам, по дорогам или вообще по бездорожью разъезжали повозки, грузовики, мини-автобусы, груженные кирпичом, цементом, песком, деревом, железом, стеклом. «Я целые дни работал молотком ради дома дяди Хасана, – жаловался отец Мевлюта, когда они ходили в гости на Дуттепе. – Говорю тебе об этом, чтобы ты знал. Но ты на дядю и братьев зла не тай».

Сулейман. Неправда. Мевлют знает, что стройка остановилась потому, что дядя Мустафа все заработанные деньги отправлял в деревню. И мне, и Коркуту очень хотелось, чтобы дядя Мустафа был с нами, но нашему отцу к тому времени уже совсем надоел строптивый характер Мустафы, его постоянные обиды и грубости даже по отношению к нам, своим племянникам.

Мустафа часто ругал своего брата и его сыновей и предупреждал Мевлюта: «Однажды они и тебя продадут за грош!»

По праздникам или в какие-нибудь другие особенные дни, например когда играла футбольная команда Дуттепе, они отправлялись к Акташам, однако радость бывала неполной. Мевлюту очень хотелось пойти – и ради вкусных чуреков, которые готовила тетя Сафийе, и ради двоюродных братьев, и вообще ему приятно и уютно было находиться в ухоженном и чистеньком доме. Но постоянные перебранки дяди Хасана и отца вселяли в него чувство одиночества и надвигающейся беды.

Во время их первых визитов к Акташам Мустафа-эфенди всякий раз многозначительно смотрел на окна и двери дома. Ему хотелось, чтобы Мевлют всегда помнил, что у него тоже есть права на это жилище. Всякий раз отец говорил что-нибудь вроде: «Боковую стену надо вновь оштукатурить».

Впоследствии Мевлют много раз слышал, как его отец твердил дяде Хасану: «Стоит деньгам попасть к тебе в руки, ты их сразу спустишь на самый заваливающий участок». – «Разве этот участок заваливающий? – возмущался дядя Хасан. – Уже сейчас за него дают в полтора раза больше». Обычно их беседа заканчивалась одним и тем же. Не успевал Мевлют допить компот и доест апельсин, подававшийся после обеда, как отец поднимался, брал сына за руку и командовал: «Вставай, сынок».

Когда они оказывались в ночной тьме, он бубнил: «Разве я не говорил тебе, не нужно нам сюда идти? Больше мы сюда не придем». А Мевлют, шагая к холму напротив, где был их дом, как зачарованный смотрел на сиявшие вдали огни города, на бархатную ночь, на неоновый свет стамбульских уличных фонарей. Иногда его внимание привлекала какая-нибудь из звезд, усыпавших темно-синее небо, и он, держась за огромную руку всю дорогу о чем-то говорившего отца, представлял себе, что они шагают прямо к ней. Бледно-желтые огни десятков тысяч домиков на окрестных холмах делали уже знакомый мир Мевлюта привлекательнее, чем он был на самом деле. Иногда в пасмурную погоду огни соседнего холма исчезали, и в клубах сгустившегося тумана Мевлют слышал лишь лай собак.

4. Мевлют начинает торговлю

Не строй из себя взрослого

– Сынок, я бреюсь в честь того, что ты начинаешь работать, – сказал отец однажды утром проснувшемуся Мевлюту. – Урок первый: когда ты продаешь йогурт, а особенно когда ты продаешь бузу, ты должен быть очень опрятным и чистым. Некоторые клиенты разглядывают твои руки, смотрят на твои ногти. Другие смотрят на твою рубашку, на твои штаны, на твою обувь. Когда тыходишь к кому-нибудь домой, ты должен немедленно снять обувь, и на носках у тебя не должно быть ни одной дырочки, от них не должно пахнуть. Мой дорогой сынок, мой львенок, у которого душа ангела, должен и пахнуть мускусом, разве не так?

Неумело подражая отцу, Мевлют довольно скоро выучился сохранять равновесие, навесив на оба конца шеста миски с йогуртом. При этом он клал на миски, как отец, деревянные мешалки и закрывал все это деревянными крышками.

Поначалу он не чувствовал тяжести йогурта, которого отец специально клал ему поменьше, но, спускаясь по грунтовой дороге, связывавшей Кюльтепе с городом, понял, что профессия разносчика йогурта немногим отличается от профессии хамала¹⁵. В тот первый день полчасы они шагали по пыльной дороге, по которой сновали грузовики, повозки и автобусы. Когда грунтовка перешла в асфальт, Мевлют принялся внимательно читать рекламные объявления, заголовки газет, развешенные в витринах бакалейных лавок, вывески сунетчи¹⁶ или учебных курсов. Всякий раз, входя в город, они видели еще не сгоревшие большие деревянные османские особняки; старые османские казармы; долмуши¹⁷ с шашечками; мини-автобусы, поднимающие пыль столбом. Кроме того, Мевлюта развлекали солдаты, проходившие по улице строем; мальчишки, гонявшие в футбол на вымощенных брусчаткой переулках; мамы, толкавшие перед собой коляски; витрины, заставленные разноцветными ботинками и сапогами; и дорожные полицейские, которые яростными свистками и руками в огромных белоснежных перчатках направляли движение.

Одни машины своими огромными круглыми фарами напоминали стариков с широко раскрытыми глазами («Додж-1956»); другие из-за решетки на радиаторе – усатых мужчин с полной верхней губой («Плимут-1957»); а третьи – сварливых женщин, которые оттого, что часто язвительно смеялись, так и остались с открытым ртом, в котором были видны бесчисленные маленькие зубки («Опель-рекорд-1961»). Длинноносые грузовики напоминали Мевлюту огромных волкодавов; муниципальные автобусы с ворчащим мотором марки «Шкода» – медведей, опустившихся на все четыре лапы.

Пока Мевлюту с огромных рекламных щитов, покрывавших фасад шести- либо семиэтажного жилого дома, улыбались прекрасные женщины с непокрытой головой, как в школьных учебниках (кетчуп марки «Тамек», мыло «Люкс»), его отец сворачивал с площади направо, выходил на маленькую тенистую улочку и принимался кричать: «Кому йогурт!» Мевлют чувствовал, что все взгляды узкой улочки устремлены прямо на них. Отец, не сбавляя шага, выкрикивал еще и еще, звеня в колокольчик (он не смотрел на сына, но Мевлют чувствовал, что отец думает о нем), и вскоре на одном из верхних этажей раскрылось окно. «Ну-ка, торговец, шагай сюда», – позвал отца женский голос. Затем их звали другие голоса. Мустафа с сыном входили в очередной дом и, поднявшись по лестнице, останавливались перед дверями. Мевлют прислушивался к звукам, доносившимся со стамбульских кухонь. За всю его жизнь уличного торговца ему предстояло зайти туда десятки тысяч раз, двери открывались,

¹⁵ *Хамал* (ар.) – носильщик, носчик, грузчик, традиционная профессия на Ближнем Востоке.

¹⁶ *Сунетчи* – специалист, совершающий обряд обрезания у мальчиков.

¹⁷ *Долмуши* – маршрутное такси, рейсовый автобус.

и какая-нибудь домохозяйка говорила: «Добро пожаловать, Мустафа-эфенди! Отвесь-ка на эту тарелку пол-литра». Звучали голоса детей, бабушек и дедушек: «О Мустафа-эфенди! Мы уже вас заждались, думали, вы этим летом из деревни не приедете». «Эй, торговец, смотри мне в глаза, йогурт у тебя сегодня не прокисший? Только правду говори. Положи-ка мне немного на эту тарелку. А весы у тебя небось подкручены?» «Мустафа-эфенди, кто этот красивый мальчик, неужели твой сын, машаллах?» «Ой, торговец, прости, напрасно мы тебя наверх погнали, йогурт уже купили в бакалее, в холодильнике стоит огромная миска». «Дома никого нет, запиши себе наш долг». «Мустафа-эфенди, наши дети не любят, когда ты кладешь сливки, сливок не клади». «Братец Мустафа, пусть только моя младшая дочка вырастет, поженим ее с твоим сыном». «Слушай, торговец, где ты там застрял, ты уже полчаса на второй этаж поднимаешься». «Торговец, куда удобнее налить, в этот бидон или дать тебе ту тарелку?» «Слышишь, братец, а в прошлый раз у тебя литр дешевле был». «Торговец, владелец дома запрещает разносчикам пользоваться лифтом, тебе ясно?» «Где же твой йогурт?» «Мустафа-эфенди, когда будешь выходить, потяни на себя с силой уличную дверь – ее некому открыть, наш привратник исчез». «Мустафа-эфенди, слушай меня, ты не должен таскать с собой этого мальчика по улицам, словно хамала, ты должен отправить его учиться. Иначе я у тебя йогурт покупать перестану». «Слушай, торговец, раз в два дня заноси литр или пол-литра йогурта. Пусть наверх только мальчик поднимается». «Мальчик, не бойся, не бойся, собака не кусается, она только понюхает тебя, смотри – ты ей нравишься». «Братец Мустафа, Мевлют, присаживайтесь, посидите немного, сейчас никого дома нет – ни ханым, ни детей. Хотите, погрею для вас плов с томатами?» «Торговец, у нас работает радио, мы твой голос еле расслышали. В следующий раз, когда будешь проходить, громче кричи, ладно?» «Эти башмаки моему сыну малы, ну-ка, сыночек, померь ты их».

Мустафа-эфенди. «Да благословит вас Аллах, госпожа», – говорил я всякий раз с низким поклоном, выходя. «Да обратит Аллах в золото все, чего ты коснешься, сестричка», – улыбался я, чтобы Мевлют видел, на какую скромность способен отец, лишь бы добыть свой кусок хлеба, пусть уже сейчас учится гнуть шею, чтобы стать богатым. «Спасибо тебе, господин мой, – почтительно склонялся я на прощание, – Мевлют пронесит эти рукавицы всю зиму, награди вас Аллах. Ну-ка, поцелуй руку господину...» Но Мевлют руку целовать не желал. Когда мы выходили на улицу, я принимался втолковывать ему. «Сыночек, – говорил я, – не будь гордецом, не вороти нос от добра – если тебе чашку супа нальют, пару рукавиц подарят. Это благодарность за наши труды. Мы приносим к их ногам лучший йогурт на свете. Вот они и благодарят. Только и всего». Проходил месяц, и потом вдруг однажды вечером какая-нибудь добросердечная ханым-эфенди вновь дарила Мевлюту ненужную шерстяную тюбетейку, но он и на этот раз стоял с кислым лицом, а потом, будто испугавшись меня, вроде бы собирался поцеловать ее руку, но так и не целовал. «Слышь, ты, не строй из себя взрослого, – сердился я. – Коли тебе велят поцеловать клиенту руку, будешь целовать. К тому же это не простой клиент, а милая тетушка. Разве все клиенты такие, как она? Сколько в этом городе водится бесстыдников, которые знают, что ты принесешь им йогурт, заставят записать долг на их счет, а потом и след их простыл. Если ты будешь проявлять спесь перед людьми, которые добры к тебе, ты никогда не разбогатеешь. Смотри, как твой дядя и племянники стелются перед Хаджи Вуралом. Если ты стесняешься того, что они богатые, выкинь такие мысли из головы. Те, кого ты считаешь богатеями, просто раньше нас приехали в Стамбул и раньше нас разбогатели. Вот и вся разница между нами».

За исключением выходных, каждое утро с пяти минут девятого до половины второго Мевлют проводил в мужском лицее имени Ататюрка. Когда звенел последний звонок, он выбежал в школьный двор и, пробившись сквозь толпу уличных торговцев, собиравшихся у входа в школу, и дерущихся мальчишек, направлялся к торговавшему с раннего утра йогуртом Мустафе. Встречались они в закусочной под названием «Фидан». Оставив там свою сумку с книжками и тетрадками, Мевлют дотемна помогал отцу.

В круг постоянной клиентуры отца входили владельцы некоторых закусочных в различных кварталах города, вроде «Фидана», куда Мустафа два-три раза в неделю приносил подносы с йогуртом. Отец часто ссорился с хозяевами этих закусочных, так как они нещадно торговались, сбивая цену. Иногда он переставал с ними работать и договаривался с новыми. И все же отец не мог отказаться от подобных клиентов, хотя выгоды они приносили очень мало: он использовал их кухни, их большие холодильники, их балконы, их задние дворики в качестве кладовки, где можно было оставить подносы и миски. Главные официанты этих безалкогольных закусочных, в которых простым трудягам подавали домашнюю еду, донер¹⁸, компот и тому подобное, были приятелями отца. Иногда отца с сыном сажали в такой закусочной за дальний стол, ставили перед ними тарелку мясного либо нуттового плова, клали четвертинку хлеба, наливали йогурта. Посетители закусочных подолгу беседовали с ними. Мевлют любил эти застольные беседы: за стол садились торговец лотерейными билетами и контрабандными сигаретами «Мальборо», полицейский на пенсии, очень хорошо знавший, что происходит на улицах Бейоглу, подмастерье из фотомастерской по соседству – и разговор шел о постоянном повышении цен, о спортлото, о тех, кто торгует контрабандными сигаретами и алкоголем, и о том, как их ловят, о последних политических новостях из Анкары и о том, как полиция и мэрия контролируют улицы Стамбула. Слушая рассказы всех этих усачей-курильщиков, Мевлют чувствовал, что проникает в тайны уличной жизни Стамбула. Квартал на окраинах Тарлабаши, где жили столяры, постепенно обживали представители одного курдского племени из Агры. Мэрия замышляла войну против бродячих торговцев, обсевших площадь Таксим, потому что те были связаны с левацкими группировками. Банды уличных грабителей, собиравшие деньги с владельцев припаркованных машин на улицах ниже Таксима, развязали в Тарлабаши войну с бандой из Причерноморья за право сохранять контроль над улицами.

Если Мевлюту с отцом случалось оказаться на месте уличных разборок, автомобильных аварий, карманных краж или насилия над женщинами, то они старались как можно скорее скрыться. Вслед им доносились крики, угрозы, ругательства и звенели ножи.

Мустафа-эфенди. «Я всегда говорил Мевлюту – берегись, не то запишут тебя в свидетели. С государством держи ухо востро, один раз тебя записали – дело твое труба. А если дашь свой адрес, будет еще хуже: сразу придет повестка из суда. Если не пойдешь в суд, к тебе явится полиция, ну а полиция всегда спрашивает, чем занимаешься, платишь ли налоги, где зарегистрирован, сколько зарабатываешь, за правых ты или за левых, – короче, не приведи Аллах».

¹⁸ Донер – вид шашлыка, приготовленного на вертикальном вертеле.

Мевлют долго не понимал, почему иногда отец ни с того ни с сего сворачивал в какой-нибудь переулок, хотя только что изо всех сил кричал: «Йогурт! Кому йогурт!» Почему делал вид, что не слышит, как очередной клиент кричит ему: «Торговец, торговец! Я к тебе обращаюсь!» Почему, завидев обнимающихся и целующихся эрзурумцев, называл их «грязными». Почему какому-нибудь клиенту он отдавал два литра йогурта за полцены. Иногда отец входил в первую попавшуюся на пути кофейню, снимал с плеч шест, садился за стол, просил чая и долго сидел, совершенно не двигаясь, хотя нужно было обойти еще много клиентов и их ждали еще в очень многих домах.

Мустафа-эфенди. Разносчик йогурта проводит весь день на ногах. С его мисками его не пустят ни в муниципальный, ни в частный автобус, а на такси ему денег не хватит. Каждый день нужно пройти около тридцати километров с сорока, а то и с пятьюдесятью литрами на плечах. По правде говоря, наша работа ничем не отличается от работы хамала.

Отец Мевлюта два-три раза в неделю ходил от Дуттепе до Эминёню. Дорога занимала два часа. На пустырь неподалеку от вокзала Сиркеджи с одной фермы во Фракии привозили полный пикап йогурта. Во время разгрузки пикапа начиналась толкотня и давка стоявших там наготове торговцев йогуртом и владельцев закусных. Они тут же меняли товар на деньги. На склад неподалеку возвращали пустые алюминиевые подносы, тут же сводили счета между собой, все это сливалось с бесконечной суматохой Галатского моста, к которой примешивались гудки пароходов, поездов и пронзительные сигналы автобусов. Отец требовал от Мевлюта в этой толкотне аккуратно записывать покупки в тетрадь. Иногда Мевлюту казалось, что его отец, не умеющий ни читать, ни писать, приводил его туда только для того, чтобы ввести в дело и показать людям.

Закончив покупки, отец с особенной решимостью взваливал себе на плечи бидон с йогуртом, затем шагал не останавливаясь, обливаясь потом, пока не доходил до одной закусной на окраинах Бейоглу, где отливал часть ноши в специальную емкость, еще одну часть он оставлял в другой закусной, в Пангалты, а затем, вернувшись на Сиркеджи, опять взваливал себе на плечи бидон, и все повторялось. И уж только потом он разносил этот йогурт по кварталам. Когда в октябре наступали холода, Мустафа-эфенди принимался за бузу, с которой проделывал то же самое два раза в неделю. В лавке «Вефа», где варили бузу, он заполнял до краев

бидоны пустой бузой и, выбрав удобное время, разносил по закусочным, владельцы которых были его приятелями. Оттуда забирал бузу к себе домой, где добавлял в нее сахарную пудру и различные пряности, и каждый день в семь часов вечера вновь выходил на улицу, чтобы ее продать. Иногда отец, чтобы выиграть время, добавлял сахар и пряности в бузу на кухнях или на задних дворах закусочных, а Мевлют ему помогал. Он восхищался тем, как отец держит в памяти, где у него остались пустые, полупустые или полные бидоны с йогуртом или бузой, и тем, как он чувствует, где получится продать больше, а пройти меньше.

Мустафа-эфенди помнил всех своих клиентов по именам, а еще помнил, какой йогурт (со сливками или без) и какую бузу (кислую, крепкую) каждый из них любит. Мевлют изумлялся, когда оказывалось, что отец хорошо знает и владельца крошечной, пропахшей плесенью чайной, в которую они зашли наобум только лишь потому, что внезапно хлынул дождь, и его сына. Старьевщик, проезжавший на повозке по улице, внезапно бросался на шею к задумчиво шагающему отцу. Выяснялось, что можно быть закадычными приятелями даже с постовыми. Мустафа-эфенди неустанно наставлял сына: «Здесь – еврейское кладбище, тут нужно проходить молча»; «В этом банке работает уборщиком один наш земляк из Гюмюш-Дере, он хороший человек, запомни»; «Здесь на другую сторону лучше не переходи, переходи вон там, где ограда кончается, там и машин меньше, и ждать не так долго».

– Видишь, шкафчик? – спрашивал отец, когда они с сыном оказывались на темной и грязной лестнице. – А теперь открой-ка дверцу.

В сумраке лестницы Мевлюту удавалось нащупать рядом с входной дверью в очередную квартиру шкафчик для ключей с незапертой дверцей. Мевлют осторожно открывал ее, словно Аладдин – крышку своей волшебной лампы, и в темноте шкафчика белели пустая миска, а рядом – записка. «Ну-ка, читай, что там пишут», – командовал отец, Мевлют подносил, затаив дыхание, вырванный из школьной тетради лист к единственной на всю лестницу тусклой лампе, словно на нем должен был быть план клада, и шепотом читал: «Полкило, со сливками!»

Когда отец замечал, что сын считает его мудрецом, который говорит с городом на особом, только ему ведомом языке, он ощущал гордость.

– Понемногу и ты всему научишься, – говорил он. – Ты будешь видеть все, а сам останешься невидимым. Ты научишься слышать все, но все будут уверены, что ты не слышишь ничего... Ты будешь ходить по десять часов в день, но тебе будет казаться, что ты не прошагал и часа. Ты устал, сынок? Хочешь, посидим?

– Давай посидим.

Не прошло и двух месяцев с того дня, когда отец привез Мевлюта в город. Похолодало. Они начали по вечерам торговать бузой, и Мевлют почувствовал, что надывается.

Утром он шел в школу, после полудня четыре часа разносил с отцом бузу, проходя по пятнадцать километров, и вечером, едва войдя в дом, падал замертво. Ему удавалось вздремнуть, положив голову на стол, где-нибудь в закусочной или чайной, куда они заходили передохнуть, но отец будил его, не давая поблажек.

Иногда, еще сонный, с утра Мевлют говорил: «Отец, сегодня уроков нет», и Мустафа радовался, что сегодня они пойдут вместе и, значит, больше заработают. Иногда в выходные отец жалел сына, поднимал свой шест, тихонько открывал дверь и уходил. Мевлют, проснувшись в такой день позже обычного, начинал сильно жалеть, что проспал, но не потому, что боялся оставаться, а потому, что скучал по отцу. Тогда Мевлют принимался ругать себя за то, что проспал, не мог сосредоточиться на уроках, а от этого злился на себя еще больше.

5. Мужской лицей имени Ататюрка

Хорошее образование устраняет различия между богачами и бедняками

Мужской лицей имени Ататюрка на Дуттепе был расположен в низине у дороги, связывавшей холмы со Стамбулом. Матери семейств за развеской свежевystиранного белья, тетушки за раскатыванием теста, безработные мужчины за картишками или океем¹⁹ в чайных кварталах, расположенных вдоль Боклу-Дере, на холмах, быстро обрастающих лачугами, прекрасно видели оранжевое здание школы и тамошних учеников, которые в большом школьном дворе все время занимались физкультурой (в резиновых кедах, штанах и рубашках) под руководством Слепого Керима, школьного учителя физкультуры. Ученики и учитель казались изда- лека маленькими цветными живыми точками. Когда звенел звонок на перемену, не слышный на окрестных холмах, сотни учеников высыпали на школьный двор. Через некоторое время звенел еще один звонок, и школьники мгновенно исчезали. Все холмы слышали, как более тысячи глоток каждое утро на построении вокруг бюста Ататюрка хором выводят «Марш неза- висимости»²⁰. Зычное эхо молодых голосов звенело между холмами, слышное в каждом доме.

Каждое утро, перед тем как звучал гимн, на крыльце лицея появлялся директор Фазыл- бей и держал перед учениками речь об Ататюрке, о любви к родине, к нации, о великих турецких победах, память о которых будет жить вечно (особенно он любил упоминать крова- вые завоевательные битвы, как, например, при Мохаче²¹), и призывал учеников стать такими, как Ататюрк. Заядлые школьные хулиганы то и дело отпускали в адрес директора всякие остроты и сальные шуточки, которых Мевлют первые годы не понимал, а заместитель дирек- тора по кличке Скелет, стоявший начеку рядом, грозно и пристально, словно полицейский, смотрел на каждого, кто осмеливался подать голос.

Школьного директора беспокоила лишь одна вещь: тысяча двести школяров были не в состоянии вместе спеть турецкий гимн. Каждый пел его как Аллах на душу положит, иногда путая и коверкая самые важные слова. Некоторые «недоделанные дегенераты» и вовсе стояли молча. Бывало так, что в одной части двора гимн уже кончался, а в другой – только- только доходил до середины, и директор, которому непременно нужно было добиться, чтобы «Марш» пели дружным хором, «в один кулак», заставлял тысячу двести мальчишек петь его снова и снова, в любую погоду – хоть под дождем, хоть под снегом. Некоторые школяры от зло- сти и упрямства специально сбивались с ритма, что кончалось общим смехом, а еще перепал- ками между хулиганами и вконец замерзшими школьными патриотами.

Мевлют кусал губы, чтобы не рассмеяться. Но когда он видел, как алое знамя с белым полумесяцем и звездой медленно ползет вверх по флагштоку, раскаяние охватывало его, на глаза наворачивались слезы и слова гимна начинали литься из самого его сердца. Так про- должалось всю его жизнь – где и когда бы он ни видел, как турецкий флаг ползет вверх по флаг- штоку, пусть даже в кино, на глаза его тут же наворачивались слезы.

Мевлюту очень хотелось «стать похожим на Ататюрка». Для этого требовалось окончить трехлетнюю среднюю школу, а затем трехлетний лицей. Так как до сих пор ни одному человеку среди его родни и земляков подобное не удавалось, цель стала для него священной, словно

¹⁹ Окей – традиционная турецкая игра, разновидность домино.

²⁰ «Марш независимости» – национальный гимн Турецкой Республики и Турецкой Республики Северного Кипра; офи- циально принят в 1921 г.

²¹ Битва при Мохаче – имеется в виду сражение 25 августа 1526 г., во время которого войско Османов под предводитель- ством султана Сулеймана Великолепного нанесло сокрушительное поражение венгро-чешско-хорватскому войску. В резуль- тате этого сражения в состав Османской империи вошла Среднедунайская равнина.

знамя, словно родина, словно сам Ататюрк. Почти все ученики лицея из районов гедже-конду в свободное время помогали отцам – либо уличным разносчикам, либо мелким ремесленникам. Все они знали, что через некоторое время им придется бросить учебу и пойти в подмастерья либо к пекарю, либо к автослесарю, либо к сварщику.

Директор лицея Фазыл-бей изо всех сил старался обеспечить порядок и согласие между выходцами из «хороших» семей и толпой мальчишек-бедняков. Он придумал ясный и четкий девиз, который начал повторять на каждом построении: «Хорошее образование устраняет различия между богачами и бедняками!» Наверное, этими словами Фазыл-бей хотел сообщить сыновьям бедняков: «Если будете хорошо учиться и окончите школу, вы разбогатеете!» А может быть, он хотел сказать: «Если будете хорошо учиться, никто не заметит, что вы бедны»? Мевлют этого так и не понял.

Директору хотелось доказать всей Турции, что в мужском лицее имени Ататюрка дают хорошее образование, и он желал во что бы то ни стало вывести команду лицея на организованные Стамбульским радио межлицейские соревнования знатоков. Ради этой цели он создал специальную команду учеников из хороших семей (школьные завистники и лентяи тут же обозвали их хафызам)²². Эти ученики проводили все свободное время за тем, что зубрили даты жизни и смерти османских падишахов. На каждом построении Фазыл-бей посылал проклятия в адрес «слабаков», презревших учебу и науку, ругал тех, кто, подобно Мевлюту, после уроков работал. Стремясь наставить на путь истинный подобных работяг, он кричал: «Турцию спасут не разносчики кебаба! Турцию спасет наука!» Говорил он и том, что Эйнштейн тоже был беден и даже остался на второй год по физике, но ему, Эйнштейну, никогда не приходило в голову бросить школу и отправиться продавать кебаб ради двух-трех жалких монет.

Скелет. Наш мужской лицей имени Ататюрка на Дуттепе, признаться, был основан для детей чиновников, адвокатов и врачей, проживающих в кооперативных домах района Меджидиекёй и его окрестностей, с целью дать детям качественное государственное образование. К сожалению, за последние десять лет холмы вокруг обросли целыми кварталами незаконно возведенных жилых домов, и, когда в лицей хлынули толпы детей мигрантов из Анатолии, обстановка в школе коренным образом изменилась. И хотя многие из учеников лицея занимаются торговлей и пропускают занятия, хотя многих отчисляют за воровство, драки и угрозы учителям, классы все равно заполнены до предела. Прекрасно оборудованные кабинеты, рассчитанные на тридцать учеников, к несчастью, вынуждены принимать до пятидесяти двух человек. За партами для двоих сидят по трое. Когда звенит звонок, на лестнице начинается такая давка, что некоторые слабые здоровьем ученики падают в обморок, и мы, учителя, вынуждены приводить их в чувство лимонным одеколоном у себя в учительской... Рассказывать о чем-то такой толпе невозможно... Приходится пользоваться лишь одним способом – заставлять школьников зубрить уроки. Ведь зубрежка не только улучшает память ученика – она прививает ему уважение к старшим.

²² Хафыз – человек, который знает наизусть Коран.

Еще в первые полтора года своего пребывания в школе Мевлют понял – если он собирается стать, как говорил директор, «ученым человеком, которым гордился бы сам Ата-тюрк», то ему следует завести дружбу с мальчиками из верхних кварталов, у которых всегда в порядке и тетради, и галстук, и домашнее задание. Правда, в школьном дворе он познакомился с несколькими пареньками, которые хоть тоже и жили в гедже-конду, но к учебе относились серьезно, однако в этом вавилонском столпотворении подружиться с ними не смог.

В конце концов он сблизился с некоторыми мальчиками из хороших семей, которые занимали первые парты и всегда делали домашнее задание. Мевлюту было приятно сидеть рядом с ними. Когда учитель задавал вопрос, то Мевлют, как и они, всегда с готовностью поднимал руку, хотя мог и не знать ответ.

Ребята из верхних кварталов, с которыми ему так хотелось подружиться, оказались странными: выяснилось, что они в любой момент могут обидеть ни за что ни про что. Однажды снежным зимним днем, в первом классе, одного из таких мальчиков, по прозвищу Дамат²³, чуть было не задавила на перемене несущаяся и орущая толпа. Злой и испуганный, он внезапно повернулся к стоявшему рядом Мевлюту и сказал: «Понаехало тут деревенщин. Скажу отцу, чтобы забрал меня из этой школы, не хочу сюда больше ходить».

Дамат. Я очень люблю красивые галстуки и пиджаки, а еще иногда перед школой я пользуюсь отцовским лосьоном после бритья. Отец у меня врач по женским болезням. Из-за лосьона уже в первые месяцы в школе меня прозвали Женихом. Конечно, в классе, где стоит несвежий воздух и воняет потом, приятный запах обращает на себя внимание. В те дни, когда я не пользовался лосьоном, меня спрашивали: «Ну что, Жених, сегодня свадьбы не будет?» Но я-то не неженка какая-нибудь, как, видимо, решили некоторые. Однажды я здорово врезал одному шуту, который решил посмеяться надо мной. Мой скупой папаша не хочет платить за частную школу, поэтому я здесь.

Однажды мы с Мевлютом разговаривали на уроке и учительница по биологии Жирная Мелахат закричала: «Мевлют Караташ, ты слишком много болтаешь, ну-ка, марш за последнюю парту!»

– Ходжа²⁴, мы больше не будем мешать вам! – примирительно ответил я, защищая Мевлюта. Мне хорошо известно: Мелахат никогда не сойдет за последнюю парту такого, как я, мальчика из хорошей семьи.

Но вредная биологичка настояла на своем.

Мевлют не слишком горевал. Его и раньше выгоняли за последнюю парту, однако прилежание, наивное и детское выражение лица и неизменно поднятая рука всегда давали ему возможность вернуться обратно. Некоторые учителя, чтобы хоть как-то успокоить орущий класс,

²³ Дамат – досл.: жених.

²⁴ Ходжа – традиционное в Турции обращение к преподавателю или духовному лицу.

специально пересаживали учеников. В таких случаях Мевлют особенно преданно и просительно смотрел учителю прямо в глаза, и его усилия обычно увенчивались успехом: его пересаживали вперед, но затем удача вновь отворачивалась, и он снова попадал на заднюю парту.

В другой раз, когда Мелахат вновь вознамерилась отправить Мевлюта за последнюю парту, Дамат стал смело спорить: «Ходжа, пусть он сидит впереди; вообще-то, он очень любит ваш урок».

– Ты что, не видишь, что он длинный как жердь? – не унималась тиранша Мелахат. – Из-за него никому с задних рядов ничего не видно!

Так как Мевлют потерял целый год в деревне после окончания начальной школы, он был старше одноклассников. Возвращаясь за заднюю парту, он неизменно смущался, ведь у него в голове возникали странные фантазии: он только-только научился ублажать себя, и эта привычка странным образом соединялась у него в голове с дородным телом биологички. К тому же и одноклассники с задних парт встречали его аплодисментами и кричали: «Мевлют идет в норку, Мевлют идет в норку!»

За последними партами обычно сидели хулиганы, лентяи, полные дурни, вечные второгодники, буяны-переростки и кандидаты на отчисление. Многие из этой публики вскоре находили работу и бросали школу, а кто-то, наоборот, не мог нигде найти себе места, кроме как в школе, и уныло взрослел на школьной скамье. В отличие от хулиганья, Мевлют воспринимал заднюю парту как наказание. И в своем убеждении он был прав. Учителя, и прежде всего учитель истории по кличке Рамзес (он и в самом деле был похож на мумию), по горькому опыту знали, что все попытки научить чему-то задние парты совершенно напрасны.

Ни один преподаватель не желал вступать в открытое противостояние с задними партами. Такие вещи в любой момент могли кончиться кровной враждой, и у несговорчивого учителя мог начаться конфликт уже не только с задними рядами, но вообще со всем классом. Некоторые щекотливые темы, давно ставшие предметом насмешек учителей, могли разозлить весь класс – например, анатолийский говор учеников из кварталов гедже-конду, их деревенский вид и невежество, а также прыщи, в изобилии покрывавшие молодые лбы. Одно время в школе работал молодой учитель химии по кличке Хвастун Февзи, которого ненавидели все школьники без исключения. Всякий раз, когда он поворачивался спиной к классу, чтобы написать на доске какую-нибудь формулу, в него летела жеваная бумага. Дело в том, что химик постоянно обижал одного ученика из Восточной Анатолии: он смеялся над его говором и одеждой (тогда никто не употреблял слово «курд»).

Хулиганы с задних парт могли перебить очередного щуплого и робкого учителя прямо во время урока – иногда ради одного только удовольствия напугать его, а иногда и просто так, потому что им хотелось поболтать.

– Слушайте, ходжа, вы все твердите и твердите про Китай, нам уже надоело! Лучше расскажите, как вы ездили по Европе!

– Ходжа, вы и в самом деле доехали до Испании на поезде?

6. Средняя школа и политика

Завтра занятий нет

Мустафа-эфенди. На следующий год, когда Мевлют перешел во второй класс средней школы, он все еще стеснялся кричать на улицах: «Йогурт! Кому свежий йогурт!» – но уже привык носить на спине шест с мисками, до краев заполненными бузой или йогуртом. Каждый день он забирал пустые бидоны из закуской позади Бейоглу и относил их на склад в Сиркеджи, а затем забирал полные йогурта или бузы миски и шел в центр Бейоглу, к Расиму, у которого пахло жареным луком и горелым маслом, и только потом возвращался на Кюльтепе. Если вечером я, вернувшись домой, заставал Мевлюта у стола за уроками, то обычно говорил: «Машаллах, ты, верно, коль так дальше пойдет, станешь первым профессором в нашей деревне». А он, если уже выучил урок, обычно просил: «Отец, послушай меня!» – и, уставившись в потолок, начинал рассказывать. Запнувшись, он переводил взгляд на меня. «Сынок, что ж ты ждешь помощи от отца? Твой отец неграмотный! У меня на лбу твой урок не записан», – усмехался я. Он, когда и во второй класс пошел, учился так же рьяно, да и работал тоже. Иногда вечером, бывало, он скажет мне: «Отец, я сегодня иду с тобой бузой торговать! Завтра занятий нет!» Я с ним не спорил. А в другие дни мог сказать: «У меня на завтра большое задание, я после школы сразу домой!»

Как и многие другие ученики мужского лицея имени Ататюрка, Мевлют скрывал свою жизнь вне школы и никогда не рассказывал таким же, как он, торгующим одноклассникам о том, как он живет. Когда Мевлют случайно видел кого-нибудь из них на улице, то поворачивал голову в другую сторону. Одного парня из Хейюк, который вместе со своим отцом собирал старые газеты, пустые бутылки, жестяные банки, он заметил перед самым Новым годом, когда случайно встретил его в Тарлабаши. На лице у того паренька всегда было мечтательное выражение, на уроках он смотрел в окно, а через четыре месяца после начала занятий во втором классе пропал, и о нем никто не спрашивал и не вспоминал. Подобным образом пропали многие его товарищи, находившие работу или оказавшиеся в подмастерьях.

У молодой учительницы английского языка Назлы Ханым были большие зеленые глаза, белоснежная кожа и передник, разрисованный зелеными листьями. Мевлют подозревал, что она родом из другого мира, и ему изо всех сил хотелось стать старостой класса, чтобы оказаться поближе к ней. Если какой-нибудь хулиган на уроке не слушался учителя, то старосты имели право успокоить такого хорошей затрещиной. На задних партах находилось немало желающих оказать преподавательницам вроде учительницы Назлы подобную услугу. Добровольные помощники сами поднимались во время урока, чтобы усмирить расшалившихся малолеток. Они били очередного непоседу кулаком в спину и кричали на весь класс: «Ну-ка, заткнись и слушай урок!» или «Перестань хамить учителю!». Когда Мевлют замечал, что учительница Назлы довольна помощью, он ужасно ревновал ее к подобным доброхотам и злился.

Вот если бы учительница назначила старостой его, Мевлюта, он бы не стал использовать грубую силу, чтобы заставить замолчать негодников, – нет, все хулиганы и лентяи слушались бы Мевлюта только потому, что он – бедняк из квартала гедже-конду!

В марте 1971 года произошел военный переворот, и многолетний премьер-министр страны Демирель, опасаясь за свою жизнь, подал в отставку. Революционные группировки грабили банки, похищали дипломатов, требуя за них выкуп, государство то и дело объявляло диктатуру и вводило комендантский час, а военные и полиция целыми днями проводили обыски. Стены городских домов были усеяны портретами объявленных в розыск и подозреваемых, власти запретили продажу книг с уличных лотков. Все это было дурным знаком для уличных торговцев. Отец Мевлюта сыпал проклятиями в адрес тех, «кто устроил всю эту анархию». Десятки тысяч людей бросили в тюрьмы и осудили на пытки. Положение уличных торговцев и тех, кто перебивался случайными заработками, значительно ухудшилось.

Военные превратили Стамбул в казарму, выкрасив белой известью все тротуары в городе, все то, что выглядело, на их взгляд, грязным и неказистым (по правде, весь город был таким), стволы огромных платанов и заборы вокруг османских построек. Маршрутным такси запретили останавливаться, где им вздумается, уличным разносчикам запретили торговать на больших площадях и проспектах, а также на паромных и в поездах. Облавы полиции вместе с журналистами устраивали теперь в принадлежавших известным мафиози игорных и публичных домах и подпольных магазинах, где торговали нелегальным табаком и алкоголем из Европы.

После переворота Скелет уволил с административных должностей всех учителей, придерживавшихся левых взглядов, и мечта Мевлюта стать старостой класса окончательно испарилась. Теперь учительница иногда пропускала уроки, и говорили, что муж ее находится в розыске. По телевизору только и твердили что о порядке, дисциплине, чистоте, и эти слова всех глубоко воодушевляли. Все политические лозунги, а также неприличные слова и пошлые карикатуры на учителей (например, на одной такой карикатуре Скелет пользовал Жирную Мелакат) на садовом заборе, на дверях уборных и в прочих, не видных с первого глаза местах закрасили. Всех, кто открывал рот, кто устраивал скандалы, кто выкрикивал на уроках политические лозунги или превращал их в политические диспуты, утихомирили. Директор со Скелетом установили рядом со статуей Ататюрка громкоговоритель, вроде тех, что вешают на минарет: к нестройному хору добавился новый, металлический голос. Гимн вообще стало петь меньше школьников, потому что голос громкоговорителя перекрывал все голоса. А историк Рамзес на уроках теперь все чаще и чаще говорил о том, что цвет турецкого флага связан с цветом крови, а кровь турецкой нации отличается от крови других народов.

Мохини. По-настоящему меня зовут Али Йалныз. Мохини – так звали красивого слона, которого в 1950 году подарил турецким детям президент Индии Джавахарлал Неру. Чтобы заслужить в стамбульском лицее прозвище Мохини, нужно быть не только огромным, как слон, но и ходить качаясь из стороны в сторону, как ходят старики и как хожу я. Нужно еще быть бедным и сентиментальным. Как изрек Пророк Ибрагим, да будет мир с ним, слоны – очень сентиментальные животные. Самым тяжелым последствием военного переворота 1971 года для нашей школы было то, что большинству из нас остригли длинные волосы, которые мы тщательно оберегали, героически сражаясь со Скелетом и другими преподавателями. Это, конечно же, истинное горе, из-за которого немало слез пролили не только детки врачей и чиновников, помешанные на поп-музыке, но и некоторые другие лицеисты – обладатели прекрасных локонов из кварталов гедже-конду. Директор со Скелетом во время еженедельных построений по понедельникам часто грозились остричь непокорных юнцов, пеняя, что негоже копировать буйных западных музыкантов, но остричь нам волосы им удалось только после военного переворота. Дело в том, что тогда в школу приехали военные. Некоторые думали, что капитан, вышедший из армейского джипа, прибыл только для того, чтобы организовать

помощь пострадавшим от землетрясения на востоке. Но пройдоха Скелет тут же привел в школу самого ловкого парикмахера на Дуттепе. И вот пришлось мне расстаться с волосами. Когда меня остригли, я стал выглядеть совершенным уродом и еще больше возненавидел себя за то, что, спасовав перед военными, я покорно склонил шею и как миленький сел под ножницы.

После военного переворота Скелет, догадавшийся о том, что Мевлют мечтает стать старостой, поручил послушному и прилежному ученику помогать Мохини. Это давало возможность выходить из класса во время уроков. Мевлют обрадовался. Теперь они с Мохини каждый день перед большим перерывом выходили из класса, проходили по темным и сырым коридорам и по лестнице спускались в подвал. Мохини прежде заходил в лицейскую уборную, одна дверь которой вселяла в Мевлюта ужас, выпрашивая в этом зловонном, окутанном облаками густого синего дыма месте у кого-нибудь сигаретный окурочок, жадно затягивался, а затем без церемоний бросал Мевлюту, терпеливо ожидавшему его на пороге: «Ну вот, я принял свое лекарство от стресса». На кухне Мохини долго стоял в очереди. Поставив себе на плечи бидон почти с себя ростом, он поднимался в класс.

В огромном бидоне было вонючее кипяченое молоко, которое делали на лицейской кухне из молочного порошка: его бесплатно, в качестве помощи, распространяла по школам бедных стран ЮНИСЕФ. На большой перемене Мохини, как заботливая домохозяйка, разливал школьникам молоко в разноцветные пластмассовые кружки, принесенные из дому, а в это время дежурный учитель бережно раздавал из синей коробочки таблетки с рыбьим жиром, также бесплатно доставшиеся от ЮНИСЕФ. Почти все мальчишки выкидывали таблетки за окно либо же давили их на полу, чтобы в классе как следует воняло. Некоторые догадывались стрелять этими таблетками из трубочек, используя вместо жеваной бумаги. Поэтому все доски в мужском лицее имени Ататюрка на Дуттепе были скользкими и обладали странным запахом, от которого школьным новичкам делалось не по себе. Однажды в 9-м «С» классе на последнем этаже такая бомбочка угодила как раз в портрет Ататюрка, после чего Скелет разнервничался, затребовал ревизора из стамбульского Управления народного образования, желая, чтобы власти устроили расследование, однако многоопытный и добродушный инспектор доложил представителям военных властей, что не усматривает в произошедшем намерения оскорбить основателя Турецкой Республики, и закрыл дело за недостатком улик. В те годы попытки политизировать церемонию раздачи сухого молока и таблеток с рыбьим жиром провалились, однако много лет спустя и исламисты, и националисты, и левые будут часто жаловаться, как прозападные силы в детстве подвергали их насилию, заставляя принимать ядовитые и вонючие таблетки, и даже писать об этом мемуары.

На уроках литературы Мевлют с удовольствием читал поэмы, в которых говорилось о чувствах османских воинов-акынджы, когда они завоевывали Балканы. Иногда из-за болезни учителей уроки отменялись, и ученики часто пели всем классом, чтобы убить время. В тот момент даже самые отъявленные хулиганы на задних партах казались нежными и наивными, словно ангелы, а Мевлют, глядя в окно, за которым шел дождь (тут он вспоминал отца, который

в это время торговал йогуртом где-то на улицах Стамбула), думал о том, что он мог бы сидеть в этом теплом классе и петь песни бесконечно, и о том, что жизнь в городе гораздо интереснее, чем в деревне, хотя мать и сестры очень далеко.

За несколько недель после военного переворота временное правительство успело бросить за решетку десятки людей, что было следствием комендантского часа и постоянных обысков, но вскоре запреты, как это обычно бывает, ослабели, разносчики стали появляться на улицах, и все, кто торговал семечками и жареным нутом, бубликами-симитами, конфетами и воздушной халвой, вновь начали выстраиваться вдоль забора мужского лица имени Ататюрка. Мевлют, уважительно относившийся к запретам, однажды повстречал там знакомого паренька, которого звали Ферхат. В руках тот держал картонную коробку, на ней огромными буквами было выведено: «KISMET» («СУДЬБА»). В коробке, посреди каких-то разноцветных карточек и безделушек – пластмассовых солдатиков, жвачки, гребенок, значков с портретами футболистов, карманных зеркалец, пилочек, – Мевлют увидел большой резиновый футбольный мяч. Так он впервые столкнулся с лотереей.

– Ты что, не знаешь, что с рук покупать сейчас запрещено? – спросил Мевлют, стараясь выглядеть строгим. – И что ты тут предлагаешь?

– Некоторых людей Аллах любит больше прочих. Такие люди потом становятся богатыми. Других Он любит меньше. И они остаются бедняками. Надо поскрести эти цветные карточки булавкой, и узнаешь, какой подарок ты выиграл, узнаешь, везучий ты или нет.

– Ты сам выдумал эту игру? – спросил Мевлют.

– Игру продают уже в готовом виде вместе с призами. Все вместе для тебя тридцать две лиры. Если немного побродишь по улице и продашь сотню карточек за шестьдесят курушей, то заработаешь уже шестьдесят лир. По выходным в парках можно хорошо заработать. Хочешь попробовать и узнать прямо сейчас, кем станешь – богачом или бедняком? На вот, сотри, прочти ответ. Тебе бесплатно.

– Я не останусь бедняком, вот увидишь.

Мевлют протянул руку и взял из рук паренька булавку с шариком на конце. Он не спеша выбрал одну из карточек и потер.

– Вот! Пустая! Не повезло тебе! – вздохнул Ферхат.

– Ну-ка, дай-ка сюда, – с досадой сказал Мевлют. Под стертой цветной фольгой не было ни слова, ни картинки с подарком. – И что теперь?

– Тем, кто проиграл, мы даем вот это. – Ферхат протянул Мевлюту вафлю размером со спичечный коробок. – Н-да, ты не очень везучий, но говорят, что тому, кому не везет в картах, повезет в любви. Все дело в том, чтобы научиться проигрывая выигрывать. Понятно?

– Понятно, – вздохнул Мевлют.

Они подружились. Ферхат хотя и был ровесником Мевлюта, но уже прекрасно знал язык улицы, адреса всех лавок в городе и тайны многих людей. Он-то и поведал Мевлюту, что школа на самом деле – сборище мошенников, историк Рамзес – просто идиот, а большинство учителей – негодяи, которые только и думают о том, как бы без приключений закончить урок, уйти домой да получить свое жалованье. Ферхат мог бы об этом не говорить, и так было все ясно!

В один прекрасный день Скелет организовал облаву на выстроившихся вдоль школьного забора торговцев, собрав небольшой отряд из уборщиков, поваров и сторожа. Мевлют с другими учениками наблюдал за битвой. Все были на стороне торговцев, но школа и государство оказались сильнее. Разносчик жареного нута и семечек дрался со сторожем Абдульвахалом. Скелет сыпал угрозами, что вызовет полицию или, что еще хуже, позвонит в комендатуру. Все это осталось в памяти Мевлюта как незабываемый пример обычного обращения властей – хоть школьных, хоть государственных – с торговой братией.

Новость о том, что учительница Назлы покидает школу, потрясла его. Мевлют чувствовал себя в пустоте. Три дня он не показывался в школе, а если его спрашивали почему, отвечал,

что болен отец. Придя наконец на школьный двор, он опять встретил там Ферхата. Мевлют очень полюбил паренька за его шутки, острый язык и оптимизм. Они начали вместе торговать лотереей «Кысмет», вместе прогуливали школу, вместе ходили в Бешикташ и в парк Мачка. Мевлют научился у Ферхата многим новым острыми словечкам и шуточкам, которые отныне собирался говорить всем своим любимым покупателям йогурта и бузы. Например, тем, кто по вечерам покупал у него бузу, он говорил: «Нельзя узнать свою СУДЬБУ, не купив себе удачу!»

Еще одним свидетельством успеха Ферхата было то, что он умел переписываться с девочками из Европы. Все они были настоящими иностранками. У Ферхата даже были их фотографии. Ферхат находил их адреса в разделе «Молодежь всего мира» юношеского журнала «Миллийет Хей». «Хей» хвалился репутацией первого в Турции молодежного журнала и, чтобы не вызвать негодования людей традиционного склада, публиковал адреса только молоденьких иностранок, а адреса турецких девочек не принимал. Ферхат скрывал от иностранок, что он простой уличный торговец. Девочки присылали свои фотографии. Одни ученики, разглядывая их на уроках, влюблялись, другие считали, что фотографии ненастоящие, а третьи портили фото от зависти, разрисовывая девичьи лица чернилами.

В один из тех дней Мевлют прочел в журнале статью, которая оказала большое влияние на его жизнь. Учитель заболел, урока не было, и учеников на этот раз отвели в библиотеку. Заведующая библиотекой Айсель выдала школьникам старые журналы – их дарили лицею престарелые врачи и адвокаты из верхнего квартала.

Она бережно раздала ученикам по одному номеру на двоих пожелтевшие выпуски двадцати-тридцатилетней давности изданий «Красота Ататюрка», «Археология и искусство», «Материя и дух», «Наша Турция», «Мир медицины», «Сокровищница знаний». Кроме того, Айсель произнесла короткую и знаменательную речь о чтении, которую Мевлют внимательно выслушал.

– ВО ВРЕМЯ ЧТЕНИЯ КНИГ НИКОГДА НЕ РАЗГОВАРИВАЮТ! То, что вы читаете, вы должны читать тихо, про себя. Иначе никакой пользы от того, что написано в книге, не будет. Когда вы дочитаете до конца страницы, не торопитесь сразу переворачивать ее, убедитесь, что и ваш товарищ дочитал ее. А затем аккуратно, не слюнявя палец и стараясь не помять бумагу, переверните страницу. Ничего не пишите на полях. Не пририсовывайте портретам усы, очки или бороду. В этих журналах нельзя только разглядывать картинки – их нужно читать! Так что сначала читайте, что написано на каждой странице, а потом рассматривайте картинки. Когда вы дочитаете журнал до конца, то тихо поднимите руку, я увижу, подойду и принесу вам другой журнал. Правда, вы вряд ли успеете все прочесть. – Заведующая помолчала, пытаясь понять, как подействовали на одноклассников Мевлюта ее слова. Затем она положила руки в карманы собственноручно сшитого передника и властным голосом османского паши, который отдает приказ своим нетерпеливым воинам захватить штурмом и разграбить стан врага, произнесла последнюю фразу: – А теперь вы можете читать.

Тут же поднялся шум, послышался шелест пожелтевших страниц, переворачиваемых с волнением и любопытством. Мевлюту и сидевшему рядом Мохини достался выпуск первого турецкого журнала по парапсихологии «Материя и дух», двадцатилетней давности (июнь 1952). Осторожно, помня, что нельзя слюнявить палец, листали они страницы. На одной из них оказалась фотография пса.

Статья называлась «УМЕЮТ ЛИ СОБАКИ ЧИТАТЬ МЫСЛИ ЛЮДЕЙ?». Прочитав ее первый раз, Мевлют почти ничего не понял, но сердце его почему-то взволнованно заколотилось. Он попросил у Мохини разрешения не переворачивать страницу и прочел статью еще раз. Много лет спустя Мевлют будет вспоминать те чувства, которые охватили его во время чтения. В тот момент он ощутил, что в мире все взаимосвязано. Читая эту статью, он понял, что уличные собаки наблюдают за ним по вечерам с кладбищ и пустырей гораздо вниматель-

ней, чем он думал. Возможно, статья произвела на него такое действие потому, что на фотографии был запечатлен обычный уличный пес.

В первую неделю июня всем раздали дневники с оценками, и Мевлют увидел, что ему предстоит переэкзаменовка по английскому.

– Отцу ничего не говори, а то он тебя приберет, – посоветовал Ферхат.

Мевлют был согласен, но помнил, что отец хотел своими глазами увидеть аттестат сына за среднюю школу.

Он слышал, что на переэкзаменовку в качестве инспектора может прийти учительница Назлы, которая работала в другой стамбульской школе. Ради того чтобы закончить среднюю школу, Мевлют все лето в деревне зубрил английский язык. В начальной школе деревни Дженнет-Пынар не было англо-турецкого словаря, а в самой деревне – никого, кто мог бы помочь ему. В июле в соседнюю Гюмюш-Дере на собственном «форде-таунус» и с собственным телевизором приехал человек, который был на заработках в Германии, и Мевлют начал брать уроки у его сына. Каждый раз, чтобы провести час под деревом с книгой в компании паренька, который ходил в немецкую среднюю школу и говорил по-английски и по-турецки с немецким акцентом, Мевлюту требовалось идти пешком три часа туда и обратно.

Абдурахман-эфенди. Коль уж история Мевлюта, которому улыбнулась судьба и который брал уроки английского у сына одного нашего земляка, работавшего в Германии, добралась до нашей деревни Гюмюш-Дере, то, если позволите, я тоже быстренько, не отняв понапрасну вашего времени, расскажу, что произошло с нами, злосчастными. В 1968 году, когда я впервые имел честь познакомиться с вами, мы – три мои дочери и их тихая, словно ангел, мать – были очень счастливы, видит Аллах! А после третьей моей доченьки, прекрасной Самихи, шайтан меня попутал. Мне хотелось иметь сына, и мы стали родителями четвертого ребенка. Он, и верно, оказался сыном, которого я, едва он родился, нарек Муратом. Но спустя час после родов Всевышний призвал к себе и его, и его окровавленную мать, так что мой Мурат и жена моя вознеслись к ангелам, а я остался вдовцом с тремя дочками-сиротками. Первое время дочери мои по вечерам забирались ко мне в постель, ложились рядом со мной и плакали до утра. Так что я старался обращаться с моими дочками, пока они еще маленькие, так, будто они – дочери самого китайского падишаха. Я покупал им платья в Бейшехире и Стамбуле. И всем скрягам, которые скажут, будто я сорю деньгами, хочу ответить: у такого человека, как я, который гнет спину на улицах, продавая йогурт, самая большая надежда на будущее – три дочери, каждая из которых драгоценнее самого дорогого бриллианта. Но теперь мои ангелочки сами о себе расскажут, лучше меня.

Ведиха. Почему учитель на уроке постоянно смотрит на меня? Почему я не могу никому рассказать, что мне хочется поехать в Стамбул и увидеть море с кораблями? Почему я первая должна начинать убирать со стола, убирать постель, помогать отцу? Почему я злюсь, когда вижу, что сестры перешептываются и хихикают между собой?

Райиха. Я никогда в жизни не видела моря. Некоторые облака напоминают вещи. Я хочу как можно скорее вырасти, стать такой, как мама, и выйти замуж. Я не люблю топинамбура. Я воображаю, что покойная матушка с братцем Муратом смотрят на нас. Мне нравится засыпать, когда я плачу. Почему меня все называют умницей-девочкой и хвалят? Мы с Самихой часто смотрим издали, как два мальчика сидят с книжкой под платаном.

Самиха. Под платаном сидят двое. Мою руку сжимает рука Райихи. Я крепко держу ее. Потом мы возвращаемся.

Мевлют вернулся в Стамбул с отцом раньше обычного, в конце августа, чтобы успеть на пересдачу экзамена по английскому. В доме на Кюльтепе в конце лета, как и три года назад, когда Мевлют впервые вступил сюда, пахло сыростью и землей.

Учительница Назлы на экзамен, который состоялся три дня спустя в самом большом классе мужского лицея имени Ататюрка, не пришла. Сердце Мевлюта было разбито. Но экзамен он сдал успешно, ответив на все вопросы. Спустя две недели, в те же дни, когда он начал учиться в лицее, он отправился в кабинет Скелета получать свой аттестат.

– Молодец, тысяча девятнадцатый, вот твой аттестат! – поздравил его Скелет.

Весь день Мевлют то и дело вытаскивал аттестат из сумки – посмотреть, а вечером показал его отцу.

– Теперь ты можешь стать полицейским или охранником, – сказал отец.

До конца своей жизни Мевлют вспоминал школьные годы с тоской. В школе он узнал, что быть турком – лучше всего на свете, а жизнь в городе гораздо интереснее, чем в деревне. Иногда он вспоминал, как после всех драк и ссор они всем классом пели песни и как на лице самых отъявленных хулиганов появлялось в этот момент нежное и наивное выражение, как у ангелов, и улыбался.

7. Кинотеатр «Эльязар»

Вопрос жизни или смерти

Однажды воскресным утром в ноябре 1972 года, когда отец с сыном шли по своему обычному маршруту, по которому всегда разносили йогурт, Мевлют понял, что больше они с отцом вместе торговать на улице не будут никогда. Фирмы – производители йогурта, производство которого все возрастало, теперь подвозили бидоны с йогуртом на пикапах прямо на Таксим или в Шишли, то есть чуть не к разносчикам домой. Теперь задача разносчика йогурта заключалась не в том, чтобы взять в Эминёню пятьдесят или шестьдесят литров йогурта и дотащить бидоны на плечах в Бейоглу или Шишли, а в том, чтобы забрать йогурт из пикапа и быстро разнести продукт по домам покупателей. Отец с сыном думали, что, если они сменят маршрут, заработок их увеличится.

Все эти перемены подарили Мевлюту чувство свободы, но вскоре он понял, что обманывается. У него уходило гораздо больше времени, чем раньше, на то, чтобы договариваться с теми, кому он отдавал на хранение свои бидоны с йогуртом и бузой, – с владельцами столовых, привередливыми домохозяйками и привратниками. В школу из-за этого он ходил реже.

Он начал чувствовать себя важным человеком и когда при отце вел тетрадь, и когда с удовольствием торговался, опуская гири на весы. Их соседи-братья из деревни Имренлер, оборотистые и сильные, которых весь квартал прозвал «бетонщиками», потихоньку начали прибирать к рукам все столовые и буфеты в окрестностях Бейоглу и Таксима. На улицах Ферикёя и Харбийе Мевлют старался снизить цену, чтобы не потерять прежних клиентов, и заводил новых друзей. Один его знакомый паренек из Эрзинджана, которого он знал по Дуттепе и школе, устроился на работу в одной котлетной, где продавали много айрана, в районе Пангалты, а Ферхат был прекрасно знаком с курдами-алевитами из Кахраманмараша, владельцами бакалей по соседству. Теперь Мевлют чувствовал, что он повзрослел в этом городе.

В школе его «повысили», допустив в подвальную уборную, где собирались школьные курильщики, и, чтобы закрепиться, он стал носить туда сигареты «Бафра». Все знали, что Мевлют зарабатывает, а курить начал недавно, поэтому от него ждали, что он будет даром раздавать сигареты дармоедам. Мевлют пришел к выводу, что в средней школе он слишком восторженно относился к сообществу из уборной, состоявшему из вралей, у которых не было никаких дел, кроме как ходить в школу, и которые, несмотря на это, все равно каждый раз оставались на второй год, нигде не работали и занимались только сплетнями.

Деньги, которые Мевлют зарабатывал торговлей, раньше он отдавал без остатка отцу. Но теперь тайно тратил часть их на сигареты, кино, спортлото и Национальную лотерею.

Здание кинотеатра «Эльязар» было построено на одной из больших улиц между Галатасараем и Тюнелем для армянского театрального сообщества в атмосфере свободы, царившей после свержения в 1909 году Абдул-Хамида²⁵ (первое название кинотеатра было «Одеон»). Туда в основном ходили стамбульские греки и турецкие семьи высшего сословия. В последние два года «Эльязар» прослыл известным местом, где показывали эротические фильмы. Мевлют садился в темноте на самое дальнее кресло, стараясь не попасться на глаза безработным из нижних кварталов, старикам, печальным одиночкам и неприкаянным вдовцам, стыдясь самого себя (в зале был странный запах смеси несвежего дыхания и эвкалипта), и, пытаясь понять тему очередного пустого фильма, весь сжимался.

В «Эльязаре» не показывали первых турецких эротических фильмов, в которых турецкие актеры снимались в трусах. Фильмы были западными. Мевлюту не нравилось, что, например,

²⁵ Абдул-Хамид II (1842–1918) – османский султан в 1876–1909 гг.

в итальянских фильмах из-за турецкого дубляжа помешанная на сексе женщина кажется наивной и глупенькой. Немецкие фильмы вызывали в нем чувство неловкости, потому что сексуальные сцены, которые он ожидал со всей серьезностью, проходили под постоянные шутки героев, словно бы они занимались чем-то смешным. Во французских фильмах его изумляли, даже отпугивали женщины, которые сразу же, не ломаясь долго, ложились в постель. Так как все эти женщины и овладевавшие ими мужчины озвучивались одними и теми же турецкими головами, Мевлюту казалось, что он смотрит один и тот же фильм. Сцены, ради которых зрители приходили в кино, всегда наступали слишком поздно. Так Мевлют в пятнадцать лет понял, что любовные отношения – это чудо, которое происходит, когда долго-долго ждешь.

Толпа мужчин постоянно курила перед входом в ожидании любовных сцен. Когда самая важная сцена фильма приближалась, контролеры кричали: «Начинается!»

Мужчины с шумом входили в зал, а затем сидели затаив дыхание. Мевлют чувствовал, что сердце его начинает биться быстрее, слегка кружится голова, что он быстро потеет, и пытался держать себя в руках. Он никогда не позволял себе такую слабость, как онанизм. Поговаривали, что на тех, кто во время фильма расстегивал штаны и вытаскивал свой причиндал, в темноте нападали пожилые педерасты, которые приходили в такие кинотеатры только ради подобной цели. К нему тоже подсаживались какие-то дядюшки со словами: «Сынок, сколько тебе лет?» или «Да ты еще совсем мальчик», но Мевлют делал вид, что он глухой и их не слышит. Мевлюту бывало трудно уйти из кинотеатра, потому что в «Эльязаре», купив билет, можно было сидеть целый день и много раз подряд смотреть два крутившихся без остановки фильма.

Ферхат. Весной, когда открылись луна-парки и казино на открытом воздухе, а чайные, детские площадки, мосты, набережные на Босфоре заполнились людьми, Мевлют начал по выходным торговать со мной «Кысметом». Этим делом мы занимались два года со всей серьезностью и заработали немало денег. Мы вместе ходили в Махмут-Паша, чтобы купить готовые коробки, не успевали спуститься вниз, как начинали продавать игру детям, которые шли вместе с родителями, отправившимися за покупками; и иногда не успевали мы пройти Египетский базар, площадь Эминёню, перейти Галатский мост и оказаться в Каракёе, как с радостью замечали, что почти половина карточек в наших коробках стерта.

Мевлют научился узнавать клиента издали, осторожно, с улыбкой подходил к нему и всякий раз начинал беседу с какого-нибудь неожиданного предложения. «А ты знаешь, почему ты должен испытать судьбу? Потому что у тебя носки одного цвета с нашей расческой, которую ты можешь выиграть», – говорил он какому-нибудь растерянному мальчишке, который понятия не имел, какого цвета на нем носки. «Смотри, у Ферхата в картонке было двадцать семь зеркал, а у меня как раз осталось двадцать семь нестертых карточек», – заговаривал он с каким-нибудь заумным мальчуганом в очках, который только спрашивал о правилах, не решаясь играть. В некоторые весенние дни мы так много всего продавали на пристанях и пароходах, что карточки в наших коробках кончались, и нам нужно было возвращаться на Кюльтепе. В 1973 году открылся мост через Босфор: очень успешно поторговав там три солнечных дня подряд, на четвертый мы туда не попали – продавцам вход был заказан. Нас очень часто прогоняли – например, со дворов мечетей, где бородатые улемы говорили нам: «Это не игра на удачу, это карты»; из кинотеатров, где нам твердили: «Вы еще маленькие», хотя на самом деле мы, купив билеты, могли спокойно смотреть в этих кинотеатрах неприличные фильмы; из пивных и казино, где нам указывали: «Торговцам вход воспрещен».

Когда на сей раз в начале июня роздали дневники, Мевлют вновь увидел, что провалил курс. В разделе «Оценки» было написано: «Полностью провалил курс за год». Мевлют перечитал это предложение десять раз. Кара была справедливой. Он редко появлялся на уроках, пропустил много экзаменов, он даже пренебрег всегдашней привычкой давить на жалость учителям, что он «сын бедного разносчика йогурта и вынужден зарабатывать на пропитание», чтобы они ставили тройки. По трем предметам у него стояло «неудовлетворительно», и теперь даже занятия летом были совершенно бесполезны. Мевлюту было грустно – ведь Ферхат перешел в следующий класс, даже не попав на пересдачу, – но потом двоечник размышлял, сколько всякой всячины он сделает, если останется на лето в Стамбуле, так что грусть сама собой прошла. Услышав новость, отец лишь спросил: «А ведь ты еще и куришь?»

– Нет, отец, не курю, – отвечал Мевлют, сжимая в кармане пачку «Бафры».

– Ах ты, негодник такой! Ты еще и отцу собственному врешь! – взорвался Мустафа-эфенди.

– Нет, отец, я не вру!

– Накажи тебя Аллах! – взревел отец и отвесил Мевлюту хорошую оплеуху. Затем ушел, хлопнув дверью.

Мевлют бросился на кровать.

На душе у него было так тяжело, что он долгое время не мог подняться. Обида породила в его сердце такой гнев, что он сразу же понял: летом в деревню может и не поехать. А еще он понял, что намерен управлять собственной жизнью только сам. Однажды он совершит что-нибудь великое, и отец и все поймут, что Мевлют – совершенно особенный человек, а не такой, каким они его себе представляли.

В начале июля отец засобирался в деревню, и тогда Мевлют сказал, что не хочет терять постоянных клиентов в Пангалты и Ферикье. Он продолжал отдавать большую часть заработанного отцу. Мустафа-эфенди говорил, что откладывает эти деньги, чтобы в деревне построить на них новый дом. Прежде, отдавая отцу деньги, Мевлют рассказывал, как и где он их заработал. Но теперь он больше не отчитывался. Да и отец больше не твердил, что эти деньги – на новый дом в деревне. Впрочем, Мевлют не собирался возвращаться, он решил провести всю оставшуюся жизнь в Стамбуле, как Коркут с Сулейманом. В минуты одиночества и душевной слабости он винил отца, который не смог толком заработать денег в городе и так и не сумел отказаться от мысли вернуться в деревню. Интересно, а об этих мыслях отец догадывался?

Лето 1973 года стало самым счастливым летом в жизни Мевлута. Они с Ферхатом заработали очень приличные деньги, продавая после обеда и по вечерам игру «Кысмет» на стамбульских улочках. На часть заработанных денег Мевлют купил у одного ювелира в Харбийе, к которому отвел его Ферхат, сто немецких марок и спрятал их в своем матрасе. Он впервые в жизни прятал деньги от отца.

Часто бывало, что по утрам он не уходил из дома на Кюльтепе, в котором он теперь был совершенно один, и тратил время на то, что занимался рукоблудством, всякий раз убеждая себя, что этот раз – последний. Его тяготило чувство вины, что он развлекается сам с собой, но это чувство не переросло в боль либо в чувство неполноценности из-за того, что у него нет

девушки или жены. Ведь никто же не станет презирать шестнадцатилетнего лицеиста за то, что у него нет возлюбленной, с которой можно заняться любовью? К тому же, даже если бы его сейчас и женили, Мевлют толком не знал, что нужно делать с девушкой.

Сулейман. Однажды жарким летним днем, в начале июля, решил я навеститься к Мевлюту. Я долго стучал в дверь, но никто не открывал! Я обошел дом, постучался в окна. Даже подобрал камешек и бросил в окно. Видно было, что за огородом давно никто не ухаживал, дом тоже казался заброшенным.

Наконец дверь открылась. «Что с тобой? Что случилось? Почему не открываешь?»

– Я спал! – ответил Мевлют.

Выглядел он усталым и измученным и не походил на только что проснувшегося человека.

Я решил, что он не один; меня охватила странная зависть. Я вошел. В единственной комнате дома давно не проветривали, пахло потом. Какая она маленькая... Тот же стол, та же кровать...

– Мевлют, отец говорит, чтобы ты пришел к нам в лавку, – сказал я. – Есть одно дело.

– Что еще за дело?

– Да легкое, не волнуйся. Ну же, пойдем.

Но Мевлют не двигался с места. Может, он ушел в себя с расстройства, что остался на второй год? Поняв, что идти он не собирается, я обиделся на него.

– Слишком часто не дрои, а то зрение испортишь, память ослабнет, ты понял? – сказал я.

Мевлют, судя по всему, обиделся и на Дуттепе долгое время не появлялся. Наконец мать стала настойчиво просить, чтобы я разыскал его и привел. В лице ее имени Ататюрка чертовы псы, что сидят за последней партой, обычно дразнили и пугали младших: «Ой, смотри, а чего это у тебя синяки под глазами? А руки чего дрожат? Ой, и прыщи у тебя почти исчезли, машаллах! Ты что, ручонками баловался? Ах ты, безбожник!» – а могли даже и врезать. Интересно, знал ли Мевлют о том, что некоторые рабочие в общежитиях для холостяков на Дуттепе, куда Хаджи Хамит Вурал селил своих людей, до того увлекались этим делом, что не могли заниматься работой и вынуждены были уехать в деревню из-за того, что теряли силы? Разве его друг Ферхат не говорил ему, что самоудовлетворение запрещено даже у алевитов?²⁶ Да и для тех, кто состоит в маликитском мазхабе²⁷, подобное не допускается ни при каком условии... У нас, ханафитов²⁸, этим можно заниматься лишь в случае опасности впасть в *зину*, в великий грех прелюбодеяния... Ведь ислам – религия терпимости и логики, а не религия кары. В нашей религии даже дозволено есть свинину, если есть опасность умереть с голоду. Если самоудовлетворение совершается только ради удовольствия, то шариатом это не допускается. Но об этом я Мевлюту не говорил никогда, потому что, уверен, он бы посмеялся надо мной, сказав: «А как можно этим заниматься без удовольствия, а, Сулейман?» – и впал бы в еще больший грех. Как вы считаете, может ли такой человек, как Мевлют, которого легко сбить с истинного пути, добиться успеха в Стамбуле?

²⁶ *Алевиты* – субэтническая, религиозная и культурная община в Турции, Болгарии и Албании, представители которой причисляют себя к исламу, хотя обрядовость и воззрения довольно далеки от исламской традиции: например, мужчины и женщины молятся вместе. Считается, что название общины произошло от имени зятя Пророка Мухаммеда, Али.

²⁷ *Маликитский мазхаб* – мазхаб, школа шариатского права в суннитском исламе; суннитский мазхаб, названный по имени создателя Малика ибн Анаса; считается, что наиболее популярен на западе мусульманского мира.

²⁸ *Ханафиты* (Ханафитский мазхаб) – школа шариатского права в суннитском исламе, названная по имени основателя Абу Ханифы и довольно распространенная в Турции.

8. Высота мечети Дуттепе

Неужели там живут люди?

Мевлют чувствовал себя на улицах за продажей «Кысмета» гораздо лучше, чем дома у Акташей рядом с Сулейманом. Вот Ферхату он мог сказать все, что только приходило ему на ум. Летними вечерами, ужиная у Акташей, к которым Мевлют ходил только потому, что боялся одиночества, он сидел не раскрывая рта, так как знал, что каждое его слово вызовет унижительные подколки со стороны Сулеймана или Коркута. «Ах вы, шакалы такие, оставьте в покое моего дорогого Мевлюта!» – часто говорила тетя Сафийе. Мевлют понимал – если он собирается задержаться в городе, то ему нужно сохранять хорошие отношения с дядей Хасаном, Сулейманом и Коркутом. Четырехлетняя жизнь в Стамбуле породила у Мевлюта мечту создать собственное дело, не доверяясь родственникам. Он собрался начать бизнес с Ферхатом. Однажды оба паренька отправились на ипподром Вели-эфенди, и там любопытные до скачек азартные мужчины смели все призы в их игре за два часа. Так им пришлось в голову ходить на футбольные стадионы, на церемонии открытия футбольных сезонов, на летние турниры, на баскетбольные матчи во Дворце спорта и искусств. Они мечтали о совместном деле, которое они создадут в будущем на деньги, заработанные этой новой идеей. Любимой их мечтой была мечта о собственной столовой или, по крайней мере, буфете, который они вместе когда-нибудь откроют в Бейоглу. Когда Мевлюта озаряла очередная новая идея насчет заработка, Ферхат всегда говорил: «А в тебе сидит настоящий капиталист!» Мевлют не считал, что это хорошо, но все равно гордился.

Летом 1973 года на Дуттепе открылся второй летний кинотеатр. Фильмы показывали на боковой стене старой двухэтажной лачуги. Мевлют иногда ходил туда по вечерам со своей игрой и в один прекрасный день увидел там Сулеймана и Коркута. Его двоюродные братья искали способ проникнуть внутрь без билета. А Мевлют купил билет и прошел внутрь со своей игрой – и фильм с Тюркян Шорай посмотрел, и хорошо заработал. Но затем ему там разонравилось. Ведь там его все знали.

В ноябре он перестал бывать и на Дуттепе. После того как открыли тамошнюю мечеть и расстелили на ее полу ковры фабричного производства, старики начали ругать Мевлюта за то, что он торгует картами. Все пенсионеры с Дуттепе и Кюльтепе, помешанные на намазе, выходили из своих домов и с воодушевлением отправлялись в новую мечеть. А уж пятничный намаз совершался при большом стечении правоверного люда.

В начале 1974 года на Курбан-байрам мечеть Дуттепе открыли официально. В тот день Мевлют встал с отцом рано утром. Накануне они вымылись, приготовили чистую одежду, а Мевлют отгладил белую школьную рубашку. За полчаса до открытия прилегающая площадь заполнилась толпой из тысяч мужчин, пришедших с соседних холмов, так что Мевлют с отцом еле попали внутрь. Все же им удалось занять место в самых первых рядах, потому что отец, который непременно хотел стать свидетелем этого исторического дня, расталкивая всех локтями, прокладывал в толпе путь, приговаривая: «Простите, земляки... простите, братцы... тут человек с речью должен выступить».

Мустафа-эфенди. Когда мы совершали намаз в одном из передних рядов, то увидели, что на два ряда впереди нас молится строитель мечети Хаджи Хамит Вурал. Тем утром я поблагодарил этого человека, люди которого, привезенные им из деревни, занимались всевозможным разбоем и грабежом, но я пожелал, чтобы Аллах благословил его. Гомон толпы, заполнившей мечеть, воодушевленный шепот собравшихся на мгновение сделали меня счастливым. Мне стало так хорошо оттого, что мы все вместе с общим воодушевлением молились, оттого, что меня окружало целое войско безмолвных и степенных мусульман, что мне пока-

залось, будто бы я читаю слова Священного Корана уже долгие недели. Смирненно на разные лады повторял я: «Аллах акбар!» Когда ходжа-эфенди, произнося хутбу²⁹, сказал: «Аллах Всемогущий, храни этот народ, эту общину, всех, кто занят сейчас вместо нас трудом, невзирая ни на холод, ни на время!» – я очень расчувствовался. Ходжа говорил: «Храни Аллах всех, кто ради куска хлеба прибыл сюда из дальних деревень нашей Анатолии и зарабатывает торговлей, благослови их работу, прости им их грехи!» Слезы наворачивались мне на глаза. А проповедник продолжал: «Аллах Всемогущий, даруй нашему государству мощь, нашему войску – силу, а нашей полиции – терпение». Когда хутба закончилась и вся община, собравшаяся на молитву, начала друг друга поздравлять, я бросил в коробку для пожертвований обществу по строительству мечети десять лир. Потом взял Мевлюта за руку, подвел его к Хаджи Хамиту Вуралу, чтобы он поцеловал ему руку. В очереди к нему уже стояли Коркут и Сулейман вместе с их отцом Хасаном. Сначала Мевлют расцеловался с двоюродными братьями, затем поцеловал руку дяде Хасану и получил от него пятьдесят лир в подарок. А вокруг Хаджи Хамита Вурала собралось такое количество его людей, желающих поцеловать ему руку, что до нас очередь дошла только через полчаса. Так что невестке моей Сафийе пришлось долго дожидаться нас дома, на Дуттепе, с ее пирожками. Дома у них нас ждал прекрасный праздничный ужин. В какой-то момент я не сдержался и сказал, что на этот дом имею право не только я, но и Мевлют, но Хасан сделал вид, что ничего не слышит. Дети решили, что их отцы вновь начнут ссору из-за имущества, и скрылись во дворе. Но мы в тот праздник решили не ссориться.

Хаджи Хамит Вурал. В конце концов мечетью все остались довольны. Сколько в тот день ни было на Дуттепе и Кюльтепе странных да неприкаянных (вот только еще алевитов не хватало) – все в тот благословенный день, отстояв в очереди, поцеловали мне руку. Каждому из них я в тот день вручил по новенькой хрустящей столировой купюре, деньги мы сняли ради праздника в банке. Со слезами благодарности на глазах молился я Всемогущему Аллаху за то, что Он явил мне этот день. Мой покойный отец в 1930-х годах ездил по горам Ризе из деревни в деревню на ишаке, торговал мелочью, торговал тем, что покупал в городе. А я уже должен был наследовать делу отца, как вдруг разразилась Вторая мировая война и меня забрали в армию. Отправили меня в Чанаккале. В войну наши так и не вступили, но зато мы четыре года просто-яли на Босфоре, сохраняя выжидательную позицию. Наш капитан-интендант, родом из Самсуна, часто говаривал: «Хамит, ты такой умный, не возвращайся к себе в деревню, зачем она тебе? Поезжай в Стамбул, там я найду тебе дело». Да будет мир праху покойного! После войны с его помощью я поступил подмастерьем к одному бакалейщику в Ферикее, а тогда не было ни подмастерьев, ни доставки по домам. Работа моя состояла в том, чтобы вынуть хлеб из печи да на ишаке развезти его в большой корзине-кюфе. Потом я увидел, что такая работа по мне, и открыл бакалею неподалеку от начальной школы Пияле-Паша в районе Касым-Паша, а между делом взял несколько пустых и дешевых участков, что-то на них построил и выгодно продал. В Кыйтхане я открыл маленькую пекарню. В те годы в городе было полно работников, но все они были страшно неотесанными. Да и как можно верить деревенщине?

Что касается людей из нашей деревни – я начал со своих родственников. В те времена на Дуттепе стояли пустые бараки, и приехавших парней – все они стремились с почтением поцеловать мне руку – мы селили туда, потом занимали новые участки, и, хвала Аллаху, дела шли хорошо. Столько бессемейных мужчин – такие, если будут всем довольны, работать будут хорошо, будут Аллаху за все благодарить! Когда я впервые поехал в хадж, я возносил молитвы Аллаху и посланнику Его и много думал обо всем этом. Часть денег, что удалось заработать на пекарне и стройках, я откладывал, покупал железо и цемент, потом мы отправились к мухтару просить участок, ходили мы и к нашим богатеям денег просить. Одни, помогай им Аллах,

²⁹ *Хутба* – пятничная проповедь в мечети.

раскошелились, а другие только спросили, неужели на Дуттепе живут люди. И тогда я сказал себе, что построю на Дуттепе такую мечеть, что ее будет видно из особняка мухтара Нишанташи, со всех высоких жилых домов богатеев на Таксима, и каждый поймет, живет ли кто на холмах.

Когда фундамент мечети был заложен и кое-как возведены стены, я каждую пятницу стоял на воротах с коробкой и собирал деньги. Бедняки отвечали – пусть богатеи платят, богатые говорили – он сам у себя цемент покупает, и не давали ничего. А я платил за стройку из своего кармана. Если где-то на какой-то стройке кто-то из рабочих сидел без дела, если где-то оставался какой-то материал, хоть кусок железа, – я все отправлял в мечеть. Завистники говорили: «Ай, Хаджи Хамит, купол у тебя слишком велик, слишком нескромно вышло, вот будут ставить доски в его сердцевину, обрушит Аллах его тебе на голову, тогда ты поймешь, что нельзя так гордиться!» Когда ставили доски, я стоял под самым куполом. Он не обрушился. Я благодарил Аллаха. Я поднялся на купол и рыдал. Потом у меня закружилась голова. Я представил себя муравьем на футбольном мяче – так бывает, когда разглядишь обод на вершине купола, а затем – весь мир у его подножия. Смутяны-безбожники из города раньше спрашивали: «И где же твой купол? Чего это мы его не видим?» Прошло три года. И теперь они говорили: «Ты что, падишах, строишь минареты с тремя балконами?»³⁰ По узкой лестнице минарета мы с нашим мастером поднимались все выше и выше, на самом верху у меня вновь закружилась голова, а в глазах потемнело. Мне говорили: «Ведь Дуттепе настоящая деревня! Разве бывают в деревне мечети с двумя минаретами по три балкона?»

«Если Дуттепе деревня, то пусть мечеть Хаджи Хамита Вурала на Дуттепе будет самой большой деревенской мечетью Турции», – отвечал я. А они мне ничего не отвечали. Снова прошел год, и на этот раз мне сказали: «Дуттепе уже не деревня, а Стамбул. Мы сделали вам муниципалитет. Так что теперь уступите игру нам». А перед выборами все они пришли, пили мой кофе и стали выклянчивать голоса, приговаривая: «Мечеть, машаллах, вышла красивая! Хаджи Хамит, скажи своим людям, пусть голосуют за нас». А я им ответил: «Да, все они мои люди. Поэтому вам они не поверят, а голоса отдадут за того, за кого скажу я».

³⁰ *Минареты с тремя балконами* – на минарете количество балконов (шерефе), откуда муэдзин читает призыв к молитве, четко регламентировано; обычно оно указывает статус человека, средствами которого построена мечеть. Например, в Османской империи только члены султанской семьи имели право возводить мечети с числом минаретов от четырех до шести и с несколькими балконами; число балкончиков-шерефе также было символическим.

9. Нериман

То, что делает город – городом

Как-то раз под вечер в марте 1974 года Мевлют, оставив свой шест для разноски йогурта под лестницей у одного приятеля, уже направился было из Пангалты и Шишли, как вдруг перед кинотеатром «Сите» он внезапно столкнулся с женщиной, лицо которой ему показалось знакомым. Не соображая, что делает, он развернулся и пошел следом за ней. Мевлют знал, что некоторые его одноклассники и даже взрослые мужчины с Дуттепе любят такое развлечение – преследовать какую-нибудь незнакомку с улицы. Они с радостью потом об этом рассказывали, но Мевлют не одобрял их откровений, которые считал грязными, а некоторые рассказы так и вовсе не принимал всерьез. Но сейчас он сам спешил за женщиной.

Женщина вошла в жилой дом на окраине района Османбей. Мевлют вспомнил, что в этот дом он несколько раз приносил йогурт. Наверняка тогда-то он и увидел ее. В том доме постоянных клиентов у него не было. Он не попытался выяснить, на каком этаже, в какой квартире живет женщина. Но вскоре при первой же возможности вновь пошел туда же, где ее встретил. И в третий раз появился там... И в четвертый... Как-то после полудня, когда йогурта у него осталось совсем мало, он увидел ее издалека и на этот раз пошел за ней прямо с шестом на плечах, а в Эльмадаге увидел, что она зашла в представительство «Британских авиалиний».

Оказалось, она работала там. Мевлют для себя назвал ее Нериман. Как-то раз по телевизору показывали историю другой Нериман – благородной и храброй, – которая пожертвовала жизнью ради чести.

Конечно, Нериман не была англичанкой. Но она продавала билеты на «Британские авиалинии» турецким клиентам. Иногда она сидела на первом этаже представительства и продавала билеты посетителям. Мевлюту нравилось, как серьезно относится она к своей работе. Иногда ее не было видно. Если Мевлюту не удавалось ее повидать, он огорчался. Ему казалось, будто его и Нериман объединяет какая-то общая тайна, общий грех. Он быстро заметил, что чувство вины привязало его к ней.

Нериман была довольно высокого роста. Мевлют мог сразу издалека узнать в толпе ее каштановые волосы. Ходила она не очень быстро, но движения ее были порывистыми и решительными, как у лицеистки. Мевлют предполагал, что она лет на десять старше его. Он пытался догадаться, какие мысли бродят у нее в голове. Сейчас она свернет направо, думал он, и она в самом деле поворачивала направо и входила в свой дом на окраине района Османбей. Странную силу давало Мевлюту знание о том, где находится ее дом, кем она работает. Однажды он увидел, как в одном буфете она покупала зажигалку (значит, она курила!). Свои черные туфли она надевала не каждый день – видно, берегла их – и замедляла шаги всякий раз, когда проходила мимо кинотеатра «Ас», чтобы посмотреть на плакаты и фотографии актеров.

Три месяца спустя после того, как он впервые ее встретил, ему захотелось, чтобы Нериман узнала, что он ходит за ней. Конечно, если бы кто-то у них в деревне начал преследовать его старших сестер, как он – Нериман, Мевлют бы давно отлупил подлеца.

Но Стамбул деревней не был.

Итак, Нериман шагала в толпе, Мевлют убыстрял шаг, расстояние между ними уменьшалось, и Мевлюту это нравилось.

Иногда он представлял, как кто-то пристаёт к ней, или вор пытается выхватить ее темно-синюю сумочку, или она роняет платок, – и тогда он немедленно прибежит на помощь, спасет Нериман, поднимет оброненный платок. Нериман будет его благодарить, а прохожие, собравшиеся вокруг, скажут, что этот молодой человек – настоящий эфенди, и только тогда Нериман заметит его интерес к ней.

Однажды один из уличных торговцев американскими сигаретами (почти все эти парни были из Аданы) слишком настойчиво предлагал ей свой товар. Нериман обернулась и что-то сказала ему. («Оставь меня в покое!» – представил Мевлют.) Однако назойливый парень не отставал. Мевлют тут же ускорил шаг. Внезапно Нериман обернулась, стремительно сунула парню купюру, схватила пачку «Мальборо» и тут же бросила ее себе в карман пальто.

А Мевлют представил, как он подходит к этому парню и говорит ему: «В следующий раз повежливее, хорошо?» – и дает ему понять, что он защитник Нериман. Правда, ему не понравилось, что Нериман покупает на улице контрабандные сигареты.

В начале лета, когда Мевлют окончил первый класс лицея и, как всегда, продолжал ходить за Нериман, произошел один случай, который он не мог забыть долгие месяцы. Дело было в районе Османбей. Началось с того, что двое каких-то мужчин сказали что-то явно скабрезное Нериман на улице. Она сделала вид, что не слышит их, и пошла дальше, а они отправились следом за ней. Мевлют кинулся бегом за ними, как вдруг... Нериман остановилась, повернулась к этим двум мужчинам, улыбнулась обоим – оказалось, она их знает, – а затем принялась болтать с ними, размахивая руками, словно рада была встретить старых друзей. Когда они расстались, те двое прошли мимо Мевлюта, смеясь и разговаривая, а Мевлют попытался понять, о чем они говорят, но ни одного слова о Нериман он не услышал. Он лишь слышал что-то вроде: «Во второй части будет сложнее», но не был уверен, что расслышал правильно, да и не был уверен, что эти слова относятся к Нериман. Кем были эти двое? Когда они проходили мимо него, ему вдруг захотелось сказать: «Господа, я знаю эту женщину лучше вас».

Иногда он подолгу не видел Нериман и тогда обижался на нее. Несколько раз после работы, когда у него на плечах уже не было шеста, он находил похожих на Нериман женщин и провожал их до дому. Однажды он даже доехал на автобусе с остановки «Омар Хайям» до Лалели. Ему нравилось, что новые женщины ведут его в совершенно иные, незнакомые ему районы Стамбула. Но чувства привязанности они не вызывали. Признаться, все его фантазии не сильно отличались от фантазий его одноклассников и безработных шалопаев из его собственного квартала, тоже подобным образом бегающих за женщинами. Но Мевлют никогда не думал о Нериман, когда развлекался сам с собой.

В тот год он редко ходил в школу. Правда, преподаватели никогда не ставили плохие отметки ученику, оставшемуся на второй год, если, конечно, он не хулиганил в классе и не злил их, ведь второй раз на второй год оставить не могли и такого ученика из школы отчисляли. Мевлют очень надеялся на это негласное правило и договаривался, чтобы его имя не вписывали в список отсутствующих, а уроками не занимался вообще. В конце года они с Ферхатом успешно перешли в следующий класс и летом решили снова торговать «Кысметом». Потом отец, как обычно, уехал в деревню, а Мевлют принялся наслаждаться своим одиночеством. К тому же и дела у них с Ферхатом шли хорошо.

Однажды утром в дом постучался Сулейман, Мевлют на этот раз сразу открыл. «Началась война, братец, – сказал Сулейман, – мы напали на Кипр»³¹. Мевлют оделся и направился с ним на Дуттепе, к дяде. Все сидели у телевизора. По телевизору передавали военные марши, показывали военные самолеты и танки, а Коркут подскакивал и тут же называл: «Это „С – сто шестьдесят“, а это – „М – сорок семь“». Затем несколько раз показали выступление премьер-министра Бюлента Эджевита, который говорил: «Благослови Аллах нашу нацию, всех жителей Кипра и все человечество». Коркут, называвший Эджевита коммунистом, сказал, что прощает его. А когда на экране показывали президента Кипра архиепископа Макариоса³²

³¹ «Мы напали на Кипр» – здесь речь идет о вторжении турецких войск на Кипр, так называемой операции «Аттила», которая произошла в ночь с 20 на 21 июля 1974 г. как ответ Турции на межэтническую рознь между турками и греками; завершилась операция фактическим распадом Кипра на две части. Северная в 1983 г. объявила себя Турецкой Республикой Северного Кипра.

³² Архиепископ Макариос (1913–1977) – предстоятель Кипрской православной церкви, ставший первым президентом Рес-

или кого-то из греческих генералов, Коркут разражался ругательствами, и они всей семьей смеялись. Затем они спустились на автобусную остановку Дуттепе, зашли в кофейню. Повсюду было много счастливых взволнованных людей, которые тоже смотрели телевизор, где крутили те же записи с военными самолетами, танками, флагами, Ататюрком и генералами. Через равные промежутки времени по телевизору объявляли, что мужчины призывного возраста обязаны немедленно явиться в призывной пункт по месту жительства, а Коркут всякий раз повторял: «А я и сам пойти собирался».

В стране, как всегда, объявили осадное положение. В Стамбуле ввели обязательную светомаскировку. Мевлют вместе с Сулейманом помогали дяде Хасану закрыть все лампы в лавке, так как ночью их мог заметить квартальный сторож и назначить штраф. Из дешевой грубой синей бумаги они нарезали стаканчиков и аккуратно закрыли ими, словно шапочками, все лампочки. Они то и дело переговаривались: «Видно что-нибудь снаружи?», «Задержи занавески!» – или шутили: «Греческий самолет этого не заметит, а вот квартальный сторож – увидит!» Той ночью Мевлют почувствовал, что он – потомок тех самых тюрок, которые пришли из Средней Азии и о которых он читал в учебниках.

Но едва он вернулся на Кюльтепе и вошел в свой дом, настроение его изменилось. Он рассуждал: «Греция гораздо меньше Турции, поэтому она никогда не нападет на нас, а если нападет, никогда не будет бомбить Кюльтепе», а после этого задумался о своем месте в мире. Дома он тоже света не зажигал. Он не видел людей, которые жили на соседних холмах, но чувствовал их незримое присутствие во тьме. Холмы, еще полупустые пять лет назад, теперь покрылись домами, и даже на самых дальних холмах возвышались теперь столбы линий электропередачи и минареты мечетей. Тем вечером хорошо видны были звезды на небе, потому что все погрузилось во тьму. Он лег на землю рядом с домом и долго-долго смотрел на звезды, думая о Нериман. Интересно, сделала ли она дома светомаскировку, как Мевлют? Он чувствовал, что его ноги все чаще будут носить его по тем улицам, по которым ходит она.

10. Чем кончаются попытки повесить на стену мечети коммунистический плакат *Да хранит турок Всевышний!*

Соперничество Дуттепе и Кюльтепе принимало новые формы. Мевлют нередко становился свидетелем драк, заканчивавшихся кровью, но непохоже было, чтобы холмы разделяла кровавая междоусобица. Ведь у обитателей этих стоявших друг против друга холмов, на первый взгляд, не было глубоких противоречий, которые могли бы привести к такой войне, ибо:

- На обоих холмах первые лачуги гедже-конду из саманного кирпича, глины и жести были построены в середине 1950-х. В этих домах поселились нищие переселенцы из Анатолии.

- На обоих холмах половина мужчин по ночам спала в пижамах в синюю полоску (хотя ширина полосок всегда была разной), а представители другой половины всегда спали без пижам, в майках или футболках.

- Девяносто семь процентов женщин на обоих холмах выходили на улицу только с покрытой головой, как всегда делали в деревнях их матери. Все они были родом из деревни и сейчас только открывали для себя то, что в городе называлось улицей. Кроме того, они упрямо, даже летом, продолжали выходить на улицу в плащах темно-синего либо коричневого цвета.

- На обоих холмах обитатели лачуг воспринимали свое жилище не как постоянный дом, где им предстоит прожить до конца дней своих, а как временное пристанище, в котором они находятся, пока не разбогатеют и не вернутся в деревню или не переедут в один из многоквартирных жилых домов в городе.

- Обитателям Кюльтепе и Дуттепе обычно снилось одно и то же.

- Мальчикам: учительница начальной школы.

- Девочкам: Ататюрк.

- Взрослым мужчинам: Пророк Мухаммед.

- Взрослым женщинам: высокий блондин, европеец, звезда европейского кино.

- Пожилым мужчинам: ангел, который пьет молоко.

- Пожилым женщинам: молодой почтальон, который приносит добрую весть. Женщины гордились, если после такого сна в самом деле получали какое-то известие, понимали, что подобное бывает только с особенными людьми, и изредка рассказывали свои сны другим.

- На обоих холмах электричество появилось в 1966 году, водопровод – в 1970 году, а первая асфальтовая дорога – в 1973 году.

- В середине 1970-х и на Кюльтепе, и на Дуттепе в каждом втором доме имелся черно-белый телевизор, который показывал крайне нечетко (отцы и сыновья раз в два дня занимались настройкой антенн собственного производства), а те, у кого не было телевизора, на время важных передач, например футбольных матчей, конкурса Евровидения или турецкого фильма, всегда ходили в гости к тем, у кого телевизор был. На обоих холмах толпу гостей угощали чаем женщины.

- Хлеб обитатели обоих холмов покупали в пекарне Хаджи Хамита Вурала.

- Пять самых популярных продуктов на обоих холмах, по списку:

- 1) хлеб;

- 2) помидоры (летом и осенью);

- 3) картофель;

- 4) лук;

- 5) апельсины.

Правда, некоторые считали, что такая статистика неверна, как неверны меры в пекарнях Хаджи Хамита. Ведь все то важное, что определяет жизнь общества, составляется не из того общего, что объединяет людей, а из того, что их отличает. Такие различия за двадцать лет образовались и на обоих холмах:

– Самое видное место на Дуттепе занимала мечеть Хаджи Хамита Вурала. В жаркие летние дни сквозь ее высокие изящные окошки внутрь струился солнечный свет, а в самой мечети было хорошо и прохладно, так что хотелось поблагодарить Аллаха за то, что Он создал этот мир, и все мятежные мысли исчезали сами собой. А на Кюльтепе место, откуда открывался самый красивый вид, было занято огромным ржавым электрическим столбом и табличкой с изображением черепа.

– По официальной статистике, девяносто девять процентов обитателей холмов соблюдали пост в Рамазан. Однако на деле среди обитателей Кюльтепе пост в Рамазан соблюдало не более семидесяти процентов. И все потому, что на Кюльтепе жили алевиты, приехавшие туда из Бингёля, Дерсима, Сиваса и Эрзинджана в конце 1960-х годов. Алевиты Кюльтепе не ходили и в мечеть Дуттепе.

- Курдов на Кюльтепе было тоже намного больше, чем на Дуттепе.

- Перед въездом на Дуттепе была кофейня «Мемлекет», столики которой облюбовали молодые национал-идеалисты. Их идеалом было освобождение из рабства русских и китайских коммунистов тюрок Средней Азии (в Самарканде, Ташкенте, Бухаре, Синоцзяне). Ради этого они были готовы на все, даже на убийство.

- Перед въездом на Кюльтепе была кофейня «Йюрт», столики которой облюбовали молодые леваки-социалисты. Их идеалом было создание свободного общества, такого как в Советском Союзе или Китае. Ради этого они были готовы на все, даже на смерть.

С трудом, оставшись на второй год, Мевлют окончил второй класс лицея и после этого окончательно забросил учебу. Он не приходил в школу даже на экзамены. Отец знал об этом. Мевлют теперь даже не делал вида, что готовится к экзаменам.

Как-то вечером ему захотелось курить. Он тут же вышел из дому и отправился к Ферхату. Во дворе у Ферхата какой-то парень что-то, помешивая, лил в ведро. «Это щелочь, – сказал Ферхат. – Если кинуть в нее муки, она станет липкой. Мы идем клеить листовки. Ты тоже иди с нами, если хочешь». Он повернулся к парню и сказал: «Мевлют хороший, он наш. Али – Мевлют».

Мевлют пожал руку рослому Али. Али держал сигарету, это была «Бафра». Мевлют начал им помогать. Он верил, что занимается этим опасным делом потому, что оно благородно.

Они медленно прошли по темным переулкам, не попавшись никому на глаза. Завидев подходящее место, Ферхат сразу останавливался и, опустив ведро на землю, начинал намазывать щеткой клей на стену. В это же время Али выхватывал из-под мышки плакат и ловко, быстро прижимал его к стене. Пока Али приклеивал плакат, вода по нему руками, Ферхат несколько раз проходил кисточкой по его поверхности и особенно по углам.

Мевлют стоял на страже. В нижних кварталах Дуттепе они чуть было не напоролись на веселую семью из отца, матери и маленького сына, которая явно возвращалась из «телевизионных» гостей («Я не буду спать!» – повторял мальчик). Когда семейка прошла мимо, все трое с облегчением вздохнули.

Расклейка плакатов по ночам напоминала ночную торговлю. Нужно было выходить на улицу, приготовив дома волшебную смесь. Разница заключалась в том, что ночной торговец привлекает к себе внимание криками и звоночком, а тот, кто развешивает плакаты, должен соблюдать осторожность.

Они сделали крюк, чтобы обойти кофейню внизу холма, рынок и пекарню Хаджи Хамита. Когда они пришли на Дуттепе, Мевлют почувствовал себя партизаном, которому удалось про-

никнуть на вражескую территорию. Теперь на страже стоял Ферхат, а Мевлют нес ведро и мазал клеем стены. Пошел дождь, улицы опустели, и Мевлюту показалось, что пахнет странным запахом смерти.

Где-то вдалеке раздались звуки выстрелов, отозвавшиеся эхом между холмами. Троица остановилась, глядя друг на друга. Мевлют впервые внимательно прочитал, что написано на плакате, и задумался: **УБИЙЦАМ ХЮСЕЙНА АЛКАНА БУДЕТ ПРЕДЪЯВЛЕН СЧЕТ.** Под надписью красовался серп и молот, а еще – подобие красного знамени, декоративная красная лента. Мевлют понятия не имел, кто такой Хюсейн Алкан, но понимал, что он, вероятно, как и Ферхат с Али, алевит, что они хотят, чтобы их считали коммунистами, при этом Мевлют чувствовал легкую вину и в то же время превосходство за то, что сам не алевит.

Дождь пошел сильнее, и улицы совершенно опустели, даже собаки лаять перестали. Парни встали под карнизом, и тогда Ферхат шепотом рассказал: Хюсейн Алкан был убит идеалистами с Дуттепе две недели назад, когда возвращался из кофейни.

Они вошли на улицу, где жили дядя с братьями. Мгновение Мевлют смотрел на дом, в котором он бывал тысячи раз с момента приезда в Стамбул и в котором они с дядей, Коркутом, Сулейманом и тетей Сафией провели много счастливых часов, глазами яростного коммуниста, развешивавшего плакаты по ночам, и признал, как прав был в своей обиде отец. Акташи, дядя и братья, откровенно присвоили себе дом, который строили они всей семьей.

Вокруг никого не было. Мевлют взял кисть и на самом видном месте дома намазал побольше клея. Али наклеил даже два плаката. Дворовая собака узнала Мевлюта и поэтому не лаяла, а приветливо махала хвостиком. Они наклеили плакаты еще сзади и по бокам.

– Хватит, нас застукают, – прошептал Ферхат. Гнев Мевлюта напугал его.

Чувство свободы, которое возникает, когда делаешь что-то запретное, вскружило Мевлюту голову. Его поливало дождем, а он и не замечал, что щелочь клея жжет ему руки и у него горят кончики пальцев. Так добрались они до вершины холма, оставляя за собой плакаты на домах безлюдных улиц.

На стене мечети Хаджи Хамита Вурала, обращенной к площади, красовалось огромное объявление: «Клеить плакаты запрещено!» Поверх объявления было наклеено множество афиш и рекламных объявлений – здесь красовались и реклама стирального порошка, и плакаты от национал-идеалистов «Да хранит турок Всевышний!», и реклама курсов Корана. Мевлют с удовольствием вымазал все это клеем, и вскоре вся стена была заклеена только их афишами. Во дворе мечети никого не было, так что они наклеили афиш еще и на забор с внутренней стороны.

Раздался легкий шум. Кажется, от ветра хлопнула дверь, но им показалось, что лязгнул затвор ружья, и они побежали. Мевлют чувствовал, что облился клеем, но все равно продолжал бежать. С Дуттепе они убежали, но, так как им стало стыдно, что они испугались, они продолжили свою работу на соседних холмах, пока плакаты не закончились. На исходе ночи их руки покрылись ссадинами, волдырями и горели огнем.

Сулейман. Какой-то алевит подписал себе смертный приговор, приклеив на стену мечети коммунистическую афишу. Старший брат тоже так думает. Вообще-то, алевиты – тихие, работающие люди, от которых нет никому вреда. Правда, некоторые из них, любители приключений, хотят нас посорить – и все на деньги коммунистов. У этих марксистов-ленинистов на уме было только одно: заставить холостых земляков Вурала, которых он понапривозил из Ризе, качать права и устроить профсоюзы. Правда, одинокие мужчины из Ризе приезжают в Стамбул не глупостями заниматься, а деньги зарабатывать; им вовсе не хочется оказаться в трудовых лагерях Сибири или Маньчжурии. Поэтому бдительные выходцы из Ризе всякий раз отражают атаки алевитских коммунистов. А люди Вурала еще и донесли на коммунистов-алевитов с Кюльтепе в полицию. В кофейни пришли полицейские в штатском и сотрудники Управ-

ления безопасности, закурили сигареты (как и все государственные служащие, они курили «Новый урожай») и принялись смотреть телевизор. Надо сказать, что люди Вурала захватили на Дуттепе участки земли, которые много лет назад присвоили курды-алевиты. Алевиты утверждают, что те старые участки на Дуттепе, да и участки на Кюльтепе, где они построили домов, законно принадлежат им! Неужели?! Братец, если у тебя никаких документов на землю нет, то будет так, как решит мухтар. Ну а мухтар у нас тоже из Ризе, и звать его Рыза. Если б правда была на твоей стороне, тебя бы не мучила совесть, если бы тебя не мучила совесть, то ты бы не развешивал среди ночи на наших улицах коммунистические плакаты, не вешал бы безбожной бумаги на стену мечети!

Коркут. Двенадцать лет назад, когда я приехал из деревни к отцу, половина Дуттепе и почти все окрестные холмы были не застроены. В те времена все кому не лень, не только такие бездомные, как мы, кому в Стамбуле негде было голову склонить, но и те, у кого в самом центре города было много добра, принялись захватывать эти земли. Обеим фабрикам у главной дороги, ведущей к холмам, – одной по производству лекарств, другой – лампочек, да и новым цехам, постоянно открывавшимся вокруг, – требовались бесплатные участки для домов трудившихся за бесценок рабочим, которым нужно было где-то спать. И поэтому никто не издавал ни звука, когда каждый встречный-поперечный присваивал себе государственный участок. Так как новость об очередном захваченном участке разлеталась мгновенно, многие оборотистые люди, которые в городе служили в государственных учреждениях, работали учителями или даже были владельцами лавок, старались захватить на наших холмах по участку в надежде, что когда-нибудь это принесет деньги. А как ты объявишь участок своим, если у тебя нет на него документов? Или воспользуешься тем, что государство в упор ничего не видит, в одну ночь поставишь дом и начнешь жить в нем, или будешь охранять участок с оружием в руках. Или кому-нибудь денег заплатишь, чтобы он охранял твой участок. Но ведь и этого мало. С тем, кому ты заплатишь, нужно будет подружиться, делить с ним стол, чтобы он хорошенько охранял твоё имущество и чтобы в один прекрасный день, когда государство объявит амнистию и начнет выдавать документы, этот человек не сказал: «Господин инспектор, вообще-то, это мое, у меня и свидетели есть!» Так что это непростое дело до сих пор лучше всех удавалось нашему старосте Хаджи Хамиту Вуралу из Ризе. Ведь он не только кормил своих холостых работников, которых он привез из деревни и которым дал работу на стройках или в пекарнях (ведь на самом деле они сами пекли себе хлеб), но и заставлял их охранять свои участки, и это была настоящая армия. Хотя парней из Ризе не очень-то просто сразу научить стать настоящей армией. Чтобы научить деревенских ребят уму-разуму, мы их сразу бесплатно записали в наше общество при будущей мечети, а еще в салоне карате и тхэквондо в Алтайлы, чтобы они хорошенько выучили, что значит быть турком, что такое Средняя Азия, кто такой Брюс Ли и что такое темно-синий пояс. А чтобы эти ребята, которые выматываются в пекарнях и на стройках, не отправились после работы в дома свиданий к проституткам Бейоглу или не стали добычей ячеек русских коммунистов, мы отвели их в наше собственное общество в Меджидиекёе, где показываем им приличные семейные фильмы. Парней, глаза у которых начинались слезиться от взгляда на карту нынешней Средней Азии, я записывал в члены нашего общества. В результате наших стараний наша организация в Меджидиекёе и наши отряды и окрепли, и поумнели, и начали понемногу захватывать другие холмы. Коммунисты слишком поздно поняли, что на нашем холме они потеряли влияние. Первым это понял отец хитреца Ферхата, с которым так нравится дружить Мевлюту. Этот жадный, помешанный на деньгах человек, захватив здесь участок, тут же, чтобы закрепить его за собой, построил себе на нем дом и вместе со всей семьей переехал сюда из Каракёя. Потом он позвал сюда своих курдско-алевитских товарищей из Бингёля, чтобы сохранить за собой все участки, захваченные на Кюльтепе. Убитый Хюсейн Алкан был из их деревни, но кто его убил, я не знаю. Когда убивают какого-нибудь

коммуниста, который доставлял много проблем, его дружки сначала устраивают демонстрацию с лозунгами, развешивают плакаты, а после похорон громят все вокруг. Они вообще любят похороны, потому что на похоронах всласть удовлетворяют свою страсть что-нибудь покрушить. Потом, правда, они понимают, что приближается их очередь, и либо пускаются в бега, либо бросают свои коммунистические идеи.

Ферхат. Наш дорогой погибший друг, братец Хюсейн, был очень хорошим человеком. На Кюльтепе из деревни в один из наших домов его привез мой отец. Его убили среди ночи выстрелом в затылок, и уж точно это дело рук людей Вурала. А полиция во всем обвинила нас. Я-то знаю, что вураловские фашики скоро нападут на Кюльтепе и всех нас зачистят по одному, но никому об этом не говорю – ни Мевлюту (ведь он такой простофиля, пойдет и расскажет все людям Вурала), ни нашим. Половина леваков – алевитов – за Москву, вторая половина – за Мао, и из-за этого они постоянно грызутся, так что если я и этим скажу, что скоро они потеряют Кюльтепе, то пользы тоже не будет. По правде, я не верю ни в какие идеалы. Я собираюсь открыть свое дело и с головой окунуться в торговлю. А еще я очень хочу поступить в университет. Как и большинство алевитов, я левак, атеист и очень не люблю националистов и всяких там карателей. Когда кого-то из наших убивают, я иду на похороны, кричу лозунги, машу кулаками, хоть и знаю, что дело наше гиблое. Отец мой все понимает и иногда предлагает: «Не продать ли нам дом и не уехать ли с Кюльтепе?» – но сделать он этого не сможет, ведь это он всех сюда привез.

Коркут. Наш дом так был обклеен афишами, что я понял – сделала это не ячейка, а кто-то, кто нас знает. Два дня спустя к нам зашел дядя Мустафа и рассказал, что Мевлют по ночам где-то пропадает, а школу совсем забросил, и тогда я занервничал. Дядя Мустафа пытался расспросить Сулеймана, может, они вместе беспутничают. Но я-то чувствовал, что из-за этого пса по имени Ферхат наш Мевлют мог попасть на скользкую дорожку. А Сулейману я сказал, чтобы он через два дня позвал Мевлюта к нам на ужин отведать курицы.

Тетя Сафийе. Мальчики мои, особенно Сулейман, и дружить с Мевлютом хотят, и не обижать его не могут. Отец Мевлюта так и не накопил денег, и ни свой деревенский дом до ума не довел, ни тутошнюю их однокомнатную лачужку не достроил. Иногда я говорю себе, надо пойти на Кюльтепе, пусть женская рука коснется хоть раз этого хлева, в котором отец с сыном столько лет живут двумя холостяками, но всякий раз робею, боюсь, что сердце мое на части разорвется. После начальной школы мой птенчик Мевлют провел всю жизнь в Стамбуле, словно сиротка, когда отец его решил, что семья останется в деревне. Первые годы жизни в Стамбуле, соскучившись по матери, он часто приходил ко мне. Я обнимала его, целовала, гладила, говорила ему, какой он умный. Коркут с Сулейманом ревновали, но я не обращала на них внимания. А сейчас он все тот же – на лице такое же невинное, как у маленького, выражение, мне хочется обнять и расцеловать его, я знаю, ему тоже хочется, чтобы я его обняла, но теперь он здоровый как бык, весь в прыщах, а Коркута с Сулейманом стесняется. О школе я его теперь и не спрашиваю, потому что по нему видно – в голове у него полный беспорядок. Как только пришел он к нам в тот раз, я увела его на кухню и, пока Коркут с Сулейманом не видели, расцеловала. «Машаллах, теперь ты, сынок, вытянулся как жердь и сутулишься. Погоди, хватит стесняться, дай я на тебя посмотрю!» – сказала я. «Тетя, я сутулюсь не потому, что ростом высок, а потому, что шест тяжело носить. Вообще-то, я бросить это дело хочу...» – сказал он. За обедом он так набросился на курицу, что сердце мое обливалось кровью. Когда Коркут принялся рассказывать, что коммунисты заманивают на свою сторону наивных простаков лживыми речами и посулами, Мевлют молчал. На кухне я отчитала Коркута с Сулейманом: «Ах вы бессовестные, что ж вы его пугаете, бедного?»

– Мама, мы его подозреваем! Не вмешивайся! – ответил Коркут.

– Ну-ка, вон отсюда, нашли кого подозревать! В чем можно подозревать моего бедного Мевлютика?! Он никак не связан с врагами-безбожниками!

Я слышала, как, вернувшись к столу, Коркут произнес: «А Мевлют сегодня отправится вместе с нами писать обращения, чтобы доказать, что никак не связан с проклятыми коммунистами! Правда, Мевлют?»

Братья шли втроем, в руках у Мевлюта было огромное ведро, но в нем плескался не клей, а черная краска. Когда они приближались к очередному подходящему месту, Коркут, державший огромную кисть, принаровившись, принимался писать очередной лозунг. А Мевлют, держа ведро с краской, читал лозунги, которые Коркут выписывал на стенах. Больше всего ему нравился такой: «ДА ХРАНИТ ТУРОК ВСЕВЫШНИЙ!» Лозунг нравился потому, что напоминал Мевлюту то, что они учили в школе на уроках истории. Мевлют вспоминал тогда, что он – часть огромной мировой турецкой семьи. Другие лозунги были угрожающими. Когда Коркут выводил: «ДУТТЕПЕ СТАНЕТ КОММУНИСТУ МОГИЛОЙ», Мевлют чувствовал, что здесь говорится о Ферхате и его товарищах, и надеялся – авторы этих слов не пойдут дальше угроз.

По случайно брошенной фразе Сулеймана, который стоял на страже («Инструмент при мне!»), Мевлют понял – у двоюродных братцев есть оружие. Если на стене было достаточно места, Коркут перед словом КОММУНИСТ дописывал слово БЕЗБОЖНИК. Часто у него не получалось написать аккуратно и ровно, так что слова и буквы выходили маленькими и кривыми, а Мевлют задумывался об этом беспорядке. (Он почему-то верил, что у торговца, который пишет вкривь и вкось название своего товара на стекле своего автомобиля или на коробке из-под бубликов-симитов, нет никакого будущего.) Один раз он не выдержал и сделал Коркуту замечание, что тот написал слишком большую букву «К». «Ну тогда давай сам пиши». Коркут сунул в руки Мевлюту кисть. Двигаясь по улицам в ночной тьме, Мевлют несколько раз написал «ДА ХРАНИТ ТУРОК ВСЕВЫШНИЙ!» поверх объявлений суннетчи, надписей «Тот, кто мусорит, – осел» и афиш, которые четыре дня назад он расклеил вместе с коммунистами.

Они шли мимо лачуг гедже-конду, заборов и лавок, словно по темному и густому лесу. Той ночью на Дуттепе и других холмах Мевлют заметил многое. Квартальный источник был заклеен афишами и расписан лозунгами. Люди, которые сидели с сигаретой перед кофейней, оказались вооруженными охранниками. Мевлют думал о многом. Он думал и о том, что быть турком и чувствовать это, гораздо лучше, чем быть бедняком.

11. Война Кюльтепе и Дуттепе

Мы ни за кого

Однажды вечером в конце апреля к кофейне «Йюрт», что у въезда на Кюльтепе, подъехало такси, из которого по сидевшим перед телевизором и за картами посетителям открыли огонь. За пятьсот метров от этого места, в доме с другой стороны холма, Мевлют с отцом в редкой для них дружеской атмосфере черпали ложками чечевичный суп. Услышав выстрелы, они переглянулись и дождались, пока выстрелы не стихнут. Мевлют подошел было к окну, но отец воскликнул: «Отойди!» Через некоторое время выстрелы послышались на большем удалении, и они снова взялись за суп.

– Ты слышал? – спросил отец с видом всеведущего мудреца, словно бы это было доказательством его прежних слов.

Расстреляли две кофейни, на Кюльтепе и на Октепе, в которые ходили леваки и алевиты. На Кюльтепе погибли двое, а на Октепе один, ранено было около двадцати человек. На следующий день начались беспорядки, инициированные марксистскими группировками, которые называли себя вооруженными пионерами, и родственниками алевитов. Мевлют с Ферхатом тоже были в толпе. Они не сжимали в гневе кулаки, как остальные, не пели вместе со всеми революционные песни, так как не знали слов, но ярость душила их... Ни люди Вурала, ни полиция так и не появились. И поэтому не прошло и двух дней, как не только на Кюльтепе, но и на Дуттепе все стены и заборы покрылись марксистскими или маоистскими лозунгами. Среди лозунгов появились и новые, которые соответствовали моменту.

На третий день подъехали голубые автобусы, из которых вышли усатые полицейские с черными дубинками. Вместе с ними появилась и толпа журналистов с камерами, которых тут же начали дразнить мальчишки: «А ну, сними-ка и меня!» После того как похоронная процессия достигла Дуттепе, часть толпы, как и ожидалось, отправилась на демонстрацию.

На этот раз Мевлют никуда не пошел. Участок дяди Хасана был рядом с площадью перед мечетью, и теперь дядя, Коркут и Сулейман вместе с людьми Вурала смотрели, покуривая сигареты, на толпу, собравшуюся внизу. Мевлют не стеснялся их, он не боялся того, что они его накажут или перестанут с ним разговаривать.

Толпа, направлявшаяся с похорон, у мечети была остановлена полицией, возникла давка. Несколько парней из толпы, завидев лавку, обклеенную националистическими лозунгами, тут же выбили в ней все стекла. За короткое время толпа разнесла агентство недвижимости «Фатих» и расположенный рядом небольшой офис строительной компании – ею управляла семья Хаджи Хамита. В помещениях, в которых молодые националисты, контролировавшие весь Дуттепе, убивали время за телевизором и сигаретами, не оказалось ничего ценного, кроме столов, пишущей машинки и все того же телевизора. Но из-за этого погрома война националистов с марксистами, иначе говоря, левых с правыми, а лучше – Коньи с Бингёлем, в полной мере предстала перед глазами всего квартала.

За активными и кровавыми беспорядками, длившимися чуть более трех дней, Мевлют наблюдал издалека, вместе с зеваками. Он видел, как полицейские в шлемах, размахивая дубинками, с возгласами «Аллах! Аллах!», словно янычары, бросились на толпу. Мевлют видел и то, как толпу полили водой из бронированной брандспойтной машины. Во время всех этих беспорядков он уходил в город, чтобы доставить йогурт своим постоянным клиентам в Шишли и Ферикёе, а по вечерам отправлялся торговать бузой. Однажды вечером он увидел, что между Дуттепе и Кюльтепе сооружают ограждение, и на всякий случай спрятал лицейский билет. А у полиции его вид – вид бродячего торговца – никаких подозрений не вызвал.

Досада и чувство солидарности заставили его пойти в школу. За три дня обстановка в школе накалилась, пропитавшись политикой. Ученики левых взглядов то и дело поднимали

палец и, бесперемонно перебив учителя, принимались произносить политические речи. Мевлюту нравилась эта атмосфера свободы, но сам он хранил молчание.

Скелет отдал приказ учителям затыкать всех тех, кто, вместо того чтобы, вежливо подняв палец, рассказывать об османских завоеваниях и реформах Ататюрка, начинал ругать капитализм и американский империализм, а также пресекать любые попытки сорвать урок. Но даже самая главная мегера, Жирная Мелахат, сдерживалась перед учениками, которые, перебив ее, начинали жаловаться на «несправедливый строй» и обвиняли ее в том, что она своими рассказами о лягушатах служит эксплуататорам, пытающимся скрывать классовые различия. Учительница Мелахат принималась оправдываться, говоря, что ее жизнь тоже очень сложна, что работает она целых тридцать два года и что, по правде говоря, ждет пенсии. Мевлют сочувствовал ей, и ему очень хотелось, чтобы классные бунтари оставили ее в покое. Некоторые рослые «старички» на задних партах пользовались политическим кризисом, чтобы похулиганить; умники и отличники с передних парт притихли, те из учеников, кто поддерживал националистов, – тоже, а некоторые стали реже появляться в школе. Иногда школьники откуда-то узнавали, что в квартале происходят новые столкновения и полиция вновь пытается усмирить толпу. Тогда все бросались носиться по всем этажам и коридорам мужского лицея имени Ататюрка, выкрикивая лозунги: «Будь проклят фашизм!», «Да здравствует независимая Турция!», «Даешь свободное образование!» – а затем обычно отбирали у старосты список отсутствующих, поджигали его сигаретами и после присоединялись к толпе или на одном холме, или на другом либо же – если были деньги или был знакомый контролер – просто отправлялись в кино.

За два месяца до этого физик Фехми, которого не любили, на глазах у всего класса, включая разгневанного и огорченного Мевлюта, при всех унизил одного лицеиста родом из Диярбакыра, передразнив его говор. Ученики потребовали, чтобы физик извинился перед их одноклассником, но этого не последовало, класс возмутился, а некоторые школяры даже объявили всем занятиям бойкот, как бывает в университетах, после чего Скелет вызвал в школу полицию. Прибыли полицейские в синей форме и в штатском, заняли проходы в здании наверху и внизу и, как это тоже нередко бывает в университетах, начали проверять документы у всех входящих. Мевлюту казалось, что в лицее царит такая же обстановка, какая бывает после пожара или землетрясения, но он не мог скрыть от себя, что бунт ему нравится. Он ходил на классные собрания, но, когда начинался жаркий спор или драка, осторожно отходил в сторону, а после объявления бойкота отправился продавать йогурт.

Через неделю после того, как полиция прибыла в школу, Мевлюту преградил путь ученик третьего класса лицея, живший на одной улице вместе с Акташами, и сообщил ему, что этой ночью его ждет Коркут. Вечером Мевлют, показывая удостоверение личности различным наблюдателям правых и левых группировок и полиции и давая себя обыскивать, дошел до дядиного дома, где увидел незнакомого парня: тот ел фасоль с мясом за столом, за которым он, Мевлют, два месяца назад ел курицу. Звали парня Тарык. Мевлют сразу понял, что тете Сафийе этот Тарык не нравится, но что Коркут ему доверяет и относится к нему как к важному человеку. Коркут велел Мевлюту держаться подальше от Ферхата и других коммунистов. Он сообщил, что русские, желая добраться до теплых морей, планируют устроить в Турции, которая противостоит их империалистическим планам, внутренние столкновения суннитов с алевитами, турок с курдами, богатых с бедными и ради этого провоцируют на конфликт даже тех курдов и алевитов, у которых нет собственного дома. С этой точки зрения стратегически важно удалить с Кюльтепе и остальных холмов курдов и алевитов из Бингёля и Тунджели.

– Передавай привет дяде Мустафе, – сказал на прощание Коркут тоном Ататюрка, склонившегося над картой перед боем. – Смотрите, в четверг сидите дома! Все бывает, к сожалению, рядом с сушиняком может вспыхнуть и зелень, как говорится!

Сулейман, поймавший вопросительный взгляд Мевлюта, с гордым видом человека, который знает о событиях задолго до того, как они произойдут, добавил:

– В четверг назначена операция.

Той ночью Мевлют с трудом уснул из-за выстрелов.

Наутро он понял, что разговоров о предстоящей операции все больше, что в школе даже Мохини знает – в четверг произойдет нечто ужасное. За два вечера до того вновь было совершено нападение на кофейню у въезда на Кюльтепе, где часто собирались алевиты, погибло двое. Большинство же кофеев и лавок стояло с приспущенными ставнями, а некоторые вообще были закрыты. Мевлют слышал еще и то, что якобы на домах алевитов, на которые планируется напасть во время операции, ночью нарисуют крест. Мевлюту очень хотелось сходить в кино или поразвлечься с собой, но в то же время он желал своими глазами увидеть все, что произойдет.

В среду леваки вновь хоронили своих товарищей, сопровождая похороны выкрикиванием лозунгов, и вновь толпа разгромила пекарню, принадлежащую семейству Вурала. Полиция ни во что не вмешивалась, и поэтому работники пекарни, какое-то время пытавшиеся отбиться дровами и ухватами, в конце концов бросили помещение с благоухающим свежим хлебом и сбежали через заднюю дверь. Ходили слухи, что алевиты напали на несколько мечетей и, кроме того, подложили бомбы в нескольких националистических центрах в Меджидиекее.

– Пойдем сегодня продавать бузу в город, – сказал отец. – К бродячим разносчикам бузы никто никогда не пристанет. Мы ни за кого.

Они взяли свои шесты и бидоны, вышли из дому, но весь квартал был оцеплен полицией, никого не выпускали. Увидев вдалеке синие мигалки полицейских машин, «скорой помощи» и пожарных, Мевлют почувствовал, как заколотилось сердце. Вернувшись домой, отец с сыном совершенно напрасно какое-то время смотрели в экран черно-белого телевизора. Естественно, ни одной новости про события на холме там не было. В конце концов, потеряв в тот вечер свой заработок, они просмотрели ток-шоу, посвященное завоеванию Стамбула. Вzbешенный отец, как всегда, принялся честить без разбору и правых и левых – словом, «всех проклятых бездельников, из-за которых бедные торговцы теряют кусок хлеба».

Вскоре отец с сыном уснули и проснулись после полуночи от громких криков и топота множества ног. Отец встал проверить засов на двери, а затем придвинул к ней колченогий стол, за которым Мевлют учил уроки. Выглянув в окно, Мустафа с Мевлютом увидели на склоне Кюльтепе пламя пожара. Отблески пламени освещали низкие темные облака, создавая в небе странный свет; свет от пожара, разливавшийся по улицам, дрожал, дрожало и небо, и казалось, дрожит весь мир. Они услышали выстрелы. Потом Мевлют увидел второй пожар.

– Не стой у окна, – велел отец.

– Папа, давай проверим стены! Говорят, что на домах, которые должны быть зачищены, рисуют крест! – воскликнул Мевлют.

– Мы же не алевиты!

– Все равно! Давай проверим! А вдруг и нам нарисовали крест? – не успокаивался Мевлют, думая о том, как часто все его видели с Ферхатом и другими леваками в том квартале. Эти мысли от отца он утаил.

Улучив момент, когда на улице стало спокойнее, а крики поутихли, они открыли дверь и оглядели ее; на ней ничего не было. Но Мевлют для пущей уверенности хотел осмотреть еще и стены. «Вернись в дом!» – крикнул отец. Выбеленная лачуга, в которой они провели многие годы, сейчас, среди ночи, выглядела оранжевой и казалась каким-то призрачным домиком. Они затворили дверь и не сомкнули глаз до утра, пока выстрелы не смолкли.

Коркут. Я, признаться, тоже не поверил, что алевиты подложили бомбу в мечеть, но ложь обычно быстро расходуется. Терпеливые, молчаливые и богобоязненные жители Дуттепе уже видели «своими глазами», как на стенах мечети и домов в самых дальних кварталах висели коммунистические плакаты, и теперь гнев их был велик. Как такое может быть? Ты и в Каракёе хочешь жить, и в Сивасе, и в Бингёле – даже не в Стамбуле! – и землей на Дуттепе владеть хочешь! Вчера вечером по-настоящему стало ясно, кто тут настоящий хозяин, кто в самом деле живет у себя дома, а кто – проездом. Сложно остановить молодых националистов, если ты к тому же и веру их оскорбил. Разрушили много домов. В квартале наверху холма кто-то сам поджег свой дом, чтобы все увидели, и чтобы газетчики написали «националисты режут алевитов», и чтобы вмешалась полиция «Пол-асс»³³. Турецкая полиция тоже разделилась, как и турецкие учителя. Народные полицейские жгут свои дома и даже себя поджигают, как недавно было в одной тюрьме, чтобы был повод лишний раз обвинить власти.

Ферхат. Полиция ни во что не вмешивалась, а если и вмешивалась, то только помогала разорвать дома. Спрятав лица под балаклавами, националисты небольшими отрядами нападали на дома, все снося и круша на своем пути, а когда домов алевитов не осталось, начали громить их лавки. Лавка семейства Дерсимли сгорела полностью. В ответ наши начали стрелять. Тогда они отступили, это было уже поздно ночью. Но мы думаем, что они вернуться, когда рассветет.

– Пойдем в город, – позвал утром Мевлюта отец.
– Я останусь здесь, – отозвался тот.
– Сынок, послушай. Их разборки надолго, они ненасытны, не успокоятся, пока не перебьют друг друга, не напьются крови, а политика – лишь повод... А мы лучше будем продавать свой йогурт, свою бузу. Не вмешивайся ты в это. И держись подальше от алевитов, от леваков, от курдов, от этого Ферхата, чтобы нас тоже не выкинули из дому, когда будут выкидывать их.

Мевлют поклялся честью, что из дому шагу не сделает. Он обещал, что останется дома и будет его сторожить, но, как только отец ушел, ни минуты не сидел на месте. Насыпав в карманы тыквенных семечек, он взял с собой маленький кухонный нож и, словно мальчик, который торопится в кино, помчался в верхние кварталы.

Там улицы были полны народа; у многих были в руках дубинки. Видел он и девушек, которые, словно бы ничего не происходило, шли из бакалей, жуя жвачку и прижимая к груди свежий хлеб; видел и женщин, стиравших белье у себя перед домом. Ясно было, что население, состоявшее из набожных выходцев из Коньи, Гиресуна и Токата, алевитов не поддерживало, но и воевать с ними тоже не хотело.

– Братец, не переходи улицу перед этими домами, – сказал какой-то парень задумчивому Мевлюту.

³³ Полиция «Пол-асс» – в 1970-е гг. в Турции все трудовые ассоциации делились на правых и левых по политическим предпочтениям; «Полицейская ассоциация», «Пол-асс», демократическое движение полицейских, представляла собой ассоциацию полицейских левых взглядов, придерживавшихся в своей работе принципов демократии. Лозунг организации – «Полиция народа».

– Тут могут выстрелить с Дуттепе, – добавил его приятель.

Мевлют, не послушав, в один прыжок оказался на другой стороне улицы. Парни смотрели на него серьезно, хотя и засмеялись, когда он прыгал.

– Вы не пошли в школу? – спросил Мевлют.

– Школа закрыта! – весело крикнули они.

На пороге сгоревшего дома Мевлют увидел плакавшую женщину; она вытащила все свое имущество – соломенную корзину и намокший тюфяк, – совершенно такие корзина и тюфяк были у них дома. Он поднимался по резко уходящей вверх улице, как вдруг его остановили двое – один длинный, другой круглый, как мячик, – но тут кто-то третий сказал, что это Мевлют с Кюльтепе, и его отпустили.

Вершина Кюльтепе превратилась теперь в наблюдательный пункт. Стены этого наблюдательного пункта, созданные из бетонных фрагментов, железных дверей, жестяных ведер, заполненных землей, из саманных и обычных кирпичей, иногда упирались в какой-нибудь дом, а за ним шли дальше.

Пули были дорогим удовольствием. Стреляли нечасто. Перестрелки часто надолго стихали, и тогда Мевлют, как и другие, переходил по холму с одного места на другое. Ферхата он разыскал ближе к полудню, на крыше недавно построенного бетонного здания у столбов городской линии электропередачи.

– Скоро здесь будет полиция, – предупредил Ферхат. – Победить нам нет возможности. Полицейских с фашистами больше, да и вооружены они лучше. И пресса на их стороне.

Таковы были «личные» мысли Ферхата. При посторонних он твердил: «Никогда мы не пустим сюда этих сукиных детей!»

– Завтрашние газеты не будут писать о резне алевитов на Кюльтепе, – с горечью сказал он. – Напишут, что подавили восстание левых ячеек и что коммунисты сожгли себя заживо, чтобы устроить всем неприятности.

– Так зачем же мы сражаемся, если нас ждет плохой конец? – спросил недоуменно Мевлют.

– Ты хочешь, чтобы мы просто так сдались, ничего не предприняв?

Мевлют почувствовал, что совсем запутался. Он видел, что склоны Дуттепе и Кюльтепе были забиты домами; за эти восемь лет, что он провел в Стамбуле, многие лачуги гедже-конду обзавелись надстроенными этажами; некоторые глиняные здания снесли, а на их месте построили новые, из саманного кирпича или даже из бетона; лавки и дома выкрасили свежей краской; взрастили деревья и сады; и склоны обоих холмов покрылись щитами с рекламой сигарет, кока-колы и мыла.

– Пусть лучше и левые и правые спустятся к пекарне Вурала и там сразятся отважно и открыто, – наполовину в шутку, наполовину всерьез проговорил Мевлют. – А тот, кто победит в драке, будет считаться победившим в войне.

– Случись такая заварушка, ты бы за кого болел, Мевлют? – спросил Ферхат.

– Я бы – за социалистов, – ответил Мевлют. – Я против капитализма.

– А вот мы с тобой, когда откроем свой магазин, разве не станем капиталистами? – улыбнулся Ферхат.

– Коммунистов я люблю за то, что они защищают бедняков, – сказал Мевлют. – Но вот почему они не верят в Аллаха?

Когда вновь появился желтый армейский вертолет, с десяти утра патрулировавший Кюльтепе и Дуттепе, население обоих холмов приумолкло. Все, кто занял на холмах позиции, видели, как легчик в прозрачной кабине надел наушники, и принялись смотреть, что будет дальше. Этот вертолет вселял в Мевлюта с Ферхатом, как и во всех обитателей холмов, чувство тревоги. Кюльтепе всем своим видом – желто-красными флагами футбольных болельщиков; алыми знаменами с серпом и молотом; натянутыми между домами транспарантами из кусков

ткани; толпой молодых людей в балаклавах, скандировавших лозунги вертолету, – напоминал о революции.

Перестрелка между холмами продолжалась весь день; никто не погиб, только нескольких ранили. Перед тем как стемнело, металлический голос объявил в мегафон, что на обоих холмах вводится комендантский час. Позже объявили, что на Кюльтепе к тому же ожидаются обыски – будут искать оружие. Некоторые особо воинственные защитники холма заняли боевую позицию с тем, чтобы сразиться теперь и с полицией, а безоружные Ферхат с Мевлютом пошли по домам.

Мустафа весь день продавал йогурт и вернулся без приключений. Сев за стол, отец и сын, хлебая чечевичный суп, стали делиться дневными впечатлениями.

Поздно вечером на Кюльтепе отключили электричество, и танки, освещая себе путь яркими фарами, вползли в кварталы, словно злобные неповоротливые раки. Вслед за ними вверх по склону, словно янычары, взбежали полицейские с дубинками и оружием. Какое-то время раздавались частые выстрелы, а затем воцарилась гнетущая тишина. Поздно ночью Мевлют выглянул из окна и увидел, как осведомители в балаклавах показывают полицейским и солдатам дома, которые нужно обыскать.

Утром в дверь постучали. Два солдата искали оружие. Отец Мевлюта, почтительно поклонившись, пригласил их войти, усадил за стол, предложил чая и сказал, что здесь дом разносчика йогурта и они с сыном никакого отношения к политике не имеют. У обоих солдат нос был картошкой, но родственниками друг другу они не доводились: один был родом из Кайсери, другой из Токата. Полчаса солдаты сидели за столом и вели беседу с хозяином о том, что все эти невеселые события приведут лишь к страданиям невинных, а «Кайсериспор» в этом году сумеет выйти в первую лигу. Мустафа-эфенди осведомился, сколько обоим осталось до демократизации, хороший ли попался командир или колотит без причины.

Пока они пили чай, на Дуттепе собрали все оружие, левацкие книжонки, ободрали плакаты и транспаранты. Большинство студентов и простых граждан, замеченных в беспорядках, арестовали. Вся эта невыспавшаяся братия поначалу отведала побои в полицейских автобусах, а затем прошла через более изощренные пытки – фалаку³⁴, паяльник или электрический ток. Когда арестованные немного оклемались, их обстригли, сфотографировали вместе с собранным оружием, плакатами и книгами, а фотографии разослали в газеты. Долгие годы шли судебные разбирательства против этих людей. Прокуроры требовали для кого смертную казнь, а для кого пожизненное заключение. В конце концов одни получили десять лет, другие – пять, а нескольких оправдали. Были и такие, кто в тюрьме участвовал в мятежах и голодовках и после этого остался инвалидом или даже ослеп.

Мужской лицей имени Ататюрка тоже на время закрыли. После того как первого мая на площади Таксим в Стамбуле во время разгона демонстрации погибло тридцать пять молодых коммунистов³⁵, политическая обстановка накалилась, а волна политических убийств захватила Стамбул, с открытием школы и вовсе спешить перестали. Так что Мевлют еще больше отдалился от учебы. Теперь он допоздна торговал йогуртом на расписанных политическими лозунгами улицах, а вечером большую часть заработка отдавал отцу. Когда школу наконец открыли, идти туда ему уже совсем не хотелось. Ведь теперь он был самым старшим не только в классе, но и среди тех, кто сидел на задних партах.

В июне 1977 года вновь роздали дневники, и Мевлют увидел, что не смог окончить лицей. Лето он провел в сомнениях и страхах. К тому же Ферхат с семьей, вместе с семьями некоторых алевитов, уезжал с Кюльтепе. А ведь зимой, еще до всех политических происшествий,

³⁴ *Фалака* – традиционное для Ближнего Востока средневековое пыточное орудие для наказания ударами по босым стопам.

³⁵ Имеются в виду события 1 мая 1977 г., когда во время беспорядков на первомайской демонстрации произошла бойня на площади Таксим в Стамбуле, после того как полиция предприняла попытку разгона собравшихся.

они с Ферхатом мечтали, что с июля заведут собственное дело на двоих, начнут что-то продавать. Теперь Ферхат был занят отъездом и с головой ушел в дела семьи. Мевлют в середине июля уехал в деревню. Мать твердила, что надо бы его женить, но он не придавал значения ее причитаниям. Денег у него не было, а женитьба означала возвращение в деревню.

В конце лета он отправился в лицей. Жарким сентябрьским утром в старом здании школы царил полумрак и прохлада. Мевлют сказал Скелету, что хочет взять отпуск в школе на год.

Теперь Скелет уважал своего ученика, которого знал уже восемь лет.

– Зачем тебе отпуск, потерпи еще годик, доучись, – сказал он с поразившей Мевлюта нежностью. – Все тебе помогут! Ты самый давний ученик нашего лицея.

– Я хочу в следующем году пойти на подготовительные курсы в университет, – ответил Мевлют. – А в этом году мне нужно поработать и накопить денег. Лицей я окончу в будущем году. Это возможно.

Весь этот сценарий он тщательно продумал в поезде, когда возвращался в Стамбул.

– Возможно-то возможно, но тебе тогда будет двадцать два года, – возразил бессердечный бюрократ Скелет. – За всю историю лицея в нем еще никто не учился до двадцати двух лет. Ну да Аллах с тобой... Я даю тебе учебный отпуск на год. Но мне нужно, чтобы ты принес справку из районного управления здравоохранения.

Мевлют даже не спросил, что за справка нужна. Уже в школьном дворе он всем сердцем осознал, что сейчас в последний раз входит в здание, куда впервые вошел восемь лет назад. Разум советовал ему не поддаваться запаху молока ЮНИСЕФ, которое все еще раздавали на кухне; запаху угольной кладовки, который теперь не использовался; запаху лицейской уборной в подвале, на дверь которой он со страхом смотрел в средней школе. В последнее время, всякий раз приходя в школу, Мевлют думал только одно: «И зачем я прихожу сюда, я ведь все равно лицей не окончу?» А проходя последний раз мимо статуи Ататюрка, сказал себе: «Если бы я очень захотел окончить школу, я бы окончил».

Он утаил от отца, что бросил школу.

Иногда, раздав йогурт порядком поубавившимся клиентам, он оставлял где-нибудь у знакомых свой шест, весы и бидоны и отправлялся бродить по городу, куда несли ноги.

Он любил Стамбул за то, что в нем совершались многие события, наблюдать за которыми было одно удовольствие. Самое интересное происходило в Шишли, Харбийе, на Таксимае и в Бейоглу. Мевлют вскакивал утром на автобус, ехал безбилетником до этих районов, а затем совершенно свободно, без всякой ноши, ходил по тем улицам, по которым обычно ему было не пройти с йогуртом, и очень любил раствориться в городской суматохе и шуме. Ему нравилось смотреть на манекены в витринах, наблюдать за тем, как выстраиваются в ряд счастливые мамы в длинных юбках с детьми в костюмчиках. В его голове обязательно рождалась какая-нибудь история. Затем он наблюдал минут десять за какой-нибудь шатенкой, следовавшей по противоположной стороне улицы, или мог решительно войти в первую попавшуюся столовую, назвать имя любого лицейского приятеля и спросить, не здесь ли тот работает. А иногда Мевлют и спросить не успевал – его строгим голосом останавливали: «Мойщик посуды нам больше не требуется!» На улице ему вновь внезапно вспоминалась Нериман. Он принимался шагать в переулки за Тюнелем, отправлялся в кинотеатр «Рюйя», в тесном фойе которого подолгу разглядывал плакаты и фотографии актеров, надеясь, что билеты на входе в зал проверяет кто-нибудь из родственников Ферхата.

Спокойствие и красота, которые не способна была дать жизнь, проявлялись в фантазиях о других мирах. Когда Мевлют смотрел фильм или когда просто мечтал, где-то в глубине души его терзала боль. Он испытывал вину из-за того, что впустую тратил время. Во время просмотра фильма, иногда по понятным причинам, иногда просто так, его член напоминал о себе, и Мевлют прикидывал, получится ли сегодня вечером спокойно поразвлечься, не боясь быть застигнутым врасплох, если он вернется на два часа раньше отца.

Бывало так, что он шел навестить Мохини, работавшего подмастерьем у парикмахера в Тарлабаши, или заходил в кофейню, где собирались водители такси, по преимуществу алевиты и левые, и недолго беседовал с каким-нибудь парнишкой-официантом, с которым в свое время познакомил его Ферхат, а между делом краем глаза следил, как идет за соседним столом игра в окей, и прислушивался к новостям в телевизоре. Он понимал, что убивает время, что на самом деле бездельничает, что жизнь его свернула на неверный путь, но правда эта была так горька, что он утешал себя мечтами: они с Ферхатом смогут начать дело – сначала тоже будут торговать на улицах, но не так, как прочие разносчики. У них будет специальная тележка для йогурта, на которой будут стоять бидоны и которую нужно будет толкать перед собой, а колокольчик будет звенеть от движения. Или они откроют где-нибудь маленькую табачную лавку, вроде той, которую он только что видел, а может, даже и собственную бакалею... В будущем они заработают много денег.

Между тем он с горечью видел – уличная торговля йогуртом становится все менее прибыльной. Люди привыкают к магазинному йогурту.

– Сынок, Мевлют, видит Аллах, мы теперь деревенский йогурт покупаем только для того, чтобы тебя повидать, – сказала ему как-то одна пожилая покупательница.

Мустафа-эфенди. Если бы дело ограничилось только стеклянными бутылками, появившимися в 1960-х годах, то было бы полбеды. Те первые стеклянные йогуртовые миски, которые по форме напоминали глиняные, были массивными и тяжелыми, за них брали дорогой депозит, у них постоянно обивались и трескались края. Домохозяйки привыкли использовать их для других вещей: для кошачьего корма, в качестве пепельницы, или черпалки воды в бане, или мыльницы. Они использовали их по любой хозяйственной необходимости, но в один прекрасный день что-то приходило им в голову, и они сдавали тару бакалейщику, чтобы получить деньги. Так что миску, в которую все бросали мусор и сливали помои и которую облизывала собака, кое-как мыли под шлангом на маленьком заводике в Кяытхане, и затем она попадала на семейный стол со свежайшим и полезным для здоровья йогуртом к другой стамбульской семье. Иногда, когда клиент ставил на чашу весов вместо моей чистой тарелки, на которой я собирался отвесить ему йогурт, такую вот бутылку, я не мог сдержаться и говорил: «Некоторые используют эти бутылки в больницах Чапа в качестве сосудов для мочи, а в санатории на Хейбелиаде их используют для сбора мокроты у туберкулезных больных».

Однако вскоре фирмы начали выпускать стеклянные бутылки, которые были легче и дешевле. Их не надо было возвращать в бакалею, за них не платили денег, они превращались в обычные стаканы, стоило их помыть, – настоящий подарок домохозяйкам. Стоимость их, конечно, включили в стоимость йогурта. Фирмы приклеили на свой продукт этикетку с коровой, огромными буквами написали название йогурта и дали рекламу по телевизору. А затем появились грузовики-«форды» с той же коровой на боках; качаясь, втиснулись они в узкие улочки, поехали по бакалейным лавкам, отбирая у нас наш хлеб. Хвала Аллаху, по вечерам мы торгуем бузой, так что еще не всех заработков лишились! Если Мевлют не будет слоняться без дела, поработает еще немного, а все заработанные деньги отдаст своему отцу, мы отвезем в деревню немного денег на зиму.

12. Взять в жены девушку из деревни

Моя дочь не продается

Коркут. После прошлогодней войны большинство алевитов в течение полугода покинули холм. Некоторые из них отправились на другие холмы, подальше, например на Октепе, а другие уехали за город, в район Гази. Скатертью им дорожка. Иншаллах, там они не дадут ни нашему государству, ни нашей полиции повода заняться ими. Если уж к твоему курятнику, к твоей лачуге, выстроенной на птичьих правах, приближается скоростная дорога на шесть полос, выстроенная по самым современным международным стандартам, то ты можешь сколько угодно твердить, что единственный путь – бунт, но обманешь этим только самого себя.

Когда леваков-башибузуков выкинули отсюда, бумаги, выдаваемые мухтаром, тут же выросли в цене. Все те, кто не спешил раскошелиться, когда пожилой Хаджи Хамит Вурал говорил, что надо бы купить в мечеть новые ковры, все те, кто распускал о нем сплетни – он, дескать, наложил руку на участки сбежавших алевитов из Бингёля да Элязыга, так что пусть сам и платит, – все они теперь прикусили языки. А Хамит-бей трудился не покладая рук. Он открыл еще одну пекарню на Хармантепе, а для работников, которых привез из деревни, построил общежитие, не поскупившись ни на телевизоры, ни на зал для карате. После армии я работал прорабом на его стройке и смотрителем за стройматериалами. По субботам Хаджи Хамит-бей обычно обедал в столовой общежития вместе с молодыми бессемейными националистами. Я хочу выразить здесь ему мою благодарность за то, что он оказал мне щедрую финансовую поддержку, когда я женился.

Абдуллахман-эфенди. Я прилагаю все старания, чтобы найти моей старшей дочери Ведихе, которой уже минуло шестнадцать, какого-нибудь подходящего жениха. Конечно, лучше всего, когда такие дела решает женщина, но ведь у моих бедных сироток нет матери и родных теток, а потому этим занимается ваш покорный слуга. Те, кто знает, что я только ради этого сел на автобус и уехал в Стамбул, тут же принялись говорить, что я бегаю за богатым мужем для моей дорогой красавицы Ведихи, что хочу положить себе в карман богатый выкуп, что готов платить за раки. Я все слышу. Причина их сплетен и зависти к такому калеке, как я, в том, что я – счастливый человек, которому повезло с дочерьми. Несмотря на свою горбатую спину, я радуюсь жизни и умею выпить как следует. Те, кто говорит, что я напивался и поколачивал мою покойную жену, кто болтает про меня, что я, несмотря на кривую спину, ездил в Стамбул, чтобы прогулять деньги с женщинами в Бейоглу, – лгут. В Стамбуле я ходил по кофейням повидаться со старинными друзьями, теми, кто еще работает разносчиками йогурта и бузы. Никто же не может сразу сказать как есть: «Я ищу дочке мужа!» Сначала я говорил о том о сем, а если дружеская беседа продолжалась уже в пивной – слово за слово, бутылочка за бутылочкой, – я хвастался, словно бы выпивший, фотокарточкой моей ненаглядной Ведихи, которую мы с ней заказали в акшехирском ателье «Биллур».

Дядя Хасан. Иногда я вытаскивал из кармана фотографию девушки из Гюмюш-Дере и смотрел на нее. Красивая девушка. В один прекрасный день я показал ее на кухне Сафийе. «Что скажешь, Сафийе? – спросил я. – Подойдет такая девушка нашему Коркуту? Это дочка нашего Горбуна Абдуллахмана. Отец ее ради этого добрался аж до самого Стамбула, до моей лавки. Посидел немного. Прежде он был работающий человек, однако силы ему не хватает: не вынес он тяжести шеста разносчика йогурта да и вернулся в деревню. Может, сейчас у него и денег-то нет. Шайтан этот Абдуллахман-эфенди, а не человек!»

Тетя Сафийе. Очень уж измотали сынка моего Коркута эта стройка, это общежитие, машина эта, которую он водил, все это его карате. Очень уж хотелось нам женить его, но, машаллах, он у нас парень с характером, очень гордый! Если только мне сказать ему: тебе, сынок, уже двадцать шесть лет, съезжу-ка я в деревню, присмотрю там тебе девушку, как он тут же примется спорить – не надо никого присматривать, я сам себе в городе найду. А уж если я ему скажу: сам найди себе девушку в Стамбуле да женись, то он непременно ответит, что девушка нужна ему честная да послушная, а таких в городе не сыщешь. Так что я решила положить фотографию красавицы-дочки Горбуна Абдуррахмана в сторонку, на приемник. Коркут приходит домой такой усталый, что не отрывается от телевизора, а по радио слушает только лошадиные бега.

Коркут. Никто, даже матушка, не знает, что я ставлю на скачки. Играю я не ради азарта, а ради удовольствия. Четыре года назад мы пристроили к дому еще одну комнату. Вот там я обычно и сижу в одиночестве, слушаю прямые трансляции скачек. В этот раз я тоже сидел и смотрел в потолок, и вдруг приемник словно бы озарился каким-то светом, и я увидел, что с фотографии на меня смотрит девушка, и сразу понял, что ее взгляд всегда утешит меня. На душе мне стало очень хорошо.

Позже, между делом, я осторожно спросил у матери: «Матушка, а что это за девушка там, на фотографии, которая лежит на приемнике?» – «Наша землячка, из Гюмюш-Дере! – ответила мать. – Правда, она как ангел? Хочешь, посватаю ее за тебя?» – «Я не хочу девушку из деревни! – сказал я. – И уж тем более такую, которая направо-налево раздает свои фотографии». – «Она вовсе не такая, – покачала головой мать. – Ее отец-горбун никому не показывает дочкиных фотографий, ревниво бережет дочь, всех сватов гонит прочь. Это твой отец насильно отобрал у него эту фотографию, потому что понял, как красива эта стыдливая девушка».

Я поверил этой лжи. Вы-то уж точно знаете, что все это ложь, и сейчас смеетесь над моим легковерием. Тогда я вот что вам скажу: те, кто готов осмеять что угодно, не могут ни по-настоящему любить, ни по-настоящему верить в Аллаха. Потому что они страдают гордыней. А ведь любовь к кому-то – такое же священное чувство, как любовь к Аллаху.

Звали девушку Ведиха. Неделью спустя я сказал матери: «Не могу забыть эту девушку. Хочу поехать в деревню, тайком повидать ее, но прежде поговорю с ее отцом».

Абдуррахман-эфенди. Нынешний кандидат в женихи – нервный такой паренек. Повел меня в пивную. Он шестерит у Хаджи Хамита Вурала и водит автомобиль «форд», и поэтому меня оскорбляет, что этот каратист, у которого в кои-то веки завелись деньжонки, так уверен, что в конце концов все равно когда-нибудь за свои деньги сможет заполучить мою дочь. МОЯ ДОЧЬ НЕ ПРОДАЕТСЯ, повторил я несколько раз. За соседним столиком нас услышали, хмуро посмотрели, а потом заулыбались, решив, что мы шутим.

Ведиха. Мне шестнадцать лет, я уже не ребенок, я знаю, что отец хочет выдать меня замуж, но делаю вид, что не в курсе подобных намерений. Иногда мне снится, что за мной гонится какой-то злой человек... Три года назад я окончила начальную школу в Гюмюш-Дере. Если бы я уехала в Стамбул, то в этом году бы уже окончила лицей.

Самиха. Мне двенадцать лет, и я учусь в последнем классе начальной школы. Иногда из школы меня забирает старшая сестра Ведиха. Однажды, когда мы возвращались, за нами пошел какой-то человек. Мы шли молча и не стали оборачиваться, чтобы посмотреть на него. Вместо того чтобы идти прямо домой, мы направились к бакалее, но входить туда не стали. Мы с сестрой долго еще гуляли и вернулись кружным путем через дальний квартал. А человек все не отставал. Сестра хмурилась. «Дурак чертов! – выругалась я, когда мы пришли домой. – Мужчины все дураки!»

Райиха. Мне тринадцать лет. В прошлом году я окончила начальную школу. К Ведихе сватаются многие. Нынешний – из Стамбула. Так говорят, но на самом деле это сын торговца йогуртом из Дженнет-Пынара. Ведиха, конечно, захочет поехать в Стамбул, но мне совсем не хочется, чтобы ей он понравился. Ведь когда Ведиха выйдет замуж, наступит моя очередь. Когда мне исполнится столько, сколько Ведихе, за мной не будут так бегать, как за ней, а если и будут – что из того, я ни о ком и слышать не хочу. «Какая ты умная, Райиха», – говорят мне. Мы с моим горбатым отцом смотрели из окна, как Ведиха с Самихой возвращаются из школы.

Коркут. Я почтительно наблюдал, как моя ненаглядная возвращается из школы со своей сестрой. Первая моя встреча с ней наполнила мое сердце такой любовью, которую было не сравнить с той, что возникла, когда я увидел ее фотографию. Ее фигура, ее стать, изящные руки – все в ней было прекрасно, и я возблагодарил Аллаха. Я понял, что если не женюсь на ней, то буду несчастен. Я терял покой при мысли о том, что хитрый горбун, своей торговлей за дочь распалив мою любовь, может оставить меня с носом.

Абдуррахман-эфенди. Этот кандидат в женихи был настойчив, мы встретились еще раз, в Бейшехире. Я с дрожью в коленях пришел в закусочную, потому что судьба и счастье моей дорогой Ведихи и других моих доченок были в моих руках; сел и, еще не выпив первого стаканчика, опять сказал ему: «Прости, парень, я хорошо тебя понимаю, но моя красавица-дочь НЕ ПРОДАЕТСЯ НИ НА КАКИХ УСЛОВИЯХ».

Коркут. Упрямец Абдуррахман-эфенди, не успев выпить первого стаканчика, вновь перечислил свои требования. Даже если всем нам постараться, если взять в долг, продать наш дом на Дуттепе и участок на Кюльтепе, то все равно не хватит.

Сулейман. Вернувшись в Стамбул, брат решил, что разрешить его любовные муки могут только деньги и влияние Хаджи Хамит-бея. В ближайший его приход в общежитие мы устроили для него красивый бой карате. А опрятные, выбритые и одетые в форму рабочие дрались на совесть. За обедом Хамит-бей усадил нас с братом по обе стороны от себя. Всякий раз, когда я смотрел на белоснежную бороду этого праведного человека, который два раза совершил хадж, которому принадлежало столько земли, домов и который построил нашу мечеть, я ощущал себя счастливым, потому что сижу рядом с таким человеком. А он обращался с нами так, будто мы были его детьми. Спросил нас об отце («Почему Хасана нет?» – назвал он его по имени). Спросил он и о том, в каком состоянии наш дом, о комнате, которую мы недавно пристроили, о половине этажа, который мы только начали строить, о внешней лестнице и даже о месте пустого участка, который отец записал на себя вместе с дядей Мустафой. Вообще-то, он знал места всех участков, знал, кто с кем соседствует, кто с кем пересекается, знал, какие дома там строятся, какие еще недостроены, а какие еще долго не будут достроены, потому что владельцы перессорились; он знал, кто какой дом либо магазин построил за последний год; знал все вплоть до стены или печной трубы. Он знал, до какого места доходит электрический кабель, с какого холма на какую улицу поступает вода и где построят окружную дорогу. Он знал все.

Хаджи Хамит Вурал. «Парень! Ты влюбился по уши, ты очень страдаешь, правда это?» – спросил я его, а он в ответ лишь спрятал глаза: он стеснялся не того, что не на шутку влюблен, а того, что товарищи его об этом узнают и поймут, что он не может решить дело самостоятельно. Я повернулся к его брату-толстяку и сказал: «Если будет на то воля Аллаха, найдем мы средство против сердечной боли твоего брата! Правда, он совершил ошибку, а ты смотри

ее не повтори. Сулейман, сынок, если ты хочешь полюбить какую-нибудь девушку всей душой, как твой брат... то полюби ее после свадьбы. Ну, если уж тебе совсем невтерпеж, то хотя бы после помолвки, после того как слово сказано... Или хотя бы после того, как ударили по рукам и приняли выкуп. Но если ты сначала влюбишься, как твой брат, а потом сядешь с ее отцом торговаться за размер выкупа, то уж тогда пройдоха-отец потребует от тебя богатства со всего света... В нашем мире любовь бывает двух видов. Первая – когда ты влюбляешься в ту, которую совершенно не знаешь. Если бы большинство пар были знакомы до замужества, они бы никогда не влюбились друг в друга. Сам Пророк Мухаммед не считал возможным сближение мужчин и женщин до свадьбы. А есть и другая любовь – ее испытывают те, кто влюбился после свадьбы, и в этом-то и заключается результат женитьбы без знакомства».

Сулейман. «Я, господин, не могу влюбиться в девушку, с которой я незнаком», – сказал я. «Ты сказал, в девушку, с которой знаком или с которой не знаком? – переспросил праведный Хаджи Хамит-бей и продолжил: – Вообще-то, лучшая любовь – влюбиться в девушку, с которой ты не то чтобы незнаком, а которую ты до свадьбы никогда даже и не видел. Слепцы, например, прекрасно умеют любить». Хамит-бей расхохотался. Рабочие тоже засмеялись вместе с ним, не поняв, в чем дело. Когда Хаджи Хамит-бей уходил, мы с братом поцеловали его благословенную руку.

13. Усы Мевлюта

Хозяин земли без документов

Мевлют очень поздно, в мае 1978 года, из письма старшей сестры узнал о том, что Коркут женится на девушке из соседней деревни Гюмюш-Дере. Сестра писала письма отцу в Стамбул вот уже пятнадцать лет – то регулярно, то как в голову взбредет. Мевлют зачитал письмо Мустафе таким же торжественным и серьезным голосом, которым читал ему обычно газету. Узнав из письма о том, что Коркут приезжал в деревню и что причиной этого приезда была девушка из Гюмюш-Дере, оба, и отец, и сын, испытали странную зависть, даже гнев. Почему Коркут им ничего не сказал? Два дня спустя они отправились на Дуттепе и от Акташей узнали другие подробности истории, и тогда Мевлют подумал, что, если бы у него тоже появился такой влиятельный патрон, покровитель, как Хаджи Хамит Вурал, его жизнь в Стамбуле стала бы гораздо проще.

Мустафа-эфенди. Прошло две недели с того дня, как мы ходили к Акташам и узнали, что Коркут женится благодаря помощи Хаджи Хамита. В один прекрасный день, когда я находился в бакалее Хасана, он внезапно посерьезнел и торопливо поведал, что через Кюльтепе пройдет кольцевая дорога. На ту сторону, где она пройдет, не будет выдаваться кадастровый паспорт, а если и будет, то, сколько ни плати чиновникам взятки, им все равно придется приписать эти земли к дороге. Иначе говоря, на том склоне, где пройдет дорога, ни у кого и никогда не было свидетельства о праве собственности и ни у кого и не будет, и поэтому при строительстве дороги государство никому ничего за землю компенсировать не будет.

– Я посмотрел – наш участок на Кюльтепе все равно пропадет, – сказал он. – И я продал бумаги за тот наш участок Хаджи Хамиту Вуралу. Благослови его Аллах, он честный человек, хорошо заплатил!

– Как это? Ты что, продал мой участок, не спросив меня?

– Это не твой участок, Мустафа. Это наш общий участок. Это я его оформлял, а ты только помогал мне. А мухтар все верно записал, подписывая документ об участке. На нем он указал наши имена. Но бумаги отдал *мне*. Ты тогда ничего не сказал. Меньше чем через год эта бумага вообще потеряет всякую ценность. Знаешь, теперь на том склоне никто даже камня не кладет. Никто и гвоздя теперь там не вобьет.

– И за сколько же ты его продал?

– Успокойся, пожалуйста. Не надо кричать на своего старшего брата... – сказал Хасан.

Тут вдруг в лавку вошла какая-то женщина и попросила взвесить риса. Хасан запустил в мешок с рисом пластмассовую лопатку, а я от ярости бросился за дверь. У меня ведь не было совсем ничего, кроме того участка и этой лачуги! Я никому ничего не сказал. Даже Мевлюту. На следующий день я вновь отправился в бакалею к брату. Хасан складывал из старых газет бумажные кульки. «За сколько ты его продал?» – вновь спросил я. И вновь он не ответил. Я лишился сна. Прошла неделя, и как-то раз, когда в лавке никого не было, он внезапно признался, за сколько продал. Поклялся, что половину суммы отдаст мне. Но сумма была такой маленькой, что я вскричал: «Я С ТАКИМИ ДЕНЬГАМИ НИКОГДА НЕ СОГЛАШУСЬ». – «Так у меня и их-то нет! – воскликнул братец мой Хасан. – Мы ведь сейчас, хвала Аллаху, Коркута женим!» – «Что?! Что ты сказал?! Ты, значит, на мои деньги сына женишь?!» – «Ну, бедняжка Коркут так сильно влюбился, мы же тебе рассказывали! – оправдывался он. – Не сердись! И до твоего сына очередь дойдет, у дочери Горбатого еще две сестры есть. На одной из них и женим Мевлюта!» – «Не лезь к моему Мевлюту! – рявкнул я. – Он еще должен окончить лицей, отслужить в армии. Была бы там девушка хорошая, ты бы сразу взял ее в жены Сулейману».

О том, что участок на Кюльтепе, который его отец с дядей оформили на двоих тринадцать лет назад, продан, Мевлют узнал от Сулеймана. Сулейман вообще считал, что у «земли без документов у хозяина быть не может». Так как никто на том участке за тринадцать лет не построил ни дома, ни даже дерева не посадил, то ничего не значащая бумажка, выданная много лет назад, остановить государственное строительство шестиполосной дороги, конечно, никак не могла. Спустя две недели отец рассказал сыну обо всем, но Мевлют сделал вид, что впервые слышит об этом. Он тоже был вне себя от гнева на Акташей за то, что они продали общий участок, не спросив у них разрешения. К этому добавилась еще и обида за то, что и он подвергся несправедливости, а также злость на то, что Акташи в Стамбуле разбогатели и процветают. Но Мевлют понимал, что не может вычеркнуть из своей жизни ни дядю, ни братьев, – если их не будет, он останется в Стамбуле совершенно одиноким.

– Послушай меня хорошенько, – сказал отец. – Теперь только через мой труп ты пойдешь без моего разрешения к своему дяде либо встретишься с Коркутом или Сулейманом. Ты все понял?

– Понял, – сказал Мевлют. – Клянусь твоей жизнью, что не пойду.

Вскоре он пожалел о клятве. Ферхата теперь тоже не было – в прошлом году друг Мевлюта окончил лицей, а потом его семья уехала с Кюльтепе. В июне отец уехал в деревню, и Мевлют какое-то время слонялся в одиночестве с «Кысметом» по чайным и паркам, где гуляли семьи с детьми, но ему удалось заработать только четверть от того, что они зарабатывали вместе с Ферхатом, так что денег едва хватало на пропитание.

В начале июля 1978 года Мевлют тоже уехал на автобусе в деревню. В первые дни он чувствовал там себя счастливым в окружении родных – отца, матери, сестер. Но вся деревня готовилась к свадьбе Коркута, и это действовало ему на нервы. Он часто бродил по горам со своим старым другом – постаревшим псом Камилем. Там он вспоминал запахи детства – высушенной на солнце травы, холодного ручья, протекавшего между горных дубов и скал. Он никак не мог избавиться от чувства, что в Стамбуле что-то идет не так и что он сам упускает нечто важное.

Дома, в саду под платаном, у него были припрятаны кое-какие деньги, и как-то раз после полудня он их достал. Сообщил матери, что возвращается в город. Мать сказала: «Как бы отец не рассердился!» – но Мевлют не обратил на эти слова никакого внимания. «У меня много дел!» – только и ответил он. Ему удалось не попасться на глаза отцу и сесте на маленький автобус из Бейшехира. Дожидаясь в Бейшехире автобуса на Стамбул, он пообедал баклажаном с мясом в одной закуской напротив мечети Эшрефоглу. Трясаясь в ночном автобусе в Стамбул, он чувствовал, что теперь стал единственным хозяином собственной жизни и судьбы, самостоятельным мужчиной, и предвкушал все те бескрайние возможности, которые дарила ему будущая жизнь.

Вернувшись в Стамбул, он увидел, что всего за месяц потерял многих своих клиентов. Раньше такого не бывало. Конечно, иногда те или иные семьи завешивали окна плотными занавесками и исчезали из виду, а некоторые просто переезжали на дачу. (Были среди разносчиков йогурта и такие, кто переезжал вслед за клиентами в дачные районы: на Принцевы ост-

рова, в Эренкёй и Суадие.) Но торговцы летом не особенно страдали, потому что покупать йогурт для айрана продолжали закусочные и буфеты. Однако летом 1978 года Мевлют осознал, что у уличной торговли йогуртом больше нет будущего. Теперь трудолюбивых ровесников его отца или жадных до денег молодых торговцев вроде него на улицах было все меньше и меньше.

Однако возраставшие трудности не озлобили, не ожесточили Мевлюта, как они озлобили его отца. Даже в самые плохие и неудачливые дни его лицо не утратило способности расцвести улыбкой перед клиентом. Тетушки, супруги привратников, старые ведьмы, всегда предупреждавшие: «Пользоваться лифтом разносчикам запрещено», стоя в дверях новых многоквартирных жилых домов, на пороге которых тоже красовалась табличка: «Торговцам вход воспрещен!» – едва завидев Мевлюта, любили в подробностях рассказывать ему, как открыть двери лифта, на какую кнопку нажать. Юные горничные с восторгом смотрели на него из кухонь, с лестничных пролетов, с порогов жилых домов. Однако он понятия не имел, как заговорить с ними. Эту свою неловкость он скрывал от себя тем, что якобы «не желает быть невежливым». В иностранных фильмах он часто видел, как молодые мужчины запросто болтают с ровесниками. Мевлюту очень хотелось походить на них. Но сами западные фильмы он недолюбливал, потому что в них не всегда было понятно, кто хороший, кто плохой. Правда, когда он развлекался сам с собой, он чаще всего представлял себе тех самых иностранок из западных фильмов и турецких журналов. Он любил погружаться в подобные фантазии, когда ласкал себя по утрам, а утреннее солнце согревало своими лучами постель и его полуобнаженное тело.

Ему нравилось жить одному. До приезда отца он был сам себе хозяином. Он переставил хромоногий стол, повесил оторвавшийся от карниза угол занавески, убрал все кухонную утварь, которой не пользовался, в шкаф. Он подметал и мыл пол намного чаще, чем раньше. При этом теперь его не покидало чувство, что этот дом, состоявший всего из одной комнаты, как его ни убирай, все равно грязен и в нем неприятно пахнет. Теперь Мевлюту был двадцать один год.

Он захаживал в кофейни на Кюльтепе и Дуттепе и подолгу болтал с приятелями по кварталу либо с ровесниками, которые часы напролет проводили в кофейне, подремывая перед телевизором. Заболтавшись с ними, он несколько раз оказывался там, где по утрам собирались искавшие работу на день. Собирались они каждый день в восемь утра на пустыре у въезда в Меджидиекёй. Сюда сходились неквалифицированные рабочие, которых выгоняли с фабрик (их брали только на короткое время и не хотели страховать), а также те, кто кое-как перебивался в доме у родственников на одном из холмов и был готов на любую работу. Сюда приходили и молодые парни, стыдившиеся того, что у них нет постоянной работы, и неудачники, которым уже долго не везло. Здесь они ожидали работодателей, съезжавшихся со всех концов города на пикапах. Среди молодых людей, которые коротали время в кофейнях, были те, кто хвастался поездками на заработки в дальние концы города и тем, сколько заработано там, но Мевлют всего за полдня на йогурте зарабатывал столько, сколько они за целый день.

В конце одного из дней, когда безысходность и одиночество одолели его, он оставил свои подносы, шест и прочие принадлежности в одной закусочной и отправился искать Ферхата. Два часа занял путь в район в городском муниципальном автобусе, набитом как бочка с сельдью и пропахшем потом. Доехав, полный любопытства, он принялся рассматривать холодильники, которые бакалейщики использовали вместо витрин, и увидел, что йогуртовые фирмы оккупировали все и здесь. В бакалее в одном из переулков он увидел холодильник, в котором йогурт стоял на подносе и продавался на килограммы.

Он сел на микроавтобус, и, когда доехал до квартала Гази, который находился за городом, уже темнело. Почти по отвесному склону, на котором и располагался квартал, он прошел на другой его конец, до мечети. За холмом был лес, который можно было считать своего рода естественной зеленой границей города, однако все прибывавшие новые поселенцы постепенно отщипывали от его края кусок за куском, невзирая на заграждение из колючей

проводами. Квартал, стены домов которого были покрыты революционными лозунгами, красными звездами и серпом с молотом, показался Мевлюту еще более бедным, чем Кюльтепе и Дуттепе. Обуреваемый каким-то неясным страхом, он некоторое время бродил по улицам, словно пьяный, и даже зашел в несколько самых многолюдных кофеен, надеясь встретить кого-нибудь знакомого из числа изгнанных с Кюльтепе алевитов. Он спрашивал у всех про Ферхата, но такого никто не знал, да и знакомых он не встретил. Уже сильно стемнело, но в квартале Гази не было уличных фонарей, и улицы стали внушать Мевлюту такую тоску, какую он не испытывал даже в своей родной деревне в Анатолии.

Он добрался до дому и всю ночь мастурбировал. Кончив после очередного раза и успокоившись, он со стыдом и угрызениями совести давал себе слово никогда этим не заниматься, даже клялся в том. Через некоторое время он начинал бояться, что сейчас нарушит клятву и совершит грех. Вскоре он решал быстро сделать это еще раз, потому что это лучший способ избавиться от плохой привычки до конца дней своих.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.